

БОНАККОРСО ПИТТИ · ХРОНИКА

БОНАККОРСО
ПИТТИ
ХРОНИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

CRONICA

DI
BUONACCORSO
PITTI

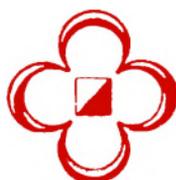
БОНАККОРСО
ПИТТИ
ХРОНИКА

ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО

•

Издание подготовили

З. В. Гуковская, М. А. Гуковский,
В. И. Рутенбург

Издательство «Наука»
Ленинградское отделение
Ленинград · 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров,
А. А. Елистратова,
Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин
(ученый секретарь),
Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов, С. Д. Сказкин,
С. Л. Утченко, Г. В. Церетели*

Перевод *З. В. ГУКОВСКОЙ*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В. И. РУТЕНБУРГ*

Х Р О Н И К А

*Рукой Бонакcorso, сына Нери, сына Бонакcorso,
сына Маффео, сына Бонсиньоре, сына другого
Бонсиньоре деи Питти.*

В ЛЕТО ГОСПОДНЕ 1412

Я, Бонакcorso, сын Нери, сына Бонакcorso, сына Маффео, сына Бонсиньоре, сына другого Бонсиньоре деи Питти, в указанный выше год начал записывать в этой книге для памяти все, что я мог найти и услышать о наших предках и родичах, древних и новых, и о тех, с кем в мои дни мы породнились; а также буду записывать здесь кое-какие воспоминания о жизни и поступках некоторых из названных наших предков, и особливо тех, коих я лично видел. И если я не нахожу и не пишу об основании нашего древнего рода, то причина здесь в том, что старые наши бумаги, будучи передаваемы из поколения в поколение, очутились в руках одного из наших родственников по имени Чоре, и был он сыном Лапо, сына Чоре, сына Маффео, сына Бонсиньоре; и, так как указанный Чоре отличался весьма безнравст-

венной склонностью говорить дурно о других людях и исполнен был зависти, случилось так, что из-за этого его порока он ни разу не получил никакой должности в правительстве нашей коммуны.¹

А он, видя, что мы, сыновья помянутого выше Нери, все были удостоены государственных должностей, в том числе и некоторых самых почетных, и возымев от того величайшую зависть, говорил, что мы-де отняли от него его достояния, и весьма ошибочно считал, что мы его обидели; так что, когда приблизился он к смерти, сделал он завещание и все свое имущество оставил своей дочери, которая ныне находится в женском монастыре в Портико. И, когда он умер, пошли мы к этой его дочери, которая еще жила в своем доме, и сказали ей, что хотели бы получить все книги, хартии и документы наших предков, находившиеся у Чоре. Она ответила, что ничего о том не знает, но что много раз видела, как Чоре продавал какие-то книги в большом количестве, и что незадолго до его смерти видела, как он сжег немало бумаг и документов. Мы убедились, что она говорит правду, поскольку обыскали весь дом и не нашли ни одной книги и никаких бумаг, ни старых, ни новых. Отсюда ясно следует, что помянутый Чоре злонамеренно восхотел, чтобы не осталось ни от него, ни от его предков никаких бумаг из тех, что были в его руках. Из-за пропажи этих документов я вынужден был использовать лишь книги и бумаги моего деда Бонаккорсо, каковые находились в весьма плохом состоянии, поборваны, плохо написаны и плохо велись; однако

я извлек из них кое-что, о чем упомяну здесь, а также и о том, что слышал от Нери, нашего отца, о прошлом нашего рода. И прежде всего я установил, что мы, Питти, будучи гвельфами, были изгнаны из Симифонте гибеллинами,² которые там правили; думаю, что род наш делился на три ветви: первая обосновалась в местности, которая называлась Луя, и в наши дни потомки ее там представлены значительными и почитаемыми в контадо³ семьями, владеют добрыми и богатыми землями и ныне прозываются они, т. е. вся эта ветвь, Луйези, так как, видимо, в этой местности, которая называется Луя, не было никого, кроме представителей этого рода; их герб такой же, как наш, без всякой разницы, из чего видно, что мы с ними в родстве; да еще я узнал от заслуживающих доверия стариков указанной семьи и от некоторых наших древних членов, что всегда мы с ними поддерживали общение и дружбу, как родственники.

Вторая ветвь происходит от названия одного места около Флоренции и по нему носит имя Амирати; и нынче еще имеются некоторые из них, которые теперь живут в контадо, довольно близком к холму упомянутого Симифонте, каковой был разрушен флорентинской коммуной в 1202 году. Семья эта была уже во Флоренции весьма почитаемой и носит герб такой же, как и мы, а именно щит и на нем белые и черные волны.

Третья ветвь, а именно мы, прозываемые Питти, обосновались в Кастельвеккио в Вальдипезе, где купили добрые и богатые земли, и в частности одно место, которое зовется

«У башен», потому что там были два господских дома и у каждого была башня с голубятней; каковое поместье еще и ныне принадлежит нам, но там осталась только одна башня, поскольку уже в мои дни другую мы из предосторожности разрушили, ибо она грозила упасть. А затем вышеупомянутые предки наши немного лет спустя явились проживать во Флоренцию, и первые их дома были те, которые ныне принадлежат Макиавелли — в квартале Санта Феличита, каковые им [Макиавелли] продали Чоре и Бонаккорсо, сыновья Маффео деи Питти.

Я слышал от Нери, отца нашего, об одном нашем предке по имени Бонсиньоре, который отправился к святому гробу в Иерусалим и к монастырю святой Катерины на горе Синайской и не вернулся, и неизвестно, где он умер; при отъезде своем из Флоренции оставил он жену свою беременной, и она родила сына, какового по имени отца назвали Бонсиньоре. От этого Бонсиньоре родился Маффео, каковой Маффео был человеком знатным, и могущественным, и почитаемым гражданином, и из книги, в которой записаны все, кто когда-либо занимал должность приора,⁴ явствует, что вышеупомянутый Маффео был приором Флоренции в 1283 году.

Маффео в числе детей своих имел двух сыновей: первый носил имя Чоре, второй Бонаккорсо. Чоре был знатным и почитаемым гражданином и по своему значению и по возрасту, видимо, стоял много выше Бонаккорсо. От него родились Лапо и другие сыновья. У Лапо же родились другой Чоре и другие

сыновья; об этом другом Чоре выше упомянуто — и более чем достаточно по его бесчестью.

Бонаккорсо же, сын Маффео, был, согласно подлинным документам, добрым человеком и весьма благочестивым; по хартии видно, что он купил землю и дом в квартале Санта Мария в Верзайе, где основал женский монастырь, и об этом нашел я упоминание в одной из его книг в следующей форме, а именно: «Вспоминаю, что я, Бонаккорсо Питти, купил дом с землей до самого Арно в приходе Санта Мария в Верзайя, у сера⁵ Андреа Мази, нотариуса Сан Брокколо, за цену в 93 золотых флорина, чтобы устроить там церковь и женский монастырь в честь св. Анны; и епископ освятил ее, и произнес проповедь, и дал письмо на покупку, и сделал все прочее, что полагается в таком случае; и договорился с церковью Санта Мария в Верзайе, и должен получать ежегодно большую восковую свечу от [монастыря] св. Анны. Документ о покупке составил сер Стефано Фичини; для большей моей обеспеченности записали покупку наполовину на Нери, но я, Бонаккорсо, выплатил всю стоимость в 93 золотых флорина в руки указанного выше сера Андреа Мази 29 июня 1318 года».

Указанный Бонаккорсо имел женой монну Джованну дельи Инфангати. От нее имел он шесть сыновей и трех дочерей, а именно: Маффео, Томазо, Чилию, Чоне, Агостино, Нери, Тессу, Бартоло и Чайю. Монна Джованна имела сестру по имени монна Ненте, каковая была замужем за ... Петритони и родила Убальдино и Пьеро и других детей.

Нери взял в жены монну Куррадину, дочь Джованни, сына мессера⁶ Убертино дельи Строщи; они имели одиннадцать детей, а именно: Пьеро, Джованни, Франческо, Никколозу, Джованну, Бонаккорсо, Франческо, Чоне, Бартоломео, Америго и Луиджи.

Чоне, брат Нери, был женат на монне ... Саккетти; из их детей в наши дни жива только монна Франческа, монахиня в монастыре Санта Феличита; Чоне женился вторым браком на монне Маргерите, которая жива еще; от этого брака они имели детей, а именно: Лизабетту, Никколо, Чоне и Аньола. Лизабетта была выдана замуж за Мильоре ди Джунта; были у них дети, а именно: Маргерита, каковую отдали за Антонио, сына Карло Ручелаи Джунта; Аньола замужем за маэстро Антонио далла Скарпериа;⁷ Чоне, Филиппо и Никколо. Аньола, дочь Чоне и монны Маргериты, вышла замуж за Франческо деи Джетта; была у нее дочь по имени Лиза, замужем за Франческо, сыном Леонардо Перуцци, от этого брака имела она четырех детей, а впоследствии вышла вторым браком за Филиппо, сына Джованни Кардуччи, и имела от него много детей.

Монна Тесса, сестра Нери, была замужем за Камбио Камби, имела троих детей, а именно: Пьеро, Джованну и Франческо. Монна Джованна выдана была за Морелло деи Росси; женой Франческо была монна Катерина, дочь Джованни Альфани и монны Биче, дочери Никколо Малегонелле; было у них много детей, из которых ныне здравствует только один по имени Камбио. Этого Франческо многие считали принадлежащим

к роду Питти, поскольку из-за ссоры, которая была у нас с семьей Макиавелли, он взялся за оружие вместе с нашим отцом.

У монны Куррадины был брат по имени Луиджи и три сестры, а именно: монна Тиле замужем за Скьята Манджони, от которого она родила Якопо и много других детей; из детей Якопо еще живы Джованни и другие; монна Бьянка была замужем за Колино Грандони, у них родились Андреа и другие дети; у Андреа была дочь монна Лионарда, которая была замужем за Майнардо Адимари и имела много детей. Монна Лена была выдана за Никколо Малегонелле, и было у них 24 ребенка, из коих вспоминаю я Пьеро, монну Биче, монну Катерину, Томазо и Марко. От этого Пьеро остался незаконный сын по имени Джовакино, добрый и достойный юноша. Монна Биче была замужем за Джованни Альфани, у них была дочь Катерина, ставшая женой Франческо ди Камбио, как уже упоминалось выше. Томазо был женат на монне Франческе, дочери Джованни ди Никколо деи Медичи; был у них сын по имени Никколо. От Луиджи родился Джованни, чьей женой была монна Контессина деи Джиролами; живы восемь их детей, а именно: Лоренцо, Луиджи, Филиппо, Франческо, Лиза, Сельваджа, Гостанца и Лена. Лиза стала женой Томазо ди Леонардо Фрескобальди, Сельваджа же — женой Франческо ди ... Пьеро ди Нери Питти взял в жены монну Антонио ди Бартоломео, дочь Риккардо Джованни и монны Лобы деи Барди; было у них шестеро детей, а именно: Аньола, Никколоза. Нери, Катерина, Джованни и Лоба.

Аньолу выдали замуж за Никколо д'Андреа дель Бенино; они имели много детей. Никколола была замужем за Маттео, сыном мессера Джованни Панчатики, и тоже имела много детей. Нери женился на Лизабетте ди Маттео, дочери Маттео, сына сера Микеле, а мать его была сестрой Пьеро Бончани; имел он двоих детей — Бартоломео и Пьеро. Катерина была отдана замуж за Никколо, сына Заноби Джинори, и имела от него детей.

Пьеро и Антония умерли стариками в один и тот же год. В течение своей жизни Пьеро исполнял всевозможные почетные должности как внешние, так и внутренние, был два раза приором и один раз — гонфалоньером справедливости;⁸ сам по себе он был человек небольшого роста, толстый и мускулистый; черноволосый и здоровый, веселый, доброжелательный и любезный; прожил 67 лет.

Нери ди Бонаккорсо, наш отец, нажил большое состояние в цехе Лана;⁹ бывало, что он выпускал в год 11 сотен кусков, из которых большую часть посылал в Апулию; он очень рьяно занимался этим ремеслом. Он устроил так, что в наш дом поступала французская шерсть, а от нас выходили готовые сукна, и последним зданием, которое он выстроил, была мастерская со станками для растягивания сукон, которая обошлась более чем в три с половиной тысячи флоринов. Похоже, что он отказывался от тех общественных должностей, от которых можно было отказаться. Я сам помню, как он в соответствующих советах отказался стать знаменосцем компании. Он был два раза приором. Был он видный мужчина,

в три локтя ростом, не толстый, но хорошо сложенный и мускулистый, румяный, здоровый и сильный и прожил 68 лет; да отпустит господь бог ему его прегрешения. Монна Куррадина была красивая и достойная женщина; была она среднего роста и лицом смугловата; прожила 66 лет.

Я, Бонакcorso, взял в жены Франческу, дочь Луки ди Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци и монны Дианоры ди Пьеро ди Нери даль Паладжо. У нее была сестра по имени Мадалена, жена Франческо ди Джакопо Пекори, и у них есть двое сыновей — Джакопо и Лука.

Указанная Франческа имеет двух братьев, а именно: Пьеро и Никколо. Никколо женат на Лотьере, дочери Кардинале Ручеллаи и монны Лапы ди Стефано Каstellани; они имеют сына, которого зовут Лука Антонио.

Я и Франческа до настоящего времени имели одиннадцать детей, из коих живы семеро, а именно: Лука, Руберто, Куррадина, Мадалена, Франческо, Примавера и Нери. Примавера получила свое имя в честь матери монны Дианоры, каковая была сестрой Карло и Смеральдо дельи Строщи.

Брат мой Франческо женат на Франческе, дочери Джованоццо Бильоти и монны Бартоломеи ди Кола Нерини. Имеет трех братьев и одну сестру, а именно: Бетто, Риньери, Никколайо и Маргериту. Бетто женат на Джованне ди Томазо Амидеи. Маргерита замужем за Андреа Белинчони. Франческо и Франческа имели до сих пор тринадцать детей, из них живы двенадцать, а именно: Чоне, Пьеро, Антонио, Куррадина, Катерина, Бартоломеа,

Маргерита, Дианора, Нери, Лизабетта, Симонетта и Джованоццо. Куррадина замужем за Андреа ди Джусто Каверелли, Маргерита — монахиня в монастыре Санта Феличита, Катарина замужем за графом Гвидо, сыном графа Франческо да Баттифолле, графа Мончоне.

Франческо до настоящего времени занимал два важных поста вне Флоренции, а именно был викарием в Вальдарно и подестой в Пистойе.¹⁰ Франческо дважды был приором и сейчас им является, и несколько раз членом коллегии,¹¹ и занимал еще ряд важных должностей как внутри, так и вне Флоренции. Бартоломео ди Рикардо Джованни имел сестру монну Антонину, каковая была женой Уберто ди Скьятта Ридольфи, из них жив ныне Скьятта. Указанный Бартоломео был отцом монны Антонии — жены Пьеро, как я выше уже упоминал.

Паоло и Филиппо дельи Альбицци, и монна Нери, и монна Танча были братьями и сестрами Луки, отца Франчески, моей жены. Паоло был женат на монне Гите, дочери Стефано ди Ванни Каstellани; имели они много детей мужского и женского пола; одна дочь по имени Маргерита была выдана замуж за Ингилезе Барончелли. Филиппо был женат на монне Никколозе ди Саламоне ди Торелло. Имеют они сына по имени Пьеро, каковой женат на Аньоле, дочери Аньоло ди Ландо дельи Альбицци.

Монна Танча стала женой Лоренцо Альтовити. Имеют они дочь Лоренцу, прозванную Малюткой, каковая — жена Нери дель Аньоло Веттори; имеют они много детей.

Монна Нера была женой мессера Никколо ди Паньоцо Торнаквинчи, имеет трех дочерей, а именно: Андрею, Маргериту и Никколозу. Андреа была женой Джованни д'Андреа, сына мессера Уго дела Стуфа, и имеет от него сына по имени Никколо. Маргерита — жена Пьеро, сына мессера Заноби да Медзола; имеют потомство. Никколоза замужем за Никколо ди Корсо дела Рена: у них пока нет детей. У монны Бартоломеи, матери Франчески — жены Франческо Питти, есть две сестры, а именно: монна Пьера, жена Франческо Федериги, имеет детей; монна Тесса, жена Стефано Корсини, тоже имеет много детей. Бартоломео ди Нери Питти имеет женой Лизу, дочь Луиджи ди Бонакcorso Питти и монны Лизы, дочери покойного мессера Чиприано дельи Альберти. Указанная Лиза, жена Бартоломео, была сперва женой Бернардо — сына Липпо ди Чоне дель Кане, и имеет от него двух дочерей — Сисмонду и Бернарду. И когда указанная Лиза осталась вдовой и наследницей Луиджи ди Бонакcorso Питти, Бартоломео женился на ней, дабы это наследство не ушло бы из нашего дома. Мать Луиджи, отца указанной Лизы, была монна Лиза ди ... дельи Скоделлаи; сестрой последней была монна Феличе, жена Маттео ди Доно Богоньюоли; от них остались сыновья Доменико и Герардо, которые имеют много детей мужского и женского пола. Бартоломео был гонфалоньером компании; приором еще ни разу не был.

Указанный Бартоломео имел троих дочерей и одного сына, а именно: Куррадину, Лену, Луизу и сына Нери. Нери умер, а дочери

живы. Бартоломео среднего роста, но красивый мужчина.

Луиджи ди Нери Питти женился на Бинделле, дочери Доффо Арнольфи и монны Феличе ди Бартоломео дель Тозетто; у указанной Бинделлы есть брат Баттиста. Бинделла сперва была замужем за Кристофано ди Бонаккорсо и имела от него дочь по имени Сандра. Луиджи имел от нее двух сыновей — Нероццо и Доффо. Впоследствии Луиджи женился на Лапе, дочери Альдеротти Брунелески и монны Катерины ди ... Аламанны; живы восемь братьев и одна сестра указанной Лапы, а именно: Бернардо, Габриэльо, Джованни, Брунелеско, Лиза, Антонио, Сальвестро, Франческо и Пьеро. Лиза, жена Филиппо дела Трита дельи Адимари, имеет много детей.

Указанная Лапа была сперва женой Гвидо дель Пера Бальдовинетти и имела от него дочь по имени Гостанца. Луиджи до сегодняшнего дня имел от указанной Лапы шестерых детей, а именно: Бинделлу, Томазо, Куррадину, Катерину, которая умерла, и затем другую Катерину, позже родившуюся, и шестого — Маффео, который носит имя нашего прадеда.

Указанный Луиджи исполнял должность одного из «Коллегии Двенадцати»,¹² а затем был приором в 1410 году в ноябре и декабре месяце, и, видно, ему пришлось с помощью своего родича Габриэлло Брунелески заключить мирный договор между нашей коммуной и королем Владиславом,¹³ каковой мир был крайне необходим нашей коммуне, и потому заключением договора был доволен весь народ и в особенности подлинные добрые гвельфы,

а также и вышеупомянутый король, который весьма нуждался в мире с нами и потому был тоже весьма доволен; и действительно, выяснилось, что и по сей день он много заботится о том, чтобы находиться в добром мире с нашей коммуной.

Указанный Луиджи после заключения мира был послан к упомянутому королю послом вместе с мессером Кристофано дельи Спини и мессером Джованни ди сер Ристоро; были они им приняты с радостью и почетом, и добились от него всего, чего просили от имени коммуны. После того как они вернулись во Флоренцию, Луиджи был снова послан послом к королю; он был приветливо принят, и, поступая по своему обыкновению, Луиджи сверх того, что было провозглашено в пользу коммуны, просил, чтобы я, Бонаккорсо, назначен был бы капитаном Аквилы, каковая милость была ему тут же любезно дарована. Когда Луиджи вернулся во Флоренцию, решили мы с ним по некоторым причинам, чтобы капитаном в указанную Аквилу отправился Луиджи; и он поехал туда и вступил там в должность 20 сентября 1412 года; побыв там немного времени, он поехал навестить его величество короля, каковым радостно был принят; и, пробыв у короля некоторое время, Луиджи попросил у него милости на то, чтобы по окончании года его службы его должность была передана на один год мне, Бонаккорсо, и чтобы король даровал ему своею милостью право, чтобы в Аквиле мог бы замещать его в должности один из его братьев; а сам бы он получил от короля разрешение приехать во Фло-

ренцию, а также и ряд других милостей, и все они были королем любезно ему дарованы, и он вернулся во Флоренцию, и находится здесь до настоящего дня 24 января вышеупомянутого года, а в Аквиле его замещает Франческо, наш брат.

Указанный Луиджи — человек среднего роста, худой и сухощавый, как все мы, братья, и чем мы все похожи на отца.

Луиджи ди Бонаккорсо ди Рукко Питти имел сестру по имени Никколоза, каковая стала женой Пиначчо дельи Строцци; остался от них в живых сын по имени Бонаккорсо; он женат и имеет детей. В церкви монастыря Сант'Амброджо можно сейчас видеть перед главным алтарем большой и красивый светильник, на нем внутри изображен наш герб. Старые монахини этого монастыря рассказывают, что была здесь аббатиссой одна из Питти, именем монна Катерина; и в одной из книг Бонаккорсо ди Маффео Питти я нашел приписку, помеченную 13-м днем июня 1309 года, где говорится: «В дар мадонне Сант'Амброджо должна...» и т. д.

Монна Бартоломеа ди Кола ди Нерино, мать Франчески, жены моего брата Франческо, имела брата по имени Джулиано, от которого осталось много детей.

Гостанца, дочь Джованни ди Луиджи дельи Строцци, вышла замуж за Антонио ди мессера Никколо да Рабатта в 1413 году в ноябре месяце. Сандра, падчерица Луиджи, вышла замуж за Лоренцо, сына Луиджи дельи Строцци, нашего двоюродного племянника, в 1415 году в сентябре месяце.

Камбио, сын Франческо ди Камбио, наш двоюродный племянник женился на Тадее, дочери Тьери да Марчалла, и сделал это, никого не известив.

Контецца Катерина, дочь Франческо, замужем с июля месяца 1415 года, когда я был викарием в Вальдарно, как сказано выше.

Пьеро, сын Луки дельи Альбицци, взял в жены Бинделлу, дочь Биндо далла Тоца и монны Франчески, дочери мессера Симоне Торнабуони; свадьба была ... февраля 1415 года.

Никколо, сын Томазо Малегонелле, наш племянник, женился на Марии, дочери Никколо ди Франко Саккетти; свадьба была ... 1414 года.

Сисмонда, падчерица Бартоломео Питти, сватана за Джулиано, сына Джованни Бьяджи ... декабря, и затем ... января 1416 года с ним обменялась кольцами. Документы составлял сер Лапо Пьери да Чертальдо; свадьба была здесь, в нашем доме.

Сын мой Лука дал брачное кольцо Фьоретте, дочери Филиппо Макиавелли и монны Бьонды, дочери Джулиано ди Бартоло Джини, 20 октября и женился на ней в указанный день 1418 года. Взял за ней он приданого тысячу сто золотых флоринов.

Засим запишу для памяти о рождении детей моих, Бонаккорсо ди Нери ди Бонаккорсо деи Питти, и жены моей, монны Франчески ди Лука ди Пьеро дельи Альбицци.

1395. В первый день июня 1395 года родился у нас сын, каковому дали мы имя Луки, в честь отца монны Франчески. Крестными

отцами были Никколо ди мессер Луиджи Гвиччардини и Маттео Антонио Таналья. Камилла родилась 24 декабря 1398 года. Восприемниками при крещении были Банко да Варадзано, Кименто ди Стефано и Антонио ди Кокко Донати.

Риньери родился ... сентября 1400 года во дворце деи Бьянки в Болонье, где мы спасались от большой смертности; ¹⁴ кумовьями были сер Антонио, сын сера Бандино да Ремена, Уголино да Лино, Бартоло и Рикино — сыновья сера Чекино, Бартоломео ди ... и Джованни-мельник.

1401. Руберто родился 25 апреля 1401 года, в день святого Марка, т. е. в тот же день, когда родился я в 1353 * году. Назвали его Руберто в честь герцога Рупрехта Баварского, ¹⁵ который был избран римским королем и новым императором и который даровал дворянство мне и моим братьям и всему нашему потомству, о чем ниже будет написано. Кумовьями моими стали Россо ди Пьеро и Фантоне ди Нальдо.

1403. Куррадина родилась октября 29-го дня 1403 года. Восприемниками ее при крещении были Бартоло ди Берто да Марчалла и монна Паола дель Мачанте Гвиччардини.

1404. Вторая Куррадина родилась 21 сентября 1404 года. Кумовьями моими стали члены коммуны города Пешии, крестил ее синдик коммуны Стефано Мартини и Гаспаре ди Бартоломео.

* Далее Питти пишет, что родился в 1354 году. Видимо, в книге, по которой сделан перевод, допущена опечатка, не замеченная издателем. Прим. ред.

1406. Нери Чиприано родился 4 ноября 1405 ** года. Кумовьями были Руберто ди Франческо деи Росси, маэстро Доменико ди ... врач и сер Лапо Пьери да Чертальядо.

1407. Мадалена родилась 15 августа 1407 года. Восприемниками были члены коммуны Монте Спертоли, крестили ее Лапо дель Джудиче и Лапо ди Бикьелло.

1408. Франческо родился октября 20-го дня 1408 года, в три часа ночи; восприемницами при крещении были монна Костанца ди Боккаччо Веллутти, монна Меа дела Минна и Джованна, наша съемщица.

1409. Примавера родилась 22 октября 1409 года, крестили ее Пьеро дель Чукко, монна Катерина ди Никколо Малегонелле и монна Бандекка, сестра Руберто деи Росси.

1410. Пьеро Ветторио родился 28 июля 1410 года. Восприемниками были дон Симоне Маттеи, приор церкви Сан Феличе на площади, и сер Джулиано дела Чиконья, священник церкви Сан Лоренцо.

1413. Камилла Гайа родилась 16-го дня августа 1413 года, в четыре часа ночи; восприемниками при крещении были Франческо ди Рустико, прозванный Грассо, и монна Гостанца ди Марко ди Филиппо, и Джованна ди ... Божией милостью нарекли мы ее именем Гайа в честь одной из сестер нашего отца, которая, оставшись вдовой, вложила свое приданое как

** По-видимому, и здесь разные даты, относящиеся к одному событию, объясняются опечаткой в книге; какая из указанных дат является верной, установить не удалось. Прим. ред.

вклад в госпиталь делла Скала и сама вступила в него.¹⁶

1417. Луиджи Джиминьяно родился ноября 22-го дня в девять часов утра; крестили его сер Джованни ди Беччи и сер Амброджо ди Франческо от имени всей коммуны Сан Джиминьяно, и дали они повивальной бабке много конфет, восковых свечей и шесть серебряных чашек, всего стоимостью в 50 золотых флоринов. Луна имела тогда 15 часов... пунктов и 12 дней.¹⁷

Напомню, что я, Бонаккорсо, родился 25 апреля 1354 года, а 25 апреля 1374 года умер Нери, наш отец. У меня был сын по имени Руберто, который также родился 25 апреля, как выше было упомянуто.

24-го дня марта месяца в три часа ночи 1419 года, когда луна имела 3 дня и 1053 пункта, Фьоретта, жена моего сына Луки, разродилась мальчиком, которому дали имя Буоноккорсо и Лионардо. Кумовьями были Неро ди Филиппо дель Неро, Таленто ди Филиппо ди Боно, Антонио Фантони, Антонио д'Антонио дель Качча, дель'Агостино Коппини, Джованни ди... комендант дворца, прозванный Ланкрезино, и сер Фестино да Виссо.

Дионора родилась 1 сентября 1421 года. Кумовьями были Никколо делло Стренато и Якопо Гвидотти и...

Пьеро Америко родился 15 ноября 1422 года в половине восьмого ночи роскошнейшей.¹⁸ 16 ноября дали ему указанные имена в честь двух сыновей, которые были у Франческо ди Нери. Кумовьями были сер Антонио Малегонелле, Якопо ди... Гвидетти, Алессандро ди Якопо ди Никколо ди Номе.

Филиппо родился ... января 1423 года, и родился он в Корно в Вальдипезе. Назвали его Филиппо в честь отца его матери. Кумовьями были...

Спинетто родился 26 марта 1425 года. Родился он в Веруколе в Луниджане, когда Лука был комиссаром нашей коммуны¹⁹ в землях маркиза Спинетта. Восприемниками были маркиз Антонио Альбериго, маркиз Бернабо, и Бернардо Нарди, и дон Джованни да Винка, Бардино ди ... и другие.

Аньола родилась 13 июля 1426 года, восприемниками были Джованни, прозванный Писторе, и монна Франческа да Пьеро Шанкато.

Лиза Катерина родилась 4 апреля 1429 года, восприемники — Герардо Барончелли и Папи Галли.

У Руберто ди Бонаккорсо Питти и Джованнны ди Сальвестро Гонди родился июня 5-го дня 1428 года Сальвестро. Восприемники — Фореста ди Джованни, дон Джованни да Винка ди Луниджана.

* * *

Я, Бонаккорсо ди Нери, запишу здесь для памяти о моих странствиях по свету с того времени, когда я остался без отца, что случилось в 1374 году, в каковом году апреля 25-го дня умер отец наш, да простит его господь.

После его смерти мы, восемь детей его, вместе с матерью нашей по причине большой смертности во Флоренции удалились в принадлежащее нам местечко в Вальдипезе, которое называется Корно, где случилось, что брат наш Джованни умер, а отроду ему было 27 лет;

и умер также в нашем доме в какие-нибудь несколько дней Никколо ди Чоне, наш двоюродный брат, и умер по всем признакам от чумы; после того как утихла смертность во Флоренции, мы туда возвратились и узнали, что монна Маргерита, мать указанного Никколо, покинула дом, где проживала, и отнесла всю их ценную утварь и парадные одежды в дом своей сестры, матери Никколо и Гвидо дель Грассо Манелли; этот ее поступок никак нельзя было одобрить, принимая во внимание, что был еще жив Чоне, брат Никколо и ее сын, каковой находился в это время в Венеции; и мои братья рассудили, чтобы я съездил в Венецию и оттуда привез помянутого Чоне, которому было 18 лет, чтобы он мог сам увидеть, как обстоят его дела.

Я отправился в Венецию, и, когда я возвращался оттуда вместе с помянутым Чоне, случилось, что в день св. Андрея мы уехали из Пьетрамала и, спускаясь оттуда по долинам, мы из-за холода сошли с лошадей, и, когда Чоне пропустил вперед своего коня и хлопнул его хлыстом, конь так ударил его копытом в голову, что Чоне упал замертво. Я велел положить его на носилки, которые оказались тут рядом с церковью, и перенести его в Фиренцуолу, и тотчас же написал во Флоренцию моим братьям о том, что случилось. Они сказали об этом его матери и тут же отыскивали медика, маэстро Франческо, и привезли его в Фиренцуолу; они нашли Чоне в таком состоянии, что никто не верил, что его можно спасти; однако он поправился благодаря прекрасному уходу помянутого медика, хотя ему

пришлось полежать более месяца, а затем оттуда был он перевезен во Флоренцию и совершенно излечился.

Об этом событии мне хотелось упомянуть, потому что из-за того горя, которое я испытал в этих горах, держа на коленях своего двоюродного брата, казавшегося мне мертвым, с разбитой головой, а также из-за того, что его мать, то ли из коварства, то ли из глупости и желания посеять ссору между нами, кричала моему брату Пьеро: «Вы отправили Бонаккорсо за моим сыном, чтобы его убить, как вы и сделали, а другого моего сына извели в вашем доме в Вальдипезе». Еще больше горя и неудовольствия мне досталось, когда я укладывал его на носилки и, считая его мертвым, снял у него сбоку сумку, где оказалось несколько распечатанных писем, каковые он получил в Венеции от своих кузенов деи Манелли, и те ему в них писали о нас, что будто бы, когда его мать захотела вернуться в дом, где жила со своим братом, мы-де ее выгнали вон и побили ее. Эти письма я не захотел вернуть Чоне, когда он выздоровел, сказав ему, что я хочу показать их нашим родственникам, чтобы они увидели всю фальшь и лживость этих деи Манелли; он же, придя ко мне, требовал возвращения указанных писем, говоря: «Если ты их мне не отдашь, я всем буду жаловаться на то, что ты со мной сделал, я ведь знаю, что ты меня ударил мечом по голове, но я об этом молчал и буду молчать, если ты вернешь мне письма». Услышав такие слова, я понял, что это его мать и помянутые Манелли научили его так говорить либо для того, чтобы напу-

гать меня и заставить отдать письма, либо для того, чтобы рассердить меня так, чтобы я сказал ему какую-нибудь грубость; однако, слава богу, я не сделал ни того, ни другого и сказал ему: «Ты ведь мне эту ложь говоришь не от себя; я знаю, кто тебя подучил так говорить, и знаю, по какой причине, но я не отдам тебе письма, несмотря на все твои речи, и не поддамся на то, чтобы поступить с тобой так, как ты, по своей подлости, того заслуживаешь. Итак, уходи и можешь жаловаться и говорить все, что ты хочешь, меня это не заботит, так как истина обнаружится». И тут я тотчас же пошел в дом Бонаккорсо ди Рукко деи Питти и отнес помянутые письма; там были все мои братья, и его сын Луиджи, и его племянник — Лионардо деи Джеппо Питти, и коварный Чоре ди Лапо Питти; я рассказал им все, что Чоне мне только что говорил, и показал им эти письма, и после долгих обсуждений они потребовали у меня эти письма и приказали мне, чтобы я больше ничего не предпринимал и предоставил действовать им. И спустя приблизительно месяц после того дня они за мной послали, и я нашел в их присутствии Чоне, и тот долго говорил в свое извинение и сам просил у меня прощения, клянясь, что он ничего не помнил о том, как и откуда получил удар по голове; он говорил, что, как глупец, слушал советы тех, кто хотел посеять между нами ссору, но что господь вернул ему ныне сознание истины, в которой он твердо уверен, т. е. что ударил его конь копытом, как я ему и говорил. Я простил его охотно, и с тех пор в течение многих лет он великими прось-

бами уговаривал меня простить и его мать, и хотел, чтобы я простил и его кузенов Манелли, чего я не хотел тогда никак; но по прошествии около 30 лет однажды, в святую пятницу, в церкви Санто Спирито я, чтобы сподобиться милости божией, без иного пособника, кроме господ, пригласил их в капитул и вернул им мир, что они приняли пристыженные.

В 1375 году, будучи молодым и лишенным руководства и желая странствовать по свету и искать своего счастья, я решил сопровождать Маттео делло Шельто Тинги, каковой был купцом и большим игроком. Мы поехали в Геную, затем в Павию, вернулись в Геную и потом отправились в Ниццу и в Авиньон; и будучи там в праздник рождества, были мы схвачены и брошены в тюрьму папским маршалом²⁰ и пробыли там восемь дней; нас допрашивали, говоря что мы шпионы флорентинской коммуны, и Маттео было показано письмо, которое один из его братьев во Флоренции написал ему и в каковом сообщал, как Болонья восстала против папы по просьбе и при помощи флорентинцев;²¹ но после многих вопросов их и наших ответов суд, ясно сознавая, что мы ко всему этому непричастны, тем не менее потребовал от нас залог в 3000 флоринов, чтобы мы не уезжали из Авиньона без разрешения папского маршала. Маттео нашел людей, которые за нас поручились, но, когда мы вышли из темницы, Маттео, будучи мудрым, счел, что мы подвергаемся серьезной опасности, оставаясь здесь, по причине большой войны, которую наша коммуна вела тогда против земель церкви; имея твердое намерение расплатиться

с купцами, которые за нас поручились, если их будут принуждать к уплате, он решил, что нам надо уезжать. Мы уехали и как можно быстрее возвратились во Флоренцию, и вскоре там были получены письма из Авиньона о том, что папа велел посадить в тюрьму всех флорентинцев и забрать их книги и все их товары; а также во всех других западных землях флорентинцы были взяты и разорены судами и решениями, которые папа Григорий²² издал против всех флорентинцев; и все для того, чтобы наша коммуна отказалась преследовать дурных клириков, бывших в то время, из каких ни прежде, ни после не видел я хороших. В следующем году помянутый Маттео решил отправиться в Пруссию и чтобы я поехал бы с ним; он отправил меня вперед и велел мне подождать его в Падуе или в Венеции и сказал, что встретится со мной через месяц после моего отъезда. Я поехал в Падую, а также в Виченцу и Верону, чтобы поглядеть их, а затем вернулся в Падую и оттуда проехал в Венецию. Приехал Маттео и закупил шафрана на тысячу дукатов. Мы поехали морем до Сеньи в Славонии²³ и затем по суше в Загреб и Буду, и там Маттео продал указанный шафран и нажил на этом тысячу дукатов; и, поскольку я был очень болен лихорадкой и тяжелой двухсторонней ангиной, Маттео оставил меня в Буда одного в доме Микеле Маруччи и дал Микеле двенадцать дукатов, которые тот должен был мне передать, если я поправлюсь, на обратную дорогу во Флоренцию; а то, что тот потратит на меня во время болезни моей, он вернет ему на обратном пути. Отправился он

своей дорогой, а я остался и очень бедствовал, так как оказался в очень плохих условиях. Постелью мне служил набитый соломой мешок в заброшенной бане, и ни разу не посетил меня врач; в доме этом не было ни одной женщины, только слуга, который стряпал и обслуживал указанного Микеле и двух его гостей-купцов. Я был на пороге смерти и провел в этой бане целых шесть недель; и вот случилось, что в день св. Мартина целая компания немцев явилась с дудками праздновать и плясать в большом зале, расположенном перед этой баней, где я лежал на мешке с парусиной, в которую пакуют сукна, вместо простыни, покрытый мохнатой материей и сверху ее одной моей грязной шубой. Некоторые из пришедших, сунув голову в дверь и увидев меня, вошли и силой заставили надеть эту шубу и потащили в зал, говоря мне: «Либо ты выздоровеешь, либо помрешь и не будешь больше мучиться». И тут стали меня таскать по этому залу на протяжении часа и, несмотря на все мои просьбы и жалобы, никак меня не хотели отпускать, пока я не упал от усталости; тогда они положили меня обратно на мешок и сверху навалили на меня все свои шубы, а сами вернулись в зал танцевать и всю эту ночь не переставали плясать и пить. Я страшно вспотел под всеми этими одеждами. Утром они все вошли в мою баню, оделись и, силой опять одев меня, заставили пить с ними, что, впрочем, я охотно сделал. Они ушли, а я отдыхал около часа, а потом вышел на улицу и пошел в дом Бартоломео ди Гвидо Бальди из Флоренции, каковой в Буде был королевским монетным ма-

стером. Он меня встретил весьма любезно и удержал обедать, а после начали мы играть с названным Бартоломео, и я выиграл у него четыре флорина, поставив 55 своих венецианских сольди, которые составляли все, что у меня осталось. В это время появилось несколько евреев и немцев, которые часто приходили играть с указанным Бартоломео. Начали они играть, и я с ними, и в конце этого дня принес домой двадцать золотых флоринов выигрыша. Я вернулся туда на следующий день, выиграл около сорока золотых флоринов, и так продолжалось ежедневно в течение пятнадцати дней, в конце которых оказалось, что я имею 1200 флоринов или около того выигрыша, каковые я получил с помощью указанных выше 55 флорентинских сольди. Вышепомянутый Микеле Маруччи все время нашептывал мне на ухо, чтобы я прекратил игру, говоря: «Купи несколько лошадей и возвращайся во Флоренцию, я поеду с тобой до Синьи, куда я скоро собираюсь отправиться»; и я в самом деле послушался его совета, купил шесть добрых лошадей и нанял четырех слуг и мальчика-пажа. Так достигли мы Синьи, где указанный Микеле продал мне пять своих лошадей. Я нанял марсельскую барку, погрузил на нее всех своих лошадей и из-за встречных ветров достиг Венеции через двадцать четыре дня и с большими муками; и тут при выгрузке лошадей сломал шею одной из самых лучших. Приехав в Падую, я одну из лошадей подарил проживающему там Джорджо Баньези, женатому на нашей кузине монне Катерине, дочери Никколо Малегонелле. Уехав из Падуи, я направился

во Флоренцию по дороге через Модену по причине войны, которую вели болонцы; и в горах Модены повредил еще одну добрую лошадь и оставил ее в Понтремоли. Так оказался я с восемью лошадьми, из которых продал шесть, а все деньги, которые я имел, поставил на кон и проиграл. В результате примерно за шесть месяцев все ушло на проигрыши, траты на одежду и прочие расходы и у меня осталось только немного больше сотни флоринов, да две лошади.

Будучи в таком состоянии, я влюбился в одну даму, пленившую меня своим видом и речами; ее звали монна Джемма, и она была женой Якопо, сына мессера Риньери Кавиччули, и дочерью Джованни Тебальдини. Случилось, что в то время, когда она уехала из одного монастыря в Пинти, я проезжал мимо и ее родители пригласили меня к завтраку; я принял приглашение. И так произошло, что мне удалось поговорить с ней в стороне от других, хотя и в присутствии многих, и я подобающим образом сказал ей: «Я всецело Ваш и полностью вверяю себя Вам». — «Если ты мой, будешь ли повиноваться, если я тебе что прикажу?» — ответила она, смеясь. «Испытайте и прикажите», — сказал я. И в ответ она сказала: «Тогда из любви ко мне поезжай в Рим». Я вернулся домой и на следующий же день отправился в путь верхом на коне, с одним слугой, не сказав дома, куда я еду. И поехал я в Сьену и оттуда в Перуджу, Тоди, Сполето, Терни, Нарни и Орти, где находились войска флорентинской лиги, которые сражались с Римом. И мессер Биндо Бондельмонти

со своим отрядом однажды ночью в самом деле помог мне по моей просьбе пробраться в Рим и там провел в дом одного римлянина, своего тайного друга, где я прожил несколько дней, а затем тот римлянин по имени Кола Ченчо достал мне пропуск на восемь дней; я пробыл в Риме шесть дней, и тот же Кола провел меня до замка Орсини; вернулся я в Орти и оттуда тем же путем возвратился во Флоренцию; путь туда и обратно, включая пребывание в Риме, занял месяц. Вернувшись, я послал одну женщину к указанной монне Джемме, чтобы сообщить ей, что я ей повиновался и прочее. Она же ответила, что не предполагала, что я такой сумасшедший, чтобы из-за слов, которые она мне сказала в шутку, подвергать себя таким опасностям и прочее. Все это произошло в 1377 году.

В 1378 году, после заключения мира с папой Григорием,²⁴ во Флоренции начались волнения в народе; ²⁵ и толпы тощего народа стали поджигать и грабить многие дома, и были изгнаны из дворца приоры и гонфалоньер справедливости мессер Луиджи Гвиччардини, они захватили синьорию и поставили своим гонфалоньером справедливости некоего Микеле ди Ландо, каковой там в немногие дни сблизился с цеховыми мастерами, и с ammonированными,²⁶ и с гибеллинами, и прогнал из синьории указанный тощий народ. Я находился на площади, вооруженный, под знаменем Никкио,²⁷ и, когда жирный народ из цехов и другие стали гнать «тощих», один каменотес стал кричать, как бешеный, призывая к кровопролитию, выкрикивая: «Смерть им, смерть им»,

а больше никто не кричал. Поскольку я был с ним рядом, я сказал ему, чтобы он молчал, как другие, но в ответ он нанес мне острием меча удар в грудь. Но я был наготове и ударил его в грудь копьем, которое прошло через его кожаный колет, и он упал мертвым; и многие, кто видел, что начал бой умерший, сказали, что так ему и надо и что я убил его, защищаясь, и больше об этом разговора тогда не было.

Я вернулся домой, но, видя, что многие из лучших граждан-гвельфов изгнаны,²⁸ решил и я не оставаться здесь. Я отправился в Пизу и поселился там в доме Маттео делло Шельто, который был изгнан. Пробыв там несколько месяцев, мы узнали, что во Флоренции многие граждане-гвельфы собираются поднять восстание с помощью изгнанников, которые должны прийти из Сьены, под предводительством мессера Луки ди Тотто да Панцано. Потому из Пизы явилось человек двести из числа сосланных, и изгнанных, и других их друзей во главе с Джованни делло Шельто и Бернардо ди Липпо. С этим отрядом пошел и я, и ночью до света подошли мы к воротам Сан Пьеро Гаттолино, как было условлено, а мессер Лука со своим отрядом должен был этой ночью до рассвета быть у Сан Миньято на горе и, как только рассветет, должен был зазвонить тревогу в колокола на колокольне Сан Миньято, и тогда заговорщики, находившиеся в самой Флоренции, должны были вооружиться и прийти сюда открыть нам ворота Сан Джорджо; указанный выше наш отряд послал разузнать, пришел ли к Сан Миньято мессер Лука. Но его там не

оказалось, так как заговор внутри города был раскрыт и уже был схвачен мессер Гиригоро Торнаквинчи и многие другие, от которых было дознано, что со стороны Санта Мариа ин Пьянета должен был прийти мессер Лука и другие. Поэтому был послан защитник²⁹ с большим отрядом пеших и свыше шестидесяти всадников, которые, найдя мессера Луку с его отрядом, обратили их в бегство и захватили из этого отряда семерых. Ничего не зная ни об этом, ни почему мессера Луки нет там, где он должен был быть, в нашем отряде подумали, что мы пришли на день раньше, чем было уговорено. Мы отошли от Флоренции в сторону Пацолатико и разошлись небольшими группами по домам наших друзей. Джованни делло Шельто и Бернардо ди Липпо с шестью всадниками и двенадцатью пешими и я с ними укрылись в доме Джованни Корбици в Пацолатико; в девятом часу туда явились некоторые граждане, которые бежали из Флоренции, чтобы не быть арестованными, и тут-то они и рассказали, как был захвачен мессер Гиригоро и другие и что весь город взялся за оружие. Мы же все еще были уверены в нашем предположении, что пришли на день раньше договоренного срока, и надеялись, что мессер Лука со своим отрядом придет наступающей ночью; и, как только стемнело, я верхом с двумя пешими отправился к Санта Мариа ин Пьянета, чтобы узнать новости насчет мессера Луки; и по пути туда в час ночи мы встретились с защитником, который вел захваченных им вышеуказанных семерых человек. Я, полагая, что мы встретились с отрядом мессера Луки, с ра-

достью встал среди них, но вдруг мы оказались окруженными, и отовсюду на нас были направлены острия копий. «Кто такие?» — спросили нас. Тогда я понял, что попал в передрагу, но ответил смело, говоря: «Мы — друзья». Тогда вперед подъехал один всадник, начальник отряда, и спросил меня прямо: «Кто ты?». Я ответил: «Я Бонаккорсо». Тогда он сказал своим пехотинцам: «Пропустите его, он наш друг». Но поскольку я оказался глубоко среди них и дорога была узкая и плохая, я не видел, как вернуться обратно. Тогда поехал я вперед и оказался перед самым защитником и его всадниками; тот остановился и спросил меня: «Кто ты?». Я ответил смело: «Я Бонаккорсо Питти, начальник, который находится впереди, хорошо знает меня». Поскольку я был в кирасе и с копьем в руке, а мои спутники с пиками на плечах, он спросил меня: «Что ты тут делаешь в этот час, вооруженный?». Ответил я: «У меня ссора, и я уехал из Флоренции при закрытии ворот, и направлялся в Сан Кашьяно, и выбрал эту дорогу, чтобы на меня не напали из засады; и я охотно поехал сюда, именно зная, что вы находитесь в Санта Мариа ин Пьянета». Он ответил: «Я тебе верю, но все же для большей уверенности, что ты не из числа тех, кого я ищу, хочу, чтобы ты со мной вернулся во Флоренцию». Тогда я сказал: «Я весьма этим доволен», и повернул своего коня; тогда он спросил еще раз мое имя. Я назвал себя снова, и он внимательно на меня посмотрел. Я все ему говорил то же самое и без малейшей робости. Тогда сказал он: «Пожалуй, нехорошо с моей стороны возвращать

тебя, и думаю, что не посрамлюсь, если отпущу тебя». Я опять ответил смело, говоря ему: «Мессер защитник, не беспокойте себя моими затруднениями, я вполне охотно с вами вернусь». И тогда он сказал: «Иди себе с богом». Я отъехал от него и поехал дальше вперед, но, отдалившись совсем от его отряда, повернул на другую дорогу и вернулся к моим товарищам, которых я оставил, и рассказал им о том, кого я встретил впереди. Решили мы выждать день, а затем уехали. Я повел их в Сорбияно боковыми дорогами, и сперва мы достигли Мецолы, где мессер Заноби нас угостил обедом. Я благополучно довел их до области Сьены, а затем оставил их и вернулся в Пизу, подвергаясь большой опасности быть схваченным, так как все дороги охранялись. И заметь, что я совсем не испытывал страха, разве тогда, когда оказался в надежном месте, т. е. уже в Пизе, и когда вдруг почувствовал себя таким уставшим и от страха, который внезапно охватил меня, и от работы, которую я проделал, поскольку провел без сна три дня и три ночи; так что в Понтедере я целых два дня пролежал, отдыхая. А затем я узнал в Пизе, что мессеру Гиригоро и тем семерым, которых захватил защитник, отрубили головы и обо мне спрашивали, как и о многих других, которые впоследствии получили приказ об изгнании под угрозой смерти.

В 1379 году я поехал в Геную вместе с Маттео делло Шельто. По возвращении нашем, когда мы были в Пизе, мессер Пьеро Гамбакорта³⁰ выслал из Пизы меня и многих других изгнанников. Отправился я в Сьену и, пробыв

там несколько месяцев, вернулся в Пизу. Возвратился я вместе с Джусто дель Читерна, который официально был изгнан из Флоренции, и после того, как мы прожили там несколько месяцев, случилось ... апреля 1380 года, что Маттео дель Рикко Корбицци да Сан Пьеро Маджоре, бывший доверенным лицом тех, кто тогда правил Флоренцией, и приехавший в Пизу по своим торговым делам, повсюду — в церкви, в домах знакомых, даже на площади — открыто, прямо в лицо говорил всякие поносные слова против всех высланных или бежавших граждан и неотступно продолжал так действовать с неудержной дерзостью; случилось, что однажды он и мне стал говорить всякие ругательства, на что я ему ответил, сказав, что если он будет продолжать досаждать гражданам, бежавшим из Флоренции или высланным из нее, то он увидит свою рубашку в крови. Но он еще более исполнился надменности и удвоил свои оскорбления; тогда я отошел от него и послал Джусто дель Читерна сказать ему, что я больше не буду ни ходить туда, где он бывает, ни говорить с ним, чтобы он не мог иметь случая обращаться ко мне со своими поносными речами; и что если он пришел бы туда, где я уже находился, я оттуда уйду, однако, если он будет продолжать говорить обо мне что-либо, задевающее мою честь, я ему на деле покажу, что мне это неприятно. Джусто пошел к нему и вернулся, передав мне то, что тот ему сказал: «Иди и скажи Бонаккорсо, что я не забочусь о его словах и угрозах и что я не перестану действовать до тех пор, пока он, и ты, и другие из-

гнанники, которые находятся здесь, не смогут жить в Пизе». Дальше последовало, что через несколько дней после этого я ужинал с Маттео делло Шельто и, когда мы вышли вместе с ним около 24 часов,³¹ встретились мы с указанным Маттео дель Рикко. Маттео делло Шельто подошел к нему, поскольку они вместе имели некоторые торговые дела; я же отошел от них и встретил Никколо ди Бетто Барди, и мы с ним стали ждать, пока один Маттео оставит другого; через малое время Маттео дель Рикко отошел от Маттео делло Шельто, встретился с Кароччо Кароччи и, говоря с ним о своих торговых делах, остановился рядом с тем местом, где был я, и сказал громко, чтобы я услышал: «Кароччо, я завтра утром уезжаю во Флоренцию и на деле сведу счета с тем, кто тут мне грозил на словах». Понимая, что он говорит для меня и имеет в виду моих братьев, которые были во Флоренции, я подошел к нему и, взяв его за грудь, встряхнул, говоря: «Что мне с тобой делать?». Никколо же, помимо моего желания, ударил его палкой по голове, так что тот упал к моим ногам. Тут поднялся шум, а я, как обалделый, оставался на месте; появились стражники, каковые схватили бы меня, если бы не Ванни Бонконтти, который встал между ними и мной и сказал мне: «Уходи». Я пошел в дом мессера Гвальтеротто Ланфранки³² и Никколо вместе со мной, и мы рассказали ему все дело; он утешил меня, говоря: «Не бойся, я устрою тебя в надежном и верном месте». Ночью указанный раненый умер. Три дня я провел в доме мессера Гвальтеротто и один день в доме одного

его племянника, куда меня поместили, так как мессер Пьеро³³ сказал, что он знает, где мы находимся, и что он хочет, чтобы нас взяли; и от того на пятый день, когда указанный выше Кароччо обедал с мессером Пьеро, который его очень любил, мессер Пьеро весьма сокрушался об этом и сказал: «Если я не предам суду тех, кто это сделал, синьоры Флоренции подумают, что я согласен, чтобы их купцов убивали в Пизе». Кароччо же ответил ему, сказав: «Мессер Пьеро, будьте в уверенности, что случай сей произошел не преднамеренно, и покойник сам его вызвал, поскольку, когда я говорил с ним о наших делах, идя по улице, Маттео остановился около Бонаккорсо и, прервав наш разговор, сказал такие-то слова, Бонаккорсо сделал то-то, а Никколо то-то; и я слышал, что Бонаккорсо имел с ним за несколько дней до этого такой-то разговор и потом передал через другого такие-то слова, а Маттео так-то ему ответил. И после я узнал, что Маттео столь гнусно поносил всех граждан, изгнанных из Флоренции, что если бы он не уехал отсюда вскорости или не оказался убитым, как произошло, то он от других имел бы неприятности». При этом разговоре оказался и мессер Гвальтеротто, поскольку он тоже там обедал. Мессер Пьеро тогда ответил, говоря: «Кароччо, ты меня весьма утешил, и теперь я уже не хотел бы, чтобы этих двоих арестовали. Но пусть они уедут отсюда, если они здесь, а я думаю, что это так. Мессер Гвальтеротто хорошо знает, находятся ли они здесь или нет». Тут он позвал своего слугу и сказал: «Пойди и сними стражу у ворот, ко-

торая поставлена, чтобы схватить их», и пр. Мессер Гвальтеротто оттуда пришел к нам — туда, куда он поместил нас, и сказал: «Вы в безопасности, поскольку вот какие слова были сказаны»; и вечером мы возвратились в его дом, а на следующий день сели на коней, и он с нами, и повел он нас обедать в Санта Мария ин Кастелло; а затем дал мне письмо, которое он написал Дуччино д'Армо в Лукке, рекомендуя меня ему, и т. д., каковое письмо мне много помогло, поскольку, когда мы в течение нескольких дней были в Лукке, брат того каменотеса, которого я ранил на площади, защищаясь от него, явился к Дуччино как к своему синьору, который его поддерживал, и попросил, чтобы тот дал ему вооруженных людей в достатке, чтобы совершить отмщение, которое он задумал, и назвал меня, говоря: «Он ездит каждый день веселиться в такую-то гостиницу за воротами». А тот, уже имея от меня письмо мессера Гвальтеротто и уже высказавшись в связи с ним в мою пользу, и пр., сказал этому человеку, которого звали Микеле: «Приходи ко мне завтра, и я дам тебе провожатых»; сам же вечером пришел ко мне и все мне рассказал, указав, чтобы я не выходил за стены Лукки и т. д. Я оставался там еще три дня, а затем уехал и направился в Геную. И, пробыв там некоторое время, я начал играть и с помощью пятидесяти флоринов, которые у меня имелись, выиграл на протяжении месяца около тысячи пятисот флоринов; это было в 1380 году в июне месяце.

И вот случилось, что в Геную приехал Джованни ди Биндо дела Вителла, посланный

многими наиболее значительными лицами, изгнанными из Флоренции, и от их имени рассказывает, что мессер Карло Мирный³⁴ должен в самое ближайшее время прибыть в Верону и чтобы указанные изгнанники все поехали в Верону, дабы сделать там все доброе, что смогут. И, поскольку я тоже должен был туда поехать из-за одного послания, которое я вместе с многими указанными изгнанниками написал в Сьене, я тут же купил пять добрых лошадей и вооружения в достатке и дал в долг Никколо две сотни новых флоринов; он купил себе трех лошадей и хорошо вооружился.

Мы направились в Верону, куда уже приехали многие из наших видных изгнанников; и все, представившись вышеуказанному мессеру Карло, присоединились к нему. Он же во главе большого войска из венгерцев, немцев и итальянцев выступил и направился в Романью. И мы в сопровождении Бернардо ди Липпо и Джованни ди Герьери деи Росси вместе с ним направились в предместье болонского замка Сампьеро, чтобы получше разместиться на постой; и, когда мы поужинали, начался пожар в конюшне, который очень меня коснулся, ибо сгорели четыре мои лучшие лошади. Это вышли вилланы замка, чтобы убить нас, и им бы это удалось, если бы не какой-то человек из Фиренцуолы, который еще до ужина пришел предупредить нас, что они придут внезапно. Мы вооружились и кто верхом, кто пешком отправились с большим трудом среди ночи в сторону лагеря, до которого было четыре мили. Поехали мы в Форли, и там я купил трех лошадей, а потом в Римини, где купил

еще одну. Так добрались мы до Ареццо, и тут при содействии вышеназванных наших важнейших лиц — Бостоли и Альберготти, город был сдан мессеру Карло. При входе же в город Томазино да Панцано мессер Бартоломео дель Прато, который тогда еще не был рыцарем, и Москоне деи Беккануджи убили мессера Джованни ди Моне, который был послом в Ареццо и должен был уговорить аретинцев не сдавать город мессеру Карло; этой смертью мессер Карло был очень огорчен и велел сказать тем, кто убил его, чтобы отныне они не являлись на глаза ему. Вышли мы из Ареццо и направились к Сьене через Стаджу, и здесь простояли несколько дней и не могли двинуться дальше из-за нехватки денег, так как его венгерские отряды, а также и другие, не желали продвигаться дальше, если не получают денег, и хотели уйти и бросить мессера Карло. Поэтому он вошел в переговоры с теми, кто правил Флоренцией, и, получив от них 25 тысяч золотых флоринов, ушел и вернулся в Ареццо. Будучи здесь, все мы, бежавшие из Флоренции, которым он обещал раньше, что будет продвигаться до самых стен Флоренции, откровенно, устами мессера Лапо да Кастильонкьо,³⁵ высказали ему наши сожаления. Он ответил нам, опустив голову и со слезами, что сделал это, вынужденный необходимостью, и обещая нам, что если он завоюет свое королевство, то не успокоится до тех пор, пока не вернет нас в наши дома. И через несколько дней он выступил и направился к Риму. С ним отправилась некоторая часть наших изгнанников, но большинство простились с ним, так как

не имели средств следовать за ним; и я был одним из тех, кто уехал от него, поскольку вместо 1500 золотых флоринов, которые я вывез из Генуи как наличными, так и лошадьми и вооружением, я оказался всего при двух лошадях и без денег, все их истратив и раздав в долг многим из названных изгнанников.

Мы с Бернардо ди Липпо решили отправиться во Францию. Мы поехали в Римини и там заняли пятьдесят дукатов у Джованни ди Мазино дальи Антелла, жившего там, и прямым путем, спешно, без остановок, доехали до Авиньона; и, будучи в Тарасконе, мы отправились навестить мессера Стольдо Альтовити и мессера Томазо Содерини, которые были в числе высланных. Расставшись с ними, отправились мы в Париж, где по прошествии недолгого времени случилось, что Бернардо ди Чино³⁶ послал меня играть с герцогом Брабантским, каковой тогда находился в Брюсселе вместе со многими знатными синьорами, которые все время устраивали большие празднества с джострами,³⁷ танцами и игрой; так что в конце концов в немногие дни я проиграл около 2000 золотых, которые я туда привез из денег Бернардо ди Чино, поскольку он вложил в компанию свои деньги, а я свою глупость, и проиграл, делая ставку в 300 флоринов или более при игре в две кости. Меня уверяли, что выгоднее делать большие ставки, что было неразумно. И случилось так, что в последнюю ночь, когда я проиграл, заняв у герцога 500 франков, я оставил игру, поскольку знал, что дома у меня оставалось всего лишь около

550 золотых франков. Герцог и другие синьоры поднялись и вошли в зал, где танцевали многие синьоры и дамы, и, стоя там, я с радостью увидел, что одна прекраснейшая юная девица, лет четырнадцати, незамужняя, дочь одного знатного барона, подошла ко мне и сказала: «Идем танцевать, ломбардец,³⁸ не беспокойся из-за того, что ты проиграл, бог тебе поможет», и взяла меня за руку. Я последовал за ней; когда я остановился, герцог позвал меня и сказал: «Сколько ты потерял этой ночью?». Ответил я: «Я потерял последнее, что у меня оставалось, — около двух тысяч франков, которые я занял в Брюсселе». Он же сказал: «Я тебе верю, и если бы я сам потерял столько, я не сумел бы так провести вечер, как ты; иди, продолжай веселиться, пусть все у тебя будет хорошо». На следующее утро я положил в кошелек около 500 золотых франков и отнес их ему, сказав: «Отпустите меня, я хочу уехать и искать в другом месте большей удачи». Он же ответил: «Если ты хочешь остаться, то проверь с этими 500 франками, не вернется ли к тебе фортуна, и, может, ты отыграешься, а если опять проиграешь, вернешь мне их в другой раз, когда будешь богат». Я поблагодарил его, сказав, что мне очень нужно поехать в Англию и что сейчас я больше не хочу играть. Тогда он сказал: «Возьми эти 500 франков, ты их отдашь мне на другой год, когда вернешься сюда и отыграешь то, что потерял». И позвал своего правителя канцелярии и сказал ему: «Напиши письмо для Бонаккорсо, что я принимаю его в качестве лица, особо обслуживающего мою персону».

Так уехал я из Брюсселя и отправился в Англию; я пробыл там около месяца, ведя переговоры о выкупе Иоанна Бретонского, ибо таково было поручение Бернардо ди Чино; и, узнав намерения герцога Ланкастерского, который содержал его, вернулся я в Париж и там доложил Бернардо ди Чино обо всем, что я делал в Брюсселе и Лондоне.³⁹

В 1381 году, вернувшись в Париж после проигрыша в Брюсселе, я оказался в очень стесненных обстоятельствах, поскольку из 2000 проигранных франков мне следовало четверть отдать Бернардо ди Чино; я отдал ему те 500 франков, которые герцог Брабантский дал мне в виде займа, и в указанном году в феврале месяце я снова поехал в Брюссель, имея с собой около 200 франков золотом, которые я занял у ряда лиц, да еще 300 франков я занял у Бернардо ди Варадзано; и, играя с герцогом и другими синьорами, получил я письмо из Флоренции о том, что вернулись изгнанники. Я еще пробыл там весь великий пост и выиграл около 600 золотых франков. Вернулся я в Париж, купил хороших лошадей и возвратился во Флоренцию в 1382 году в мае месяце.

В этом же году в сентябре я снова поехал в Париж и в ноябре, в день св. Екатерины, оказался на поле битвы — близ Ипра во Фландрии, где французский король дал сражение фламандцам,⁴⁰ а именно гражданам Гента; и был военачальником у фламандцев Филипп Артевельде. Фламандцев было 40 тысяч вооруженных, а со стороны короля было нас до 10 тысяч; и сражение началось в пешем

строю на восходе солнца. И тут явилось чудо, ибо был такой густой туман, что свет еле был виден, а наше войско было разделено на три отряда, и король приказал поднять знамя, которое они называют «орифламма»; каковое знамя, говорят, получили они еще в древности чудом божественного произволения; и, когда орифламма была развернута, внезапно туман рассеялся, и с лучами солнца все отряды увидели друг друга. И битву начал первый наш отряд под водительством коннетабля Франции,⁴¹ напавший на указанных фламандцев, которые все были построены в один отряд. Сражение продолжалось в течение двух часов, и в конце концов фламандцы были разбиты указанным отрядом коннетабля; и, не желая брать пленных, всех их убивали. Там нашли свою смерть, как было подсчитано после битвы, 27 500 человек. Выиграв это сражение, пошли мы без остановок в Куртре, у которого такая же большая округа, как у Прато, и после захвата города все там было подвергнуто разграблению и огню в отмщение за одну давнишнюю битву,⁴² где фламандцы победили французов, как об этом упоминает хроника Филиппо Виллани,⁴³ когда здесь было убито большое число французских рыцарей. И после этого король вместе со своим победоносным воинством направился в Париж.

Но до того, как описать вступление короля в Париж, я напишу о причине, почему произошло вышеназванное сражение. В 1381 году население Гента взбунтовалось против своего синьора, графа Фландрского, который был отцом герцогини Бургундской. Они отправились

войском в Брюгге и, взяв его, изгнали оттуда указанного графа, ограбили и убили всех его служащих и подобным же образом поступили во многих других городах и землях, которые захвачены были ими во Фландрии; а предводителем их был упомянутый выше Филипп Артевельде. И число фламандцев, восставших против своего синьора, увеличилось, и послали они тайных послов к населению Руана и Парижа, побуждая их также поступить с их синьорами и обещая им помощь и поддержку. Поэтому оба указанных города восстали против короля Франции, и начал восстание в Париже «тощий народ»,⁴⁴ и восстание это начала одна торговка на площади, которую сборщик налогов хотел оштрафовать за неуплату габеллы⁴⁵ на фрукты и травы, которые та продавала. Она начала кричать: «Долой габеллу», т. е. налоги. И весь народ поднялся, и все побежали к домам сборщиков габеллы, разграбили их и поубивали. И, поскольку весь этот тощий народ был без оружия, один из них направил их к новому замку, где еще мессер Бертран Дюгеклен,⁴⁶ тогда бывший коннетаблем Франции, велел хранить 3000 налитых свинцом палиц, что сделал он, готовясь к сражению, которое предполагал дать англичанам.

Народ разбил топорами двери башни, где лежали упомянутые палицы, каковые стали с тех пор называться «молоточками», и, захватив указанные «молоточки», разбежался по всему Парижу, грабя дома королевских служащих и многих из них убивая. Жирный народ, т. е. все добрые граждане, называемые боргъези,

опасаясь, что указанный тошый народ, который себя прозвал майотенами⁴⁷ и был таким же, как наши чомпи, завладевшие Флоренцией, начнет грабить и их, вооружился и стал настолько сильным, что указанные майотены согласились повиноваться ему.

Итак, они приняли меры, чтобы управлять народом, и продолжали сами восстание против королевских синьоров. Поэтому король и его приближенные удалились в Венсенский лес и стали там держать совет. И для того, чтобы все королевство не взбунтовалось, решили, что король пошлет за всеми своими баронами, рыцарями и оруженосцами королевства, чтобы те явились к нему со всеми своими силами и следовали за ним туда, куда он захочет отправиться.

И после того, как король несколько раз обращался к ним с просьбами и приказами, столь строгими, сколь он только мог, явились к нему только те, каковых я упомянул выше как участвовавших в сражении.

А в следующем году, т. е. в 1383, хорошо оправдалась поговорка, которую любят повторять многие дурные люди, которые говорят: «Да здравствует побеждающий!»; ибо после того, как король одержал победу в упомянутой битве и на следующий год объявил приказ идти против англичан, которые вторглись во Фландрию, о чем скажу я позже, то в ответ на его приказ явилось около 10 тысяч рыцарей и более 16 тысяч пеших, и в войске считалось 200 тысяч коней или даже более; правда, пришло туда по дружбе много немецких рыцарей.

Вернемся теперь к возвращению короля

в его взбунтовавшийся Париж. Вечером он вступил в Сен Дени,⁴⁸ а утром, как в вышеописанной битве, выступил с тремя отрядами, узнав о чем, парижские горожане решили пойти навстречу королю и просить прощения. Явилось их 500 человек из самых видных, и в присутствии короля все пали на колени, испрашивая прощения.

Король сказал: «Возвращайтесь в Париж и, когда я буду заседать там, где вершится правосудие, приходите и просите и получите по заслугам». И, когда король был близко от Парижа, на расстоянии полумили, все рыцари, и оруженосцы, и солдаты разделились на три отряда и спешили, за исключением короля и его родственников, которые в составе второго отряда въехали на лошадях; все же остальные вошли в пешем строю, но со шлемами на головах, так как опасались предательства.

Мы отправились к главному дворцу, и король, сойдя с коня, объявил указ о том, чтобы каждый горожанин, т. е. подлинный боргье, под угрозой виселицы, принес бы до захода солнца все свое оружие, предназначенное как для нападения, так и для защиты, в большую и красивую крепость — жилище короля в Париже; каковой приказ был быстро и точно выполнен. И приказал король, чтобы все городские цепи были сняты и убраны прочь, — это было исполнено. И я видел, как один королевский воин попросил отдать ему эти цепи в дар. Король, который никогда не говорил «нет» в ответ на то, о чем его просили, сказал, что согласен, чтобы они принадлежали ему; тогда казалось, что дар этот не представляет боль-

шой ценности, но потом я увидел и узнал, что названный воин выручил за эти цепи около 10 тысяч золотых франков.

Около сорока горожан и майотенов — из тех, кто был во главе бунта против короля, были схвачены и на рыночной площади Аль им отрубили головы; и, совершив это наказание, король простил всех других, оскорбивших его, но велел созвать всех горожан и богатых торговцев и приказал наложить на них налог, который они должны были заплатить соответственно своим возможностям. Они были обложены налогом в 10 тысяч и больше, а многие, еще сверх того, — по 2000 франков; эти деньги они должны были выплатить синьорам и баронам, которые вместе с ним участвовали в битве. Но я видел, как герцог Бурбонский, в пользу которого король определил столько налогоплательщиков, что сумма достигла почти 40 тысяч франков, принял от короля этот дар, но на другой день велел передать всем, приписанным к нему налогоплательщикам, что он избавляет их от этого долга, и на этом с ними покончил. Все же другие синьоры заставили уплатить себе то, что было повелено королем, так что сумма налога поднялась до 500 тысяч франков. И после этого в месяце январе 1382 года⁴⁹ успокоилась страна и начались празднества, жостры, танцы и игры.

В месяце феврале Бернардо ди Чино дал своему племяннику Чино две сотни золотых франков и столько жемчуга и драгоценностей, что это составило еще около трех тысяч франков золотом. И пожелал он, чтобы указанный Чино и я поехали в Голландию, чтобы продать

указанные драгоценности герцогу Альберту Баварскому или использовать их в игре. Мы вместе доехали до Гааги в Голландии и там нашли упомянутого герцога, который не захотел ни купить эти жемчуга и драгоценности, ни играть на них. Указанные выше две сотни франков мы потратили на расходы и игру и вернулись в Париж, где и отдали Бернардо его жемчуга и драгоценности в апреле месяце 1383 года.

В этом году англичане вторглись во Францию, а именно в пределы Пикардии, пограничные с Фландрией, и было их около 10 тысяч воинов, как лучников, так и рыцарей, и они уже захватили много богатых земель Фландрии; узнав об этом, король Франции призвал синьоров, баронов, рыцарей и оруженосцев французского королевства и в августе месяце вышел в поход. У него было 200 тысяч всадников, среди которых было 10 тысяч рыцарей Золотой Шпоры, о чем уже выше было упомянуто. Желая принять участие в столь важных событиях, я объединился с одним лукканцем и одним сьенцем, и, приобретя за свой счет 36 лошадей и хорошо вооружившись, мы отправились в это войско под знамя и водительство герцога Бургундского, где нас было 20 тысяч всадников. Когда указанное войско дошло до богатого города, называемого Берг, где внутри находилась часть английского воинства, король по прибытии сразу же велел выровнять вокруг землю, чтобы на следующий же день дать сражение. В середине ночи между англичанами, которые хотели бежать, и местными жителями, которые этого не хо-

тели, началась стычка с большим смертоубийством с обеих сторон, и в конце концов все англичане и местные жители, кто смог, перед началом дня бежали. А когда наступил день, мы вплотную приступили к стенам, и, разбив ворота, не встречая сопротивления, вошли, и там увидели, что большая часть домов уничтожена пламенем и большое число англичан и местных жителей убиты. Я видел там зрелище весьма ужасное и жестокое, а именно видел, как одна женщина, которая, судя по одежде, казалась зажиточной, с двухлетним младенцем на руках, с другим — трехлетним, уцепившимся за ее шею, и держа третьего лет пяти за руку, сидела у дверей дома, охваченного сильным огнем; ее заставили подняться и оттащили подалее от дома, чтобы уберечь ее и детей, но как только ее оставили там, куда увели, она со всеми тремя детьми вдруг вбежала в дверь того дома, откуда уже вырывались большие языки пламени, и увидел я, как она и эти дети сгорели внутри дома, и в конце концов весь город сгорел и был разрушен.

Весь этот день мы простояли здесь лагерем, а на следующий день пошли дальше вперед; убегая от нас, враг оставлял одну местность за другой. Примерно в час заката мы пришли к большому замку, где укрылись англичане; место это называлось Альберго, и здесь внезапно, с разных сторон, разгорелась битва, и, когда мы стали забрасывать внутрь за стены огненные петарды, замок загорелся, и упомянутые англичане стали по-настоящему сражаться, калеча и поражая стрелами большое число наших людей. И длилось сражение до

первого часа ночи, и было это в субботу. Мы отступили с большими потерями и малой честью, и во время отступления я отбилсЯ от моих товарищей и от других нескольких родственников, которые участвовали в этом приступе, и всю ночь не мог их найти; правда, что искал я мало, будучи до смерти утомлен, свалился в какой-то ров и пролежал там до света.

Утром в воскресенье герцог Бретонский, который был там с 20 тысячами всадников на службе короля,⁵⁰ заключил с разрешения короля договор с англичанами, и они согласились уйти отсюда с тем, что могут унести, и обещали вернуться в Англию на этот раз; и, действительно, ушли на следующий день и очистили Фландрию. Поэтому и король вернулся во Францию в Париж и отпустил людей из отрядов синьоров, а самих синьоров задержал в Париже, чтобы устроить праздник, и т. д.

1383. В указанный 1383 год в феврале месяце я отправился в Брюссель и затем в Голландию, чтобы посетить там герцога Альберта,⁵¹ и возвратившись в Париж, нашел там моего брата Франческо, который приехал из Флоренции; и все это лето я прожил в Париже, не отлучаясь, как и зиму 1384 года, а в мае месяце 1385 года вернулся во Флоренцию и затем в октябре снова вернулся в Париж, взяв с собой Берто делла Фонте; затем в 1386 году в месяце мае я опять уехал во Флоренцию, а в сентябре вновь оказался я в Париже и узнал, что король отправился во Фландрию с большим войском и там, в Эклюзе, готовит корабли, чтобы плыть в Англию. Франческо,

Берто и я решили поехать к королю и поехали, хорошо вооружившись, на добрых конях, с желанием отправиться вместе с королем. Приехав в Брюгге, я нашел там того лукканца, который был моим товарищем в большом войске, и вместе с ним и с другим лукканцем вошел в компанию и зафрахтовал хороший корабль в Эклюзе, где находился король со всем своим войском, чтобы плыть в Англию; и заметьте, что в том порту я видел 12 сотен кораблей, из которых 600 — парусники со смотровыми башенками.⁵² И так провели мы в Эклюзе вместе со всем войском около пятнадцати дней, ожидая благоприятного моря и ветра. Король созвал на совет всех судовладельцев и сведущих кормчих и спросил у них, что, по их мнению, следует делать; и поскольку приближался уже конец ноября, они сомневались, что можно будет переплыть [море] с таким большим числом кораблей, говоря: «Если мы окажемся в бурном море при встречном ветре, суда могут столкнуться друг с другом, поворачиваясь, и многие из них погибнут». Поэтому король и синьоры его совета приняли во внимание суждение судовладельцев и кормчих, и мы вернулись во Францию.

Во время нашего пребывания в Эклюзе я одолжил графу Савойскому около 500 франков золотом для игры и потом в Брюгге дал в долг 200, уже вне игры, и потом еще в Аррасе одолжил ему 400 золотых франков, чтобы он мог оплатить свои расходы, и так в течение всего пути до самого Парижа много раз оказывал ему подобные же услуги, так что, когда мы достигли Парижа, он был мне должен около

2000 франков; он провел в Париже всю эту весну, и, когда оттуда уезжал, я одолжил ему 1500 золотых франков, так что всего вышло, что я одолжил ему 3500 франков. По его предложению отправил я с ним в Савойю одного человека, с которым он обещал отослать мне свой долг; однако не прислал и сам установил себе отсрочку; в конце срока я отправился к нему и провел там более месяца, и в конце концов он получил у меня новую отсрочку на шесть месяцев.

Я вернулся в Париж и пробыл там всю весну, а на великий пост отправился в Голландию навестить герцога Альберта; затем возвратился в Париж и оттуда в месяце мае 1388 года приехал во Флоренцию, и в этот же год в сентябре месяце опять поехал в Париж. Я взял туда с собой Франческо Каниджани, который, продав одно свое имение за 400 золотых флоринов, отдал их мне на хранение; я же обещал ему взять его на мое иждивение, кормить его и платить 100 флоринов в год в течение трех лет. Также я повез с собой одного человека в качестве управителя,⁵³ тоже обязавшись взять его на мой прокорм и платить 100 флоринов в год. Следующую зиму я провел в Париже и выиграл около двух тысяч золотых франков. Купил себе дом за 600 флоринов золотом и в великий пост опять поехал в Голландию и Зеландию к герцогу Альберту, и у него и у других синьоров выиграл около 1500 золотых франков. Вернулся в Париж, оттуда уехал, чтобы следовать за королем в Авиньон и Тулузу. И, следуя за ним, встретил я однажды по пути мессера Антонио Порро,

который сопровождал короля как комиссар герцога Миланского и у которого я по дороге, до того как мы достигли короля, выиграл 1200 золотых франков. Затем мы жили в Тулузе, где король провел рождественские праздники. Видел я в Сан Сорнино голову св. Иакова, которая находится в подземной часовне; говорят, что тут же находятся тела шести апостолов; я видел погребения, тел же не видел. Говорят, что Карл Великий, когда он как император ездил по всему свету, все тела святых, какие только мог получить, посылал в Тулузу; поэтому можно поверить, что и рассказы об этих телах не лишены истины.

По прошествии рождественских праздников вернулись мы в Париж. Я нашел здесь мессера Филиппо деи Корсини и мессера Кристофано дельи Спино, которые приехали к королю в Лион на Роне послами, представились ему и изложили ему там все, что им было поручено;⁵⁴ он ответил им, чтобы они приехали в Париж за ответом. Побыв в Париже, вскорости уехал я в Голландию и там вновь выиграл много денег. Вернувшись в Париж и пробыв опять недолго, я отправился в Англию вместе с графом ди Самполо и со многими его рыцарями, которые направлялись туда на большие празднества с джострами. Там я не стал играть, но, дав Мариотто Ферантини и Джованни ди Геррьери деи Росси 2500 золотых франков и обязав их, чтобы они вложили эти деньги в покупку шерсти и послали мне ее во Флоренцию, вернулся в Париж, где и прожил всю зиму. Рассчитал я, что авансировал 10 тысяч золотых франков — как вложенными

в шерсть, дома, мебель, лошадей и сбруи, так и наличными, не считая порядочного количества денег, которые я должен был получить от графа Савойского и от ряда других лиц, и каковые составляли сумму около 5000 франков.

При этом состоянии моих дел брат мой Франческо, а также Франческо Каниджани настойчиво советовали мне, чтобы я вернулся во Флоренцию, поручив им собрать деньги с моих должников и ликвидировать дела. Я решил возвратиться. Оставил Франческо дом и вещи и драгоценности для продажи их, а равно и наличные деньги, стоимостью примерно в 300 франков золотом. Я уехал, забрав с собой неблагодарного управителя; по дороге заехал я к графу Савойскому, но ничего не смог получить от него, если не считать обещаний уплатить после новых отсрочек.

Так приехал я во Флоренцию и решил здесь жениться. Зная, что Гвидо ди мессер Томазо ди Нери даль Паладжо — самый видный и уважаемый человек во Флоренции, решил я получить невесту из его рук, какую он захочет дать, лишь бы она была его родственницей. Я послал к нему сватом Бартоло делла Контесса, который должен был ему поведать о моем намерении и о том, что я делаю это, чтобы приобрести его благоволение и родственную связь, вследствие которой он должен будет постараться помирить меня с семьей Корбицци.⁵⁵ Вышеуказанный сват, возвратившись, сказал мне, что мессер Томазо согласен принять меня в число своих родственников, что он обо всем подумает, и т. д.

Спустя немного дней мессер Томазо прислал ко мне вышеуказанного Бартоло, чтобы спро-

сильно меня, желаю ли я взять в жены дочь Луки ди Пьеро дельи Альбицци, которую он отдал бы за меня и которая является дочерью его кровной кузины. Я отослал его обратно к нему с ответом, что мне это предложение нравится; и в конце июля месяца 1391 года я был помолвлен с ней, а затем сочетался с ней браком ноября 12-го дня указанного года.

Еще до того, как я женился, произошло со мной следующее: принадлежа к числу совета «Восемь охраны»,⁵⁶ я как-то находился во дворце и сидел вместе с некоторыми моими товарищами, когда в башню дворца ударила молния и, спустившись туда, где мы сидели, затронула своими лучами мне икры ног; я хотел подняться, но упал на землю и колени у меня подкосились, и казалось мне, что ноги у меня от колен вниз в огне. С меня стянули штаны, которые сильно воняли серой и были полны волос. Икры ног у меня были все исполосованы, на коже выступила кровь, и все волосы на ногах сожжены. Я распрямил ноги, которые были холодны, как у покойника, и, думая, что сейчас помру, я попросил священника. Но прошло около получаса, и я выпрямил ноги, надел другие штаны и вернулся домой на своих ногах.

Также еще до свадьбы прибыла моя английская шерсть на двух кораблях; за страховку на одном корабле, который разгрузили в Генуе, я заплатил 9 процентов во флоринах, на другом, разгруженном в Пизе, — 14 процентов, так что в целом, после того как шерсть была продана и деньги получены, я заработал на ней тысячу флоринов золотом за шестнадцать ме-

сяцев, и эти деньги все передал в руки Луиджи и Герардо Каниджани, каковым я по приезде во Флоренцию передал через платежные бумаги⁵⁷ около 4000 флоринов золотом; благодаря этим деньгам вышеуказанные Каниджани приобрели гораздо больший кредит, чем имели прежде.

Еще до свадьбы я потратил на постройку и обзаведение около 2000 золотых флоринов; и с тех пор вплоть до настоящих дней я от времени до времени еще строил и благоустраивал это место, так что более 2500 флоринов золотом потратил только на постройки и устройство виноградников и сада.

Также еще до женитьбы, чтобы помочь своему неблагодарному управителю, я дал ему примерно 300 флоринов золотом, так что ему оставалось получить с меня около 200 флоринов, а я, сверх указанных 300 флоринов, вручил ему 700 флоринов золотом, согласившись на его просьбу отпустить его в Париж торговать всем, что может принести выгоду, а также согласившись на то, чтобы все, что он заработает, делилось в течение трех лет пополам между нами. Сверх того, согласился я в случае, если вся сумма 1000 флоринов будет потеряна, возместить ему 300 флоринов, которые я ему дал. Он отправился в Париж, куда его сопровождал мой брат Франческо вместе с Луиджи ди Бартоломео Джованни, нашим родичем, какового я держал при себе в моем доме, поручая ему востребование денег с должников, и в частности посылая его несколько раз в Савойю, так что он в два приема вытряс из графа тысячу франков, и каковому при отъезде из Парижа я подарил

300 золотых франков. Устроив эту злополучную компанию, он [Франческо] оставил их в Париже и приехал во Флоренцию в апреле месяце. Я сосватал ему жену, и он женился в июле, а в сентябре месяце поехал в Париж и повез с собой нашего брата Бартоломео; а после я сам в месяце декабре отправился в Милан вместе с Антонио Каниджани, а затем в Павию и Геную. Оттуда уехал февраля второго дня и сухим путем вернулся во Флоренцию пятого в час noon.⁵⁸

В марте месяце Франческо вернулся во Флоренцию, оставив Бартоломео в Париже, и рассказал мне, что управитель все потерял, и осталось там из нашего добра только дом с оборудованием, всего стоимостью в тысячу франков, так что из 3000, которые я оставил, считая дом, оборудование и наличные, 2000 были потеряны. В месяце мае я сел на лошадь, чтобы ехать в Авиньон и Париж; и, когда я был в Павии, случилось, что, когда я стоял наверху лестницы в гостинице, опираясь на перила, крупная лошадь, привязанная за перила с другой стороны, испугалась слуги, бегом спускавшегося с лестницы, и потянула повод так сильно, что сломались и перила, за которые она была привязана, и те, на которые я опирался; и я упал вниз во двор и стукнулся головой об ящик с зерном, и так силен был удар, что я потерял сознание; я не сломал костей, и у меня не было крови, но я пролежал в постели без сознания более двух часов. Очнувшись, я сперва открыл глаза, потом заговорил и спросил, не сломал ли я ноги или руки; потом я почувствовал, что у меня болит голова и бок, на

который я упал. Я стал спрашивать, что было, кто меня ударил, потому что не помнил, да и потом никак не мог вспомнить, как я упал, хотя хорошо помнил, как рванулась лошадь, испугавшись слуги. Герцог Миланский послал ко мне всех своих врачей. Они пустили мне кровь в большом количестве из разных вен и заставили меня пролежать в темноте без воздуха девять дней, давая мне лекарства и мази и залепив пластырями всю голову. На десятый день я вышел на улицу и сразу же отправился поблагодарить упомянутого герцога, простился с ним и отправился в Авиньон, а оттуда — в Париж; там нашел я больного Бартоломео, который после отъезда Франческо задолжал около 600 франков золотом, каковые ушли на игру и расходы. Увидел я и помянутых выше двух злополучных компаньонов, которые наперегонки наделали скверных дел и которые — не знаю уж, как там было, и правда это или неправда, — сказали мне, что все деньги они потеряли или израсходовали. Я сдерживал себя и действовал без гнева; в результате в эту зиму 1393 года я заплатил 600 франков, которые задолжал Бартоломео, и дал управителю, как я ему обещал, 300 франков, удовлетворил я также и Луиджи, дав ему взаймы около 500 франков золотом.

В месяце мае 1394 года я вернулся во Флоренцию, оставив в Париже Бартоломео, управителя и Луиджи в моем доме и приказав им, чтобы до моего возвращения в Париж они не смели играть.

По возвращении во Флоренцию я снова отбыл оттуда в октябре указанного года, взяв с собой моего брата Луиджи в Асти, куда по-

ехал с поручением от наших синьоров вести переговоры с сиром де Куси,⁵⁹ который был там. Получив ответ, я отослал его во Флоренцию с Луиджи, которого с этой целью и взял с собой. Указанный сир задержал меня в Асти вплоть до 22 ноября, ожидая того, чтобы отпустить меня послом с секретным посланием к герцогу Орлеанскому, брату короля, в оруженосцах которого я числился. В указанный день 22 ноября мне дали поручение и верительную грамоту. И так как это дело было весьма важным для чести герцога, а уже добрых восемь дней как из Савоны в Париж к названному герцогу выехало посольство, которое действовало вразрез с тем, что делалось для чести герцога, то, если бы они приехали раньше меня, они получили бы от герцога то, чего добивались. Поэтому я выехал из Асти в тот же день 22 ноября и прибыл в Париж в ночь на праздник св. Андрея, проделав расстояние примерно в 450 миль; последние два дня я проехал верхом: за один день — из Шансо до Труа в Шампани, а там 24 лье, в каждом приблизительно по три мили; и за другой день — из Труа в Париж, что составляет расстояние в 34 лье — по две с половиной мили в каждом. В пути загнал я много лошадей, которые были мне возмещены герцогом.

1395. В апреле месяце 1395 года указанный герцог, а также герцоги Беррийский, Бургундский и Бурбонский со многими другими синьорами направились в Авиньон, чтобы договориться с папой Бенедиктом.⁶⁰ Я тоже поехал с моим синьором — герцогом Орлеанским; поскольку за месяц до отъезда я должен был по-

лучить от герцога Бургундского примерно 600 золотых франков за трех лошадей, которых он купил у меня и которые во Флоренции стоили мне 260 золотых флоринов, то я нашел одного торговца бургундскими винами, у которого купил сто десять бочек вина, каждая вместимостью в коньо, а там называют это «кова», за 1000 франков, из которых 400 я дал ему наличными, а на 600 дал расписку, полученную от герцога Бургундского. Я велел поместить это вино в двух погребах. У меня оставалось не более 500 франков. Оставив там вино, я сказал управителю, чтобы он продал его по крайней мере за 1000 франков.

Я уехал с герцогом Орлеанским, и когда мы были в Бургундии, то в конце апреля в одну ночь все виноградники этой страны вымерзли, вследствие чего я спешно послал гонца к управителю, написав ему, чтобы он совсем не продавал вина, если меня не будет; и так случилось, что, когда я вернулся в Париж, я продал за наличный расчет сто бочек по 14 франков за бочку. Я заработал 400 золотых франков, да еще десять бочек остались у меня дома. Так что весьма счастлив я оказался в самых что ни на есть рискованных товарах, т. е. в лошадях и вине.

Возвращаясь снова к поездке в Авиньон, скажу, что я видел и слышал там, как вышеупомянутые герцоги требовали публично в совете, чтобы папа Бенедикт выполнил бы то, в чем он поклялся и скрепил печатью и подписью, а именно, чтобы добиться единства в святой церкви, он обещал, прежде чем пойти с другими кардиналами в совет или на конклав, что, если

его изберут папой и случится, что кардиналы захотят, чтобы он отрекся ради установления единства, он отречется; подобное обещание сделал каждый кардинал, до того как они отправились на конклав. Папа ответил, что ему нужно время на размышление, а что затем он даст свой ответ. Добрых три месяца он тянул с ответом в разговорах и интригах и пользовался весьма странными способами, чтобы не давать точного ответа; например, однажды ночью, когда все упомянутые герцоги были в Вильневе, находящемся напротив Авиньона, он велел своим тайным агентам спалить одну арку деревянного моста через Рону, чтобы указанным герцогам было затруднительно приезжать каждый день в Авиньон и торопить его с ответом. Когда же герцоги, несмотря на неудобства и опасности переезда через Рону на судах, все же явились в Авиньон и стали всячески требовать от него ответа, то в конце концов он так и не отрекся; но он публично заявил, что считает себя истинным папой и освобождает себя от того, в чем поклялся прежде, чем стал папой, и что он имеет право сделать это и предполагает искать установления единства церкви иным путем, а не отречением. Вследствие чего указанные герцоги и сеньоры вернулись в Париж.

Затем в месяце сентябре король отправился на богомолье к горе св. Михаила в Нормандии; от Парижа это около 150 миль. Туда поехал герцог Орлеанский, а с ним и я. Были мы на указанной горе; большое аббатство устроено на скале в море, во время отлива туда можно пройти посуху добрых 5 миль.

Игральная карта.
Италия, начало XV века.

На обратном пути в Париж один нормандский рыцарь, которого звали синьор д'Амбиа, задержал короля на целый день и ночь, и, чтобы придать празднеству больше блеска, там были многие прекрасные дамы и знатные баронессы. С королем были там герцоги Беррийский, Бурбонский и Орлеанский и многие другие большие синьоры и рыцари.

Я упомянул этого синьора д'Амбиа, потому что все полагали, что он, чтобы принять с честью короля, израсходовал в этот день более 4000 золотых франков и говорили, что в течение года он не имел потом никаких поступлений. Король повез его с собой в Париж и там одарил его богатыми дарами, драгоценностями, конями и наличными деньгами, всего стоимостью в 10 тысяч золотых франков, так что заплатил ему весьма хорошо и щедро за оказанный ему прием, каковой являл собою поистине великолепное и чудесное зрелище.

На следующий день по приезде я сопровождал герцога Орлеанского, который после ужина отправился в дом одного оруженосца короля по имени Сиферваль, где уже отужинали многие синьоры. Мы увидели, что они играли; герцог стал играть и велел мне положить на стол около 400 франков, которые я захватил с собой для него и для себя. Случилось так, что, когда наступила моя очередь бросать кость, моим противником оказался виконт Монлев, который был великим игроком, знатным и богатым синьором, имея ежегодную ренту более чем в 30 тысяч франков. И как бы для того, чтобы возбудить скандал, случилось, что я двенадцать раз подряд выиграл как в свою подачу, так и в его;

поэтому, разгоряченный вином и игрой, он начал говорить: «Ах ты, ломбардец, подлый изменник, что ты делаешь? Собираешься всю ночь выигрывать, жулик, содомит». Я ответил ему: «Мессер, выражайтесь прилично из уважения к герцогу». И поставил новую ставку. Я выиграл и ее. Поэтому в бешенстве он снова сказал бранные слова, произнеся в конце: «И я вовсе не вру». Я сразу же ответил: «Нет, вы это делаете, сир». Тогда он протянул руку и схватил мой берет, который у меня был на голове, и хотел меня ударить. Я отодвинулся назад и сказал: «Я не из тех людей, которые позволяют себя бить, когда при них есть свое оружие», и положил руку на шпагу, висевшую у меня на боку. Он закричал: «Еще никто никогда не изобличал меня во лжи, надлежит мне убить тебя!». Тогда герцог сказал мне тихо, чтобы я ушел и ожидал в его комнате, предоставив действовать ему. Я вышел и, удалившись от этого дома примерно на сто локтей, почувствовал, что кто-то бежит за мной, повернулся и, так как, к счастью, мимо проходили какие-то придворные с факелами, увидел и узнал, что это бастард указанного виконта де Монлев; в руке он держал обнаженный клинок; я выхватил свой меч и крикнул ему: «Бастард, спрячь свой клинок в ножны, вернись обратно и скажи своему отцу, что ты меня не нашел». Он оглянулся назад и, увидев, что никто из их людей не следует за ним, на свое счастье внял моим словам, вложил клинок в ножны и отправился восвояси. Придворные, которые это видели, рассказали об этом поступке многим синьорам. За это я всеми был весьма одобрен, тем

более что указанному бастарду было восемнадцать лет и он был слаб сложенем, так что я с легкостью причинил бы ему зло. Я дошел до покоев герцога, который вскоре явился весьма взволнованный, ни слова мне не промолвив. Немного спустя он сказал одному из своих оруженосцев: «Отправляйся в дом виконта и от моего имени скажи ему, что я хочу знать до отхода моего ко сну, согласен ли он сделать то, о чем я его просил». Оруженосец ушел и, вернувшись, сказал, что виконт пребывает в прежнем своем расположении. Тогда герцог сказал мне: «Не выходи из этого дома без меня; я тебя защищу вопреки ему, а ему покажу свое нерасположение».

Утром мы сели на лошадей и отправились обратно к королю, который уже выехал. Мы приехали в аббатство, где король спешил, чтобы позавтракать; там герцог поговорил с ним и рассказал все, что произошло этой ночью, испрашивая у него разрешения защищать своих слуг, к числу которых я принадлежал. Король отвечал ему, сказав: «Виконт поступил и говорил дурно, и Бонаккорсо, защищая свою честь, не мог не ответить ему; но я не хочу, чтобы это дело продолжалось впредь»; и тут он созвал к себе герцогов Беррийского и Бурбонского и нескольких других синьоров и сказал им с сокрушенным видом: «Пошлите за виконтом и скажите ему, что я желаю, чтобы до того, как он покинет этот зал, он сделал бы то, что желательно моему брату в отношении спора, который этой ночью он имел с Бонаккорсо».

Виконт приехал, и герцог Беррийский обратился к нему в присутствии короля и всех про-

чих, и сказал ему то, что повелел король. Тогда виконт повернулся к герцогу Орлеанскому, говоря: «Мессер, я весьма огорчен тем, что вы приняли сторону какого-то ломбардца против меня, вашего родственника и слуги; не было необходимости говорить об этом королю, поскольку я не стал бы противиться вашему приказанию; а если я ночью не согласился на то, что вы просили, то это только потому, что я думал, что вы говорите это не всерьез; но сейчас, когда я вижу, что вы говорите серьезно, я готов простить оскорбление, которое Бонаккорсо нанес мне этой ночью в вашем присутствии». Герцог ответил ему, сказав: «Вы первый начали в моем присутствии говорить Бонаккорсо такие слова, что, если бы он промолчал, я счел бы его недостойным уважения».

Тогда я почтительно поблагодарил герцога Беррийского, каковой был тут же и слышал все слова короля и всех, кто здесь говорил. Указанный герцог Беррийский сказал тогда: «Монсиньор, король узнал о ссоре, которую вы имели этой ночью с виконтом, и очень всем этим недоволен; и верно, Бонаккорсо, вы имели слишком большую дерзость, оскорбив столь знатного синьора, поскольку он наш родственник, и вообще таков, что нет в королевстве другого столь важного синьора, за исключением тех, у кого в гербе лилия, который мог бы тягаться с виконтом. Но государь наш король благорасположен и не желает, чтобы ссора эта продолжалась, и хочет, чтобы виконт вас простил и чтобы вы стали с ним друзьями, как прежде; следовательно, вы, Бонаккорсо, просите прощения у виконта». Я повернулся к ви-

конту, говоря: «Мессер, простите меня, если я сказал или сделал что-то вам неприятное». Он ответил мне: «Раз так желательно королю и его брату, я бы простил тебя, даже если бы ты ранил меня в лицо; я прощаю тебя, и более того, прошу сам у тебя прощения и хочу стать тебе добрым другом».

После того как мы вернулись в Париж, я пригласил в свой дом ужинать герцога Орлеанского и герцога Бурбонского; они пожаловали, приведя с собой сира де Куси и помянного выше виконта и много других баронов и рыцарей. И остались они столь довольны всеми блюдами и закусками, что перед королем и другими синьорами с большой похвалою говорили об этом. Этот ужин обошелся мне около 200 франков. В одном они только жаловались на меня — в том, что в этот вечер я не хотел играть, хотя они вели большую и интересную игру; но я пригласил Бернардо ди Чоне деи Нобили, самого любезного и щедрого игрока из всех, кого когда-нибудь видели.

1396. Затем пришла зима, и я решил вернуться во Флоренцию с намерением больше не возвращаться в Париж и больше никогда не вести игру, и продал Бернардо ди Чино за 1000 франков мой дом, который мне стоил 600 франков, а утварь по дешевке уступил управителю. Собираясь уезжать, пошел я проститься с королем и королевой. Королева велела мне не уезжать, не поговорив с ней еще раз, сказав, что она пришлет за мной, когда будет нужно, и через несколько дней послала за мной. При ней находился брат ее герцог Лодовико, и после многих любезных фраз она

поручила мне, чтобы я воздействовал на флорентинскую коммуну и чтобы та послала своих послов к королю Франции для заключения лиги против герцога Миланского,⁶¹ говоря мне, что она уверена, что король охотно согласится, и т. д. Дала она мне верительные грамоты к нашим синьорам Флоренции.

Я уехал и прибыл во Флоренцию в конце мая 1396 года; прежде чем предстать перед нашими синьорами, я дал знать о данном мне поручении некоторым мудрым и имеющим вес членам их коллегий, а затем уже явился и доложил о своем посольстве. В связи с этим созывалось много советов и пратик,⁶² и, так как до моего приезда во Флоренцию мессер Мазо дельи Альбицци⁶³ поехал послом к французскому королю, чтобы испросить предоставления нам, когда это потребуется, за наш счет воинов, капитанов и т. д., было решено, что я вернусь в Париж; и дано было мне поручение и полная доверенность — мне и мессеру Мазо — на заключение лиги и т. д.; я отправился 20 июля вышеуказанного года с жалованием по 4 флорина в день.

До своего отъезда я купил у Мильоре ди Джонта два участка земли, расположенные в приходе Монтуги аббатства Фьезоле. Я дал ему за них 700 золотых флоринов и заплатил всю габеллу.⁶⁴ Отмечу, что еще в 1391 году я купил усадьбу у Луиджи ди Бонаккорсо ди Рукко деи Питти за 700 золотых флоринов и оплатил габеллу. Усадьба называлась Боссолли и расположена под Сорбияно в Вальдипезе. В указанный год заплатил я также 400 флоринов золотом Андреа Белинчини за дом, который

мой брат Франческо заложил у его брата Никколо, и в тот же год заплатил я еще 300 золотых флоринов Лизабетте, дочери Чоне ди Бонаккорсо деи Питти.

Я выехал из Флоренции 20 июля 1396 года, направляясь в Париж через Ломбардию, с большой опасностью из-за поручения, данного мне нашими синьорами; со мной ехал также сер Ванни Стефани, нотариус посольства,⁶⁵ каковой весьма затруднял меня по пути в Париж, так как совсем непривычен был к верховой езде и никогда из Флоренции не отлучался. Я прибыл в Париж и узнал, что мессер Мазо добился от короля того, о чем просил; имея в виду поручение, мы с большим рвением добивались результатов, и в сентябре месяце заключили союз с королем Франции;⁶⁶ из-за моего участия в этом деле герцог Орлеанский, прежде меня весьма любивший, стал относиться ко мне подозрительно, так как герцог Миланский был его тестем,⁶⁷ и, до того как мы заключили лигу, передал мне через тайно им посланного оруженосца Бонифацио дель Мадруччо, чтобы я из любви к нему отстранился от дела, направленного против его отца, герцога Миланского, при этом угрожая мне, хотя и в благородной форме. Но я, несмотря на это, не оставил порученной мне задачи, но с горячим усердием, движимый любовью к родине, продолжал ее.

Мы уехали из Парижа, избрав дорогу на Авиньон, желая затем сесть на корабль, который должен был следовать в Порто Пизано, но, прибыв в Авиньон, по воле божьей и совету кардинала Корсини из Флоренции мы не сели на корабль, но отправились сухим путем. Ука-

занный корабль разбился в море, и все люди утонули: утонули и многие флорентинские купцы в их числе и Джованни ди сер Ландо Фортини. Мы выехали из Авиньона в день св. Мартина и, достигнув Асти, послали всадника к герцогу Миланскому с просьбой выдать нам охранный пропуск; и, после того как было возведено по всей земле о нашем мандате, мы на третий день перед рассветом покинули Асти и, держа путь на Геную, но минуя земли герцога, достигли Генуи, а затем Порто Венери, где задержались на много дней по воле судьбы и в конце концов приехали во Флоренцию на рождество, проведя таким образом в дороге от Авиньона до Флоренции около 46 дней. И вскоре после того как мы приехали, были избраны послами во Францию мессер Ванни Каstellани, мессер Филиппо Корсини, который был доктором в это время,⁶⁸ и я; и мне, в частности, нашими синьорами было приказано выехать в самом срочном порядке вперед. Отправился я в путь января 15-го дня — дорогой на Фриуль и через Германию, проведя 34 дня среди снегов и только заходя в помещение Пять дней я провел у подножия горы, которая зовется Арлеберг, потом перешел через нее с помощью быков и людей, которые расчищали снег и прокладывали дорогу. Так прибыл я в Констанцу, затем в Базель, оттуда — в Лангр и потом в Париж. Тут узнал я, что король очень болен, узнал я также, что пришли весьма верные новости о поражении, которое французы потерпели в Турции,⁶⁹ и по этим двум причинам я мало чего мог достигнуть до того, как приехали мессер Ванни и мессер Филиппо Кор-

сини. Вместе с ними приехал и мой брат Луиджи. Мы пробыли там около четырех месяцев, не имея возможности заняться нашим делом, так как все здесь были заняты только торжественными похоронами принцев королевского дома и других синьоров, погибших в Турции; король же заболел и, будучи сумасшедшим, находился под запором.⁷⁰ Выздоровление короля было ознаменовано его появлением в совете.

Тотчас же явились мы в совет, и в его присутствии мессер Филиппо изложил цель нашего посольства, и речь его была столь превосходно сказана, что все синьоры — как из этого совета, так и другие, не входившие в совет, — очень захотели иметь копию того, что он сказал; и мы дали ее переписать, ибо таково было требование короля. Содержание же ее заключалось в том, что мы снова просили об осуществлении условий, о которых говорилось с его величеством при заключении лиги. Король ответил, что даст нам ответ в другой раз, и т. д. Потом мы много раз — опять и опять — побуждали дать нам ответ и выполнить обязательства договора, и ответы были благосклонными; король говорил, что выполнит свой долг, и на эти переговоры ушло более двух месяцев. Вследствие чего возникла у меня одна мысль, которая понравилась также мессеру Филиппо и мессеру Ванни, а именно: мне было известно, что король совсем не понимал грамматики,⁷¹ как и ни один из герцогов, за исключением герцога Орлеанского, который стоял на стороне герцога Миланского; поскольку же мессер Филиппо каждый раз держал речь, пользуясь

грамматикой, и требования наши были всегда весьма хорошо и точно изложены, а ответа на них не следовало, я и подумал, что канцлер и другие прелаты, которые хорошо понимали, переводили королю не совсем точно то, что говорил мессер Филиппо. Вследствие чего мы решили, что в первый же раз, когда мы снова будем выступать перед ним в его совете, речь буду держать я на французском языке; так и произошло, я говорил весьма кратко, и сущность речи была в том, что мы от имени наших синьоров и флорентинской коммуны, преданных ему и т. д., просим, чтобы Его Величество соизволили соблюсти верность тому, что было им обещано при заключении лиги, и т. п., и, когда я дошел до этих слов — что мы просим от него соблюдения верности, — увидел я, как король изменился в лице и смутился. Затем мы покинули это заседание. Потом мы узнали, что, когда мы вышли, король спросил: «О каком честном слове и обещаниях меня просили? Пусть принесут документы». Документы были принесены, и король, увидев все, что он нам обещал, очень упрекал канцлера и других лиц, которые слышали и поняли речь мессера Филиппо, за то, что они не дали ему достаточно хорошо понять именно то, что я разъяснил, т. е. о его честном слове. Нас призвали в зал, и канцлер нам ответил следующей речью: он сперва извинился от имени короля за то, что был так задержан ответ и исполнение нашей просьбы, сославшись в приличных словах на болезнь, как на причину этого, а также на смерть родственников, погибших в Турции; но что он, король, расположен выполнить свой долг

в отношении нас. После того как канцлер закончил свою речь, слово взял король, говоря: «Я подтверждаю то, что сказал мой канцлер; ни вы, ни другие не могут думать, что я не выполняю своих обещаний». И обратился ко мне, говоря: «А у вас, Бонаккорсо, напомнившего мне столь точным образом о моем слове, пусть никогда не будет другого такого случая, ибо не было и никогда не будет необходимости в том, чтобы требовать от меня соблюдения моего слова, если я только точно знаю, что я действительно обязался сделать; я никогда не изменю своему слову и, думаю, никогда меня в этом никто не упрекал, если не считать вашей речи сегодня». Встав со своего места, ибо раньше я сидел, и преклонив колена, я сказал: «Священное Величество, если я сказал вещи, которые вам неприятны, нижайше испрашиваю вашего прощения; меня заставила так говорить необходимость, поскольку мы увидели, что вы не понимаете того, что мессер Филиппо несколько раз у вас спрашивал». Тогда ответил герцог Бургундский, сказав: «Мессер король, флорентинцы так преданы Вашему Величеству, что, только считая себя вашими [людьми], они осмелились так говорить с вами». Тогда король ответил, что считает себя удовлетворенным, и, улыбаясь, добавил: «Но пусть Бонаккорсо за это принесет мне повинную».

Мы удалились, и через несколько дней после этого король и его Совет избрали капитаном Бернара, графа д'Арманьяка, который должен был иметь под своим водительством тысячу копейщиков и по пять коней на копье; каковой отряд, в течение шести месяцев оплачиваемый ко-

ролем, должен был прийти в Ломбардию в распоряжение нашей лиги. Вышеуказанный граф принял это назначение. Мы пошли посетить его, порадоваться с ним и просить его, чтобы он не терял времени. Он ответил, что его намерение было выступить с отрядом в 10 тысяч всадников, чтобы стать лагерем как можно ближе к тому месту, где расположился герцог Миланский. Мы поддержали его в этом. Добившись этого избрания, мессер Ванни через несколько дней отправился во Флоренцию, а мессер Филиппо и я остались, чтобы хлопотать о скорейшем выступлении графа; но поскольку герцог Орлеанский сколь возможно мешал его отправке, то больше месяца ушло, чтобы добиться отпуска денег для жалованья; когда же граф увидел, что деньги отпущены, он послал за нами и сказал: «Я хочу поехать в свои земли, подготовить 10 тысяч всадников из настоящих солдат, привычных к войне, а не к тавернам и парижским пирогам, каковых я приведу в Авиньон в середине апреля, но далее вести такое войско не смогу без помощи вашей коммуны и вашей лиги; поэтому пусть один из вас отправится во Флоренцию сказать, что, если они хотят, чтобы я пришел с этим войском, мне необходимо, чтобы их лига мне помогла 10 тысячами флоринов в месяц в течение шести месяцев, когда я буду находиться на территории нашего врага; и, если они на это согласятся, я приду в Асти со всем отрядом, но к моему приходу должно быть там подготовлено 25 тысяч флоринов. В случае же, если они не захотят этого сделать, я сам не приду в Италию, но вместо себя пошлю достойного капитана с отрядом, который король

распорядился оплачивать; и относительно согласия или отказа я должен иметь ответ в течение апреля в Авиньоне».

Мы решили, что я поеду. Отправился я в путь через Бургундию и Германию, затем спустился во Фриуль и, приехав в Тревизо, услышал я, что в Венеции сейчас находятся наши флорентинские послы вместе с синьором Падуи и с другими послами лиги. Я взял с собой двух вьючных лошадей и всех других лошадей и слуг, за исключением одного, которого отправил в Падую, а сам поехал в Венецию. После того как я обо всем доложил нашим послам, они сразу же собрали всех союзников⁷² и рассказали им все мною доложенное. Все согласились участвовать в выплате 10 тысяч флоринов. Посему наши послы предложили мне самым срочным образом отправиться во Флоренцию и там сделать доклад обо всем; и еще сами написали. Я отправился из Венеции 22 марта в 21 час, немного отдохнул в Местри и в 2 часа ночи приехал в Падую; утром 23-го взял двух добрых лошадей из конюшни синьора и, ни разу не остановившись для еды и питья, прибыл в Феррару в 20 часов, взял там двух лошадей из конюшни маркиза и отправился спать в Сан Джорджо в 10 милях от Болоньи. Следующим утром я приехал в Болонью еще до восхода солнца, взял двух вьючных лошадей и доехал к ночи до Скарперии, где переночевал, и был во Флоренции в терцу⁷³ 25 марта; таким образом, за два дня с третью я доехал из Падуи до Флоренции, проделав до этого верхом путь из Парижа до Падуи за шестнадцать дней.

Я доложил обо всем нашим синьорам и «Десяти балии»,⁷⁴ каковые быстро решили отправить Берто Кастеллани в Авиньон передать графу д'Арманьяку, чтобы он пришел, что в Асти он найдет ожидаемые им 25 тысяч флоринов и что все, что он требовал, будет сделано, и т. д. После отъезда Берто, через немного дней, 8 апреля, я получил письмо от вышеуказанного графа, в котором тот сообщал мне, что 25 тысяч флоринов нужны ему в Авиньоне. Я показал письмо «Десяти», и из-за этого все переговоры были прерваны, нашим послам в Венеции было поручено заключить лигу с венецианцами, согласно которой мы обязывались вести войну или заключить мир с герцогом Миланским так и тогда, когда это сочтут нужным они, что являлось уроном для чести нашей коммуны. Вскоре последовало перемирие, а потом неискренний и плохой мир с герцогом Миланским, который продлился весьма малое время.⁷⁵

Что касается графа д'Арманьяка, то он прибыл в Авиньон с 10 тысячами всадников и там дождался 100 тысяч франков из Парижа, вернее 90 тысяч золотых скуди, каковые уже прибыли в Пон де Сент-Эспри. Герцог же Орлеанский, который препятствовал всему этому сколько мог, уверяя в Королевском совете, что он знает наверняка, что наша лига заключила мир с герцогом Миланским, так как получил письмо, посланное за семь дней до того из Павии в Париж, от герцога Миланского о том, что он заключил перемирие и скоро последует мир с лигой. Он показал письмо королю и совету, и поэтому тотчас же послали вдогонку

за тем, кто повез 90 тысяч скуди, чтобы он их не выплачивал; какого и нагнали в Пон де Сент-Эспри. Поэтому граф д'Арманьяк вернулся в свои земли, очень недовольный нами и французскими синьорами, потерпев из-за всего этого большой ущерб и понеся большие расходы. А также и король Франции был недоволен нами, поскольку мы заключили мир, не спросив его согласия. А мы были недовольны из-за всех их проволочек, ибо из-за этих проволочек мы подвергались опасности и несли большие расходы и потери с ущербом для нашей чести.

1398. Сентября 15-го дня я вступил в должность члена «Коллегии Двенадцати» по сумé⁷⁶ 1381 года. И затем 30 октября мы занимались списками и выборами подестерии Пистойи, против чего я сколько мог и умел протестовал — и речами и голосованием, поскольку мне казалось, что мы наносим обиду пистойцам, так как тем самым нарушаем обещания сохранить их вольности. Второго декабря началось общее голосование и 11-го указанного месяца оно закончилось, и аккопиаторами⁷⁷ были кузнец Лоренцо д'Аньоло, Настаджо Бучелли, Франческо ди Нери Ардингелли и Андреа, сын мессера Уго делла Стуфа. Моими помощниками были Герардо Каниджани и Герардо Бовоньюоли.

1399. Июля первого дня 1399 года я вступил в число приоров. Моими сотоварищами были Джованни, сын мессера Донато Барбаторо, Стефано Рафакани, Део Бентакорди, Микеле Альтовити, Антонио ди Дуранте, Симоне Биффоли и Аттавиано ди сер Тино далла

Каза; а гонфалоньером справедливости — Джованни ди Джованни Альдобрандини.

В то время, когда я был приором, пришла к нам весть, что король Владислав взял Неаполь и отвоевал все королевство и что король Луи⁷⁸ ушел во Францию. Из-за этого весь народ хотел устроить большие празднества; я, однако, больше пятнадцати дней сопротивлялся, чтобы открытого празднования не происходило, учитывая, что еще не истек срок лиги с королем Франции. Я советовал лучше отправить посольство, чтобы поддержать короля и тайно передать ему 10 тысяч флоринов, в которых он должен был очень нуждаться, чем потратить 6 тысяч флоринов, которые, по моим подсчетам, стоили бы нам празднества. В конце концов празднества все же состоялись с большими джострами и армеджаментами,⁷⁹ и три ночи под звон колоколов с колокольни Дворца устраивались фейерверки.

1399. И в это же время случилось великое волнение по всей Италии, а именно все люди, великие и самые маленькие, облачились в одежды из белого льна и ходили большими отрядами, закрыв голову и лицо, с криками и пением моля бога о милосердии и мире.⁸⁰ И так как весь этот народ был охвачен названным движением, то были уста, которые говорили: «Пойдем к Стинкэ,⁸¹ чтобы освободить заключенных». Милостью божией дело не дошло до оружия, ибо была большая опасность этого. И все кончилось хорошо, поскольку многие ссоры были окончены миром; и мы, Питти, помирились с Антонио и Джери ди Джованни Корбицци, племянниками того Маттео дель

Рикко, который умер в Пизе, и с Маттео ди Паоло Корбицци, о чем был составлен документ сером Антонио ди сер Келло.

22 сентября указанного года я вступил в должность капитана Пистойи,⁸² и во время исправления должности между другими делами мне случилось арестовать одного известного вора. Наши синьоры послали ко мне гонца и написали, чтобы я передал этого вора в его руки, а он отвезет его к подесте Флоренции. Я этого не сделал, но написал синьорам, что мне бы хотелось, чтобы они соблюдали вольности пистойцев. Они же снова мне ответили, что, если я не передам вора после этого их второго письма, они поступят со мной так, что это станет вечным примером для всякого, кто не повинуется их синьории. Я опять воспротивился и написал своим братьям, у которых были родственники и друзья, чтобы они, если сочтут возможным, пошли бы к синьорам просить их предоставить мне осуществлять правосудие в Пистойе и тем соблюсти присягу, которую я принес пистойцам, вступая в свою должность. Пошли мои братья с большим числом родичей и друзей на поклон к нашим синьорам и их коллегиям,⁸³ чтобы умолить их, приводя все доводы, и т. д.; и, когда они вышли из зала, Джованни ди Тиньосино Белланди, который был председателем, поставил на голосование предложение, чтобы меня послали в изгнание на двадцать лет. При голосовании было положено 23 черных боба, не хватило всего двух. Позвали их снова в зал и сказали, какое предложение голосовалось и что они намерены, если в течение трех дней я не отдам указанного вора

и т. д., ставить на голосование это предложение столько раз, сколько потребуется, пока оно не победит. Тогда мои братья сообщили мне, что все наши родичи и друзья советуют, чтобы я больше не сопротивлялся. Находясь вместе с приором Пистойи и многими их согражданами, я в их присутствии рассказал все, что произошло, и дал им прочесть все письма, которые я получил, а затем сказал им — пусть они решают, что я должен, по их мнению, сделать, поскольку я твердо решил перенести ссылку и любое другое наказание ради защиты их вольностей, и что без их согласия я их не нарушу. Они посоветовались и затем ответили мне со слезами и вздохами, что я сделал столько, что они навсегда мне за это благодарны, но что, видя волю наших синьоров, которая направлена на то, чтобы отнять у них их вольности, и видя опасность, которой я подвергаюсь, продолжая сопротивление, и которая может привести к дальнейшему ухудшению их положения и т. д., они согласны, боясь худшего, на то, чтобы я отправил этого вора во Флоренцию, что я и сделал.

В 1400 году я решил поехать в Савойю, чтобы востребовать злополучные деньги, которые я дал в долг графу; приехав в Падую, я рассказал синьору, куда я хочу поехать; он сказал мне: «Ты не сможешь проехать в Савойю, не будучи задержан по требованию герцога Миланского; я знаю это наверняка благодаря приказу, который был им отдан; и это было ему обещано синьорами и другими повсюду, где тебе случится проехать». Посему решил я вернуться назад, тем более что весьма не-

охотно и с большим неудовольствием оставил по причине смертности из-за чумы, которая была во Флоренции, своих братьев и наши семьи в Сорбильяно. Я вернулся в Болонью и написал своим братьям, чтобы они со всеми нашими семьями приехали бы в Болонью, и послал к ним лошадей и водителей мулов. Они приехали в Болонью, и примерно через неделю я снял дворец и сад деи Бианки, приблизительно в двух милях от Болоньи, и там мы поселились все вместе — мои братья и наши семьи, исключая Пьеро и его семью, которые остались в Монтуги. Милостью божией все мы спаслись, за исключением родившегося у меня там сына, каковой умер. Всего нас там было, считая семьи наши и родственников, которые приехали туда и были на нашем иждивении, постоянно 25 человек. Пробыли мы там около четырех месяцев и, вернувшись во Флоренцию, подсчитали, что потратили там за это время 480 новых флоринов.

В вышеуказанный год, когда много флорентинцев бежало в Болонью, изгнанники из Флоренции стали побуждать многих молодых людей к заговору против нашего правительства; главарем их был Сальвестро ди мессер Россо деи Риччи. Заговор был раскрыт во Флоренции, поскольку о нем донес Сальвестро ди мессер Филиппо Кавиччули; и был схвачен Самминьято д'Угучозо деи Риччи, которому отрубили голову, а также одному из деи Давици, и многие подверглись изгнанию, а многие получили прощение, и город успокоился.

В указанный год я был назначен послом и поехал в Германию к вновь избранному им-

ператору, каковым стал герцог Рупрехт Баварский,⁸⁴ граф Пфальцский; и поручения, мне данные, заключались в следующем: во-первых, поздравить его с избранием; во-вторых, просить его, чтобы он прибыл в Рим для коронования; в-третьих, подтвердить права империи, и в частности те, которые захватил как тиран герцог Миланский; в-четвертых, сообщить, что, если бы он захотел предпринять все это в данном году, т. е. в 1401, наша коммуна дала бы ему 100 тысяч золотых флоринов; в-пятых, чтобы он снова подтвердил в качестве викариата те привилегии, которые мы имели от империи, и сверх того, чтобы он на подобных же основаниях уступил нам Ареццо, Монтепульчано и все другие имперские земли, которые мы тогда имели, и т. д.

Выехал я из Флоренции 15 марта в сопровождении сер Перо ди сер Перо да Самминьято, нотариуса, чтобы он мог ревизовать меня. Мы направились по пути через Падую, и я заранее оповестил синьора Падуи о своей поездке, поскольку так мне было поручено. Он послал с нами своего посла по имени Дорде.

Поехали мы дальше через Фриуль и затем в Германию через Зальцбург, затем Мюнхен и Ингольштадт, и затем в Амберг, где и застали избранного императора, и, после того как должным образом мы его приветствовали и передали поздравления нашей коммуны, я сказал ему, что, когда только угодно будет Его Величеству, я изложу ему, секретно или открыто, как он сочтет нужным, цель моего посольства. Он отнесся к этому благосклонно, сказав, что даст мне знать, когда захочет меня выслушать. Повелел

он разместить нас в прекраснейшем доме, в каковом мы пообедали, и в отношении еды и всего прочего были весьма достойным образом обслужены его людьми.

На другой день император послал за нами и в присутствии восьми членов своего Совета пожелал, чтобы я изложил цель моего посольства. Я изложил ее, однако не указал суммы денег, сказав лишь о возможности выплатить их; он ответил, что поручит это деловым людям, и так и поступил. В переговорах с нами эти последние спросили нас, какова же сумма, которую наша коммуна могла бы дать, и т. д. Я ответил им, чтобы они просили столько, сколько им покажется подходящим. Ответили они, что если мы хотим, чтобы он [император] пришел в этом году, то пусть наша коммуна поможет ему 500 тысячами флоринов. Я сказал, что на это ответить я хотел бы в его присутствии. Мы явились перед ним, и я сказал: «Ваше священное Величество и т. п., ваши комиссары спросили у меня такую сумму, что мы подивились, и кажется нам, что это вежливый способ отказать в вашем приезде, поскольку вы, конечно, хорошо понимаете, что такая сумма невозможна для нашей коммуны», и т. д. Он на это сказал, что я говорю верно, что в этом году он не может прибыть, так как не имеет денег, поскольку около 300 тысяч флоринов, которые были у него до его избрания, все были истрачены, когда он дважды после своего избрания держал поле;⁸⁵ что если мы подождем этот год, то на следующий год у него будут деньги, и нам будет много легче; но если мы все же захотим, чтобы он в этом году прибыл, нам сле-

дует нести бóльшую часть расходов. В конце концов, после долгих речей, которыми я стремился побудить его прибыть в этом году, я назвал ему ту сумму, которую мне поручили предложить. Он ответил мне, что, если это все, что мне поручено, я должен написать во Флоренцию, изложив то, что он мне сказал, и что действительно у него нет денег. Я все так и написал в письме, с которого велел сделать копию, и послал письмо с собственными гонцами. Получил ответ: мне поручалось всячески настаивать на прибытии в этом же году, приводя в виде доводов то, что сейчас обстоятельства складываются благоприятно для него, а при промедлении они могут измениться и т. п.; в помощь предложить ему вплоть до 200 тысяч золотых флоринов, обнадеживая его, что, когда он будет там, мы постараемся по всей возможности помочь ему и т. д. Мы отправились к Его Величеству, и после многих речей с его стороны и с нашей, и после того, как я с каждым разом в течение переговоров понемногу повышал сумму нашей помощи, я в конце концов назвал ему, согласно поручению, сумму и сказал, что я не могу идти свыше поручения. Он ответил, что созовет выборщиков и других великих баронов в Нюрнберге, который находится отсюда в двух днях пути, и с ними обсудит все и затем нам ответит.

Случилось, что, еще ожидая ответа из Флоренции, я как-то ужинал с ним в его саду и, заметив, что он не принимает никаких мер по охране от отравы, сказал ему: «Ваше священное Величество, вам не кажется, что вы недостаточно думаете о злодействах герцога Ми-

ланского, ибо, если бы вы об этом думали, вы бы принимали меры по охране своей персоны, чего вы не делаете; будьте уверены, что, когда он узнает, что вы решили прибыть туда, он постарается умертвить вас — ядом или ножом». Изменившись в лице и перекрестясь, он ответил: «Неужели он так злонамерен, что стал бы искать моей смерти без вызова с моей или его стороны? Мне трудно этому поверить, но тем не менее я прислушаюсь к твоему совету создать хорошую охрану». И он отдал соответствующие распоряжения и впредь остерегался; и, между прочим, из-за подозрения, которое я внушил ему, он, увидев незнакомого ему человека, тотчас же хотел узнать, кто он и что здесь делает. Как-то случилось, когда он находился в одном своем прекрасном замке, расположенном близко от Амберга, куда он приехал ненадолго для охоты и где мы были постоянно с ним, что однажды утром, выйдя из своего дворца, чтобы пойти слушать мессу, увидел он одного человека, похожего на курьера; он велел привести его к себе и спросил его, что он здесь делает. Тот ответил, что едет в Венецию и что пришел сюда только для того, чтобы повидать его [императора] персону и иметь возможность в Венеции рассказать о нем. Император велел одному из своих приближенных отвести этого человека в свою комнату и сторожить его, пока он сам не вернется с мессы. И, когда он вернулся, курьер признался ему, что он приехал из Павии и что вез письмо к императорскому врачу от маэстро Пьеро ди Тозиньяно, врача герцога Миланского, и что он и раньше несколько раз привозил ему такие

письма. Император прочел письмо и велел схватить своего врача, которого звали маэстро Герман и который был учеником маэстро Пьеро ди Тозиньяно. Вскоре врач сознался, что должен был его отравить с помощью клизмы и за это получить 15 тысяч дукатов — 5000 в Майнце и 10 тысяч в Венеции. Мы уехали оттуда и вернулись в Гамбург с врачом и курьером, с хорошей охраной, и, когда мы ехали, он подозвал меня и сказал: «Вы мне спасли жизнь, заронив во мне подозрение», и рассказал мне все, что было обнаружено. Затем мы отправились все в Нюрнберг, и туда приехали архиепископы Кельнский и Майнцский, которые являются выборщиками, и много других баронов; и на первом собрании император рассказал им о случае, который был обнаружен; он призвал к себе синьоров, правящих этим городом, и, рассказав им о том, что он обнаружил, сказал, что он не хочет сам быть судьей, поскольку является одной из сторон, и что пусть они возьмут врача, чтобы расследовать это дело и судить его согласно тому, что выяснится. Врача привели в их дворец и после того, как в течение нескольких дней выяснилось, что он действительно должен был отравить императора, присудили, чтобы его приволокли на лобное место и там перерубили бы у него ноги, руки и спинной хребет, а затем привязали бы к колесу телеги, водруженному на столбе, и так оставили, пока он не умрет; так и было сделано.

Затем император в течение нескольких дней держал совет; в конце концов, поскольку здесь присутствовали не все, кто должен был

принять участие в этом решении об его походе и короновании в Риме, решено было поехать в Майнц и там встретиться со всеми, кто должен был участвовать в указанном обсуждении; и так и сделали.

И там, после многих совещаний и переговоров, согласились мы с ним на следующем, а именно, что он со своим войском будет в Ломбардии в течение ближайшего сентября, а его доверенному комиссару будут вручены в Венеции 50 тысяч дукатов и затем 150 тысяч в три выплаты — от времени до времени.

Вместе с императором мы уехали из этого города и прибыли в Гейдельберг, расположенный на расстоянии более чем в 10 немецких миль оттуда; там он велел призвать к себе некоторых богатых купцов, которые обещали предоставить ему займы в Аугсбурге, где он должен собрать перед походом своих людей, 50 тысяч дукатов с условием, чтобы мы обязались после прибытия его в Ломбардию выплатить им в Венеции указанную сумму. Но, когда эти купцы пришли, они заявили, что никак не могут выполнить своего обещания, поскольку другие купцы, от которых они рассчитывали получить наличные деньги в счет своего кредита, решительно отказали им в деньгах после того, как узнали, на какой предмет предназначались эти деньги. И в конце концов после многих просьб, смешанных с угрозами, так и не получив от вышеуказанных купцов то, что они обещали, он вызвал нас и все рассказал нам, и чуть ли не со слезами на глазах сказал: «Я буду опозорен по вине этих купцов, поскольку, получив в Майнце обещание служить

мне и т. п., я призвал своих синьоров, баронов и рыцарей прибыть на весь август в Аугсбург, чтобы идти со мной в поход в Ломбардию, а теперь вы видите, как они меня бросают. И поэтому прошу вас, чтобы ты, Бонаккорсо, отправился незамедлительно к моим верным сынам, флорентинским синьорам, дабы рассказать им все обстоятельства дела и просить их поспешествовать и чести моей, и их собственным интересам, если они хотят, чтобы я прибыл в Ломбардию в условленный срок; ибо, чтобы я мог выступить из Аугсбурга, им нужно послать мне по меньшей мере 25 тысяч золотых дукатов, каковую сумму потом пусть вычтут, и т. д.». Я довольно долго сопротивлялся, чтобы не ехать, заверяя, что более верным и скорым способом будет послать письма с дубликатами, но он никак не желал согласиться с резонами, каковые я приводил против своей поездки; поэтому я решился ехать, боясь, что, если я не поеду, его поход в этом году не осуществится. Выехал я из Гейдельберга июля 18-го дня и достиг Падуи на двенадцатый день; расстояние там 500 миль, и синьор Падуанский весьма дивился, что я смог так быстро доехать, и не хотел этому верить, если бы не письмо, которое я ему привез от императора. Из Падуи я выехал с лихорадкой, которая еще за четыре дня до этого у меня началась, и, доехав до Ровиго, пролежал день в постели в таком большом жару, что не мог ехать верхом. На следующий день я нанял барку и каналами доехал до По и далее до Франколино, где пересел снова на коня; ночевал в Поджо у мессера Эгано и оттуда приехал через два с половиной дня все еще в лихо-

радке. Доложив все, что следовало, синьорам и их коллегам, а также совету специалистов,⁸⁶ я вернулся к себе домой и через несколько дней выздоровел от лихорадки. Когда я стал здоровым и свежим, синьоры и «Десять балии» решили, чтобы Андреа ди Нери Веттори, который позже стал рыцарем, и я вместе с ним отправились бы в Аугсбург и сказали императору, что после того, как он обнаружит документ со всеми условиями и пактами, которые мы с ним заключили, он может послать в Венецию за 50 тысячами дукатов, которые там будут находиться в руках Джованни ди Бичи деи Медичи — их комиссара. Мы отправились из Флоренции 15 августа; ехал с нами и указанный Джованни деи Медичи до Венеции, где мы его оставили, а сами продолжали свое путешествие и скоро прибыли в Аугсбург, где находился новоизбранный император и с ним 15 тысяч добрых всадников. Мы доложили ему о результатах нашего посольства, на что он тотчас же ответил, весьма огорченный тем, что мы не привезли никаких денег, сказав: «Мне придется отпустить цвет нашего войска, т. е. 5000 кавалеристов, опытных в бою, которым нечем заплатить». Весь день он совещался, обсуждая, нужно ли продвигаться вперед или повернуть назад. В конце концов решил он отпустить указанных 5000 всадников из-за нехватки денег, а с другими продвигаться вперед неторопливо с тем, чтобы затем в Тренто ожидать моего возвращения с флоринами или, вернее, с 50 тысячами дукатов. Дал он мне документы со своими печатями и повелел, чтобы со мной в Венецию отправились один его рыцарь и казначей, что и было испол-

нено. По приезде в Венецию им тотчас же были вручены 50 тысяч дукатов, и отправились мы с ними в Тренто, где нашли императора весьма расстроенным из-за потерянного на ожидание нас времени, что составляло около 22 дней, ибо он гораздо раньше мог бы вступить в Ломбардию, если бы ему были посланы из Аугсбурга 25 тысяч дукатов, как он просил, и он смог бы тогда привести все свое войско; а так случилось то, чего он опасался, а именно, что из-за этого промедления герцог Миланский получил возможность подготовиться и укрепиться против него; и так оно и вышло, отчего произошли большие потери и стыд Его Величеству и нашей коммуне, как я укажу в дальнейшем.

Получив указанные 50 тысяч дукатов, он тотчас же распределил их, а меня настойчиво просил вернуться в Венецию подготовить вторую оплату, которую он хотел получить в Вероне. Я всячески противился тому, чтобы покинуть его, говоря, что моя поездка не нужна, что, отправившись, я подвергаю себя опасности смерти или плена и т. п. и что я предпочитаю погибнуть в бою на его службе, чем умереть, будучи посланным за деньгами, и т. д., и тем самым и для меня будет больше славы и для моего рода больше чести останется. В конце концов он все же уговорил меня поехать туда, сказав: «Ты мне окажешь большую услугу, поехав, чем если бы сражался за меня с сотней копий»; и затем сказал: «Проси у меня, что хочешь, что я могу сделать, и будет тебе дано». Я ответил ему, говоря: «Священное Величество и т. д., раз вы этого хотите, я согла-

сен; но, если я во время этого погибну или буду захвачен в плен, какой знак останется моим родичам, чтобы они смогли доказать, что я умер на вашей службе?». Тогда сказал он: «Я дам тебе знак моего герба, а именно золотого льва, которого ты можешь поместить над твоим старым гербом; и я возвожу в дворянство тебя и твоих братьев и ваших потомков». И тут же приказал своему канцлеру, чтобы он занес это в свой регистр, и сказал мне: «Поезжай весело, Бонаккорсо, ибо господь будет помогать тебе во всех делах и поступках, которые от меня исходят: если господь позволит, чтобы я покарал миланского тирана, этот знак, который я тебе даю, станет залогом гораздо больших почестей и выгод, кои в свое время ты от меня получишь».

Я видел, как он выступил из Тренто до того, как я сам оттуда уехал, и я проводил его немного за пределы города и оставил при нем Андреа Веттори и сер Перо да Самминьято, которым я отдал на попечение двух из моих лошадей и бóльшую часть моих доспехов, за исключением панциря, каковой я хотел всегда иметь при себе. Отправился я в путь снова через Германию, и приехал в Вендоне, и, едучи, сложил я один из моих неуклюжих сонетов, который сейчас здесь запишу:

В ныне текущем тысяча четыреста первом году
В городе Тренто император Руперт пожелал,
Чтобы скромный мой герб навсегда собой увенчал
Его лев золотой, лежащий у всех на виду.

И велел в тот же день он канцлеру своему,
Чтобы тот свой регистр дворянский тотчас же достал

И в нем имя мое и братьев моих записал,
Чтобы лев золотой навсегда остался бы в нашем роду.

И он дал привилегии нам, нас сочтя достойными званья
Благородных имперских дворян, нас и наших сынов,
И позднейших потомков, дабы эти знаки признанья
На гербе своем каждый носил бы во веки веков,

Вместе с прочими знаками чести на сем основаньи.
Как вассалы имперской короны со старых годов.

Пусть же будет каждый готов

Из вас, братья мои и сыны, так вести себя, чтобы ваши
слова и деянья

Отвечали всегда благородству вашего званья.

И, когда я приехал в Вендоне во Фриуле, вечером явился ко мне один съенец, с которым я подружился раньше, заходя во время своих неоднократных поездок в лавку бакалейных товаров, которую он содержал; он сказал мне, что он видел и слышал о сговоре, предпринятом для того, чтобы схватить меня на дороге, по которой я должен был ехать на следующий день; сговор был устроен и заключен тайным комиссаром герцога Миланского по имени фра Джованни Декани, каковой обещал синьору ди Пранперг передать меня в его руки за 4000 золотых дукатов, и указанный ди Пранперг обещал ему сделать это, и устроить это под видом отмщения и сведения счетов с флорентинцами. Я спросил его, могу ли я довериться хозяину; он ответил, что могу вполне; и действительно, ночью в четвертом часу я сел на коня и взял с собой хозяина и одного из его слуг, чтобы не ошибиться в пути, который я выбирал в стороне от прямой дороги, по каковому пути приехал прямо в Порто Груаро, проделав 40 миль

без еды и питья; оттуда морем я отправился в Венецию, а своих лошадей отослал в Падую; впоследствии, уже после смерти герцога Миланского я нашел вышеупомянутого фра Джованни в Болонье, и он признался мне, что все соответствует истине, и т. д.

Через три дня после моего приезда в Венецию пришло известие, что император потерпел поражение под Брешией⁸⁷ и что он вернулся в Тренто. Оттуда, вызванный и поддержанный нашей коммуной, венецианцами и синьором Падуанским, он прибыл в Падую через Венцоне; и после его приезда в Падую туда явилось новое посольство из Флоренции, а именно: мессер Филиппо деи Корсини, мессер Ринальдо Джанфильяцци, мессер Мазо дельи Альбицци и мессер Томазо деи Саккетти. Указанные рыцари, Андреа деи Веттори и я имели частые встречи и переговоры с императором и синьором Падуанским; не будучи вполне с ним согласен, решил я, что нам надо ехать в Венецию, чтобы склонить синьорию к единодушию с нами. Это было в декабрьские календы⁸⁸ указанного года. Отправились в Венецию, и там после многих совещаний и советов в присутствии венецианского герцога мы к согласию не пришли. Поэтому император сел на галеру, которую одолжили ему венецианцы, чтобы отправиться в Порто Груаро; а после его отъезда герцог вызвал нас и стал печалиться об отъезде императора и о благе для нас и всей Италии, говоря: «Если вы допустите, чтобы он вернулся в Германию, то герцог Миланский несомненно станет господином всей Италии», и т. д. В конце концов он несколько успокоился

и попросил, чтобы один или двое из нас отправились вслед за императором и что он тоже пошлет кого-нибудь, чтобы просить его вернуться в Венецию, если мы согласимся отпустить ему то количество денег, которое он у нас просил. Мы ответили, что сделаем это, и вернулись домой. В конце концов никто не хотел подвергнуть себя опасности поездки вслед за ним, и поехал я с поручением от всех просить его вернуться и сказать, что мы ему дадим то, что он просил. Я нагнал его на следующий день в одном порту в 50 милях от Венеции. Я передал ему то, что мне было поручено, после чего он заперся со своими для совета; и, так как я ему сказал, что герцог послал сюда к нему людей по этому же делу, он заседал со своим советом с самого восхода солнца до полудня, ожидая прибытия послов герцога, которые прибыли в терцу⁷³ и прошли в совет; немного спустя позвали и меня, и там император мне сказал, что он возвратится, если я ему поклянусь за себя и за своих товарищей, что по его приезде в Венецию мы дадим ему 60 тысяч дукатов, каковые он просил у нас, чтобы снова привести себя в надлежащий порядок, и т. д., и я ему это обещал. Я привез его обратно в Венецию, где мое обещание было выполнено. Затем мы поехали в Падую, и здесь я оставил его в совещаниях с другими послами, а сам отправился во Флоренцию, чтобы доложить обо всем, что произошло со времени отъезда отсюда.

После вернулись и прочие послы, и приехал сюда Людвиг Баварский, племянник императора, для заключения новых условий и договоров, чтобы помочь императору, либо пройти в Рим,

либо, оставаясь, в Ломбардии, воевать с герцогом Миланским. И после многих совещаний и переговоров, происходивших здесь, никаких новых ассигнований для содержания названного императора он не добился; решение это могло бы привести к потере нашей свободы, если бы не внезапная смерть, постигшая герцога Миланского вскоре после того, как он взял Болонью, каковую он захватил в конце июня вышеназванного года, а потом умер в сентябре месяце. И действительно, он смог бы стать синьором всей Италии немного времени спустя, если бы, однако, победил нас. А он был в состоянии победить нас, так как уже стал синьором Пизы, Сьены, Перуджи, Шьези и Болоньи и всех их замков и синьор Лукки ему повиновался, так же как и Малатести,⁸⁹ и синьор Урбино, и вся Ломбардия была порабощена, кроме Венеции. Таким образом, его смерть спасла нас и дала возможность синьории даже развиваться и расти вплоть до сегодняшнего дня, видимо, больше по милости судьбы, или божией милости, чем благодаря доблести или разуму тех, кто нами правит. И мне кажется, что мы от этого сильно возгордились и впали в такой хаос, что пусть бы уж силы императора или другого могущественного синьора внезапно обрушились бы на нас в том самом хаосе, в каковом мы пребываем, и особенно в тех раздорах, в которых, как мне кажется, находятся наиболее могущественные и важнейшие члены нашего правительства, каковые из-за своих частных интересов и тайной ненависти забывают, как мне кажется, о благе и чести нашей коммуны. И вижу я, как из-за небрежения названных важнейших чле-

нов в наше правительство пробираются два рода граждан, а именно новые люди⁹⁰ и также многие молодые люди,⁹¹ каковые набрались такой дерзости из-за раздоров, которые они видят среди упомянутых важнейших. И мне действительно кажется, что я вижу, как немного времени сможет пройти, чтобы в этом нашем государстве не произошли большие перемены, если только не божие соизволение, чтобы указанные наши главные люди примирились, стали бы единодушно тянуть одну веревку ради общего блага и не мешали правосудию, как в настоящее время каждый день делают они из-за своих частных интересов; а больше об этом сейчас не хочу писать.

Июня 28-го дня 1402 года вступил я в должность капитана города Барга и в этот день узнал о поражении, которое понесли в Казалеккьо около Болоньи наши войска под командованием Бернардоне да Серра, которые были посланы в помощь Джованни Бентивольо, синьору Болоньи. Из-за этого поражения последовала смерть названного синьора Болоньи, и граф Альбериго да Барбиано со своими войсками вошел в Болонью как представитель герцога Миланского; и из двух наших посланников, бывших там, а именно: Бардо Ритафэ и Никколо да Уццано, Бардо был убит, а Никколо взят в плен, но спустя несколько месяцев после уплаты выкупа был отпущен. Вернувшись во Флоренцию, он рассказал мне, что его пытали разными способами и в конце концов заставили показать то, что они хотели, и что он сказал это, а после написал своей рукой из страха перед новыми пытками; и что потом,

в Мариньяно, его привели к герцогу Миланскому и перед герцогом и многими членами его совета прочитали то, что он признал и написал, а именно, как ему было поручено составить поручение, которое было мне дано, когда я отправился послом в Германию, чтобы побудить выступить в поход новоизбранного императора; в этих его показаниях ряд вещей он передал правильно, кроме одного, которое было ложью, а именно, что мне якобы было поручено, чтобы любой ценой, с помощью любых выдумок я так бы устроил, чтобы казалось, что герцог Миланский хотел отравить вышеуказанного императора, дабы лишить его жизни, и т. п., и что по этому поручению я устроил то, что привело к казни императорского врача. «И после того, как это было прочитано, я подтвердил это изустно и затем был снова отведен в темницу. Итак, Бонаккорсо, берегись, чтобы тебе не попасть в руки герцога Миланского, а мне ты должен простить, и т. д.». Из этого рассказа я сделал вывод, что этот герцог хотел себя обелить с помощью лжи, и в частности перед французскими синьорами. Поэтому я написал письмо герцогу Орлеанскому и поставил его в известность о всех вышеописанных событиях, в заключение указав, что все это ложь и что я никоим образом не причастен к смерти императорского врача маэстро Германа, и что люди герцога Миланского вынуждали пытками давать эти сведения и т. п., и что, если он считает нужным, чтобы для подтверждения истины и чести я явился бы к нему, или к королю, или к другим синьорам, пусть он изволит известить меня об этом, и

я тотчас же предстану пред ними и разъясню всем истинный ход событий, т. е. мою невинность, и т. д.

Будучи в указанной выше должности в Барге, получил я письмо от «Десяти балии», в каковых они мне приказывали, чтобы я перерезал дороги, которые вели от Пизы к Милану; в силу этого приказа я велел захватить одиннадцать мулов, которые везли 22 тюка английской шерсти в Болонью, закупленные в Пизе у Франческо Бонконтти на имя Липпо ди Муччерелло из Болоньи, и захватил я это у Альбергуччо из Монте Кукколи, который состоял на службе у герцога Миланского. После того как добыча была уже приведена в Баргу, синьор Лукки написал во Флоренцию, жалуясь и говоря, что тюки шерсти принадлежали его, луккским купцам, и требуя, чуть ли не с угрозами, чтобы они были возвращены. Вследствие чего наши синьоры, опасаясь, как бы указанный синьор Лукки не стал открыто действовать как враг нашей коммуны, написали мне, чтобы я велел вернуть эту шерсть в руки комиссара луккского синьора, а что в отношении мулов я поступил правильно, отдав их тем, кто их захватил, поскольку они принадлежали людям, подвластным герцогу Миланскому. Каковому письму я не повиновался, но тотчас же отписал синьорам, переслав им письма, найденные у одного из возчиков, где разъяснялось то, о чем я писал выше, и прося их не наносить ущерба тем, кто, повинаясь разумному приказу, отнимал и захватывал добычу. Сие письмо мое мало помогло, ибо синьоры из опасений, о которых я говорил

выше, к тому же побуждаемые Бартоломео Корбинелли, членом «Десяти балии», каковой состоял и состоит в особой дружбе с вышеназванным синьором Лукки, ответили мне, приказывая передать указанную шерсть в руки одного из их уполномоченных, с которым они направили мне письма, и угрожая, что в случае, если я не отдам шерсть, мне нечего больше ждать от них писем, и они меня так накажут, что это послужит примером, и т. д. Поэтому, прочтя эти письма, я отдал шерсть в руки их уполномоченного, а мулов распределил между теми, кто их захватил, уполномоченный же передал шерсть комиссару луккского синьора.

И еще до того, как я покинул эту должность, случилось, что указанный синьор Лукки перекрыл дороги, которые вели во Флоренцию, почему снова «Десять балии» написали мне, чтобы я опять перерезал дороги, как они раньше мне приказывали. Я послал к ним одного моего нотариуса, чтобы сказать им, что я вовсе не расположен мучить граждан Барги и солдат, которые там находились, дабы потом по просьбе синьора Лукки им бы наносился ущерб; но что если они хотят, чтобы синьор Лукки перестал совершать против нашей коммуны такие поступки, какие он вытворял, то у меня хватило бы мужества поднять против него восстание во всей Верхней Гарфаньяне и отнять у него ряд замков, с которыми у меня уже была договоренность; и что, если наша коммуна не захотела бы в этом деле выступать открыто, пусть позволят мне действовать следующим образом, а именно: пусть передадут мне секретно плату за 50 лошадей и за 200 пе-

хотинцев и лучников, а я подниму Баргу и Соммоколонью, устрою восстание и буду действовать обманным образом, якобы усмиряя их, а на самом деле поддерживая. И, чтобы лучше скрыть это, я согласен на то, чтобы они подвергли меня изгнанию и заключили в тюрьму мою жену и моих детей. Они обсуждали это мое предложение, но в конце концов ответили, что сейчас-де не время это сделать, что, когда придет время, они будут иметь меня в виду. А после, незадолго до того, как я покинул свой пост, маэстро Андреа да Анчиза, который жил в Лукке, мне передал секретно через одного своего доверенного человека, что правитель Лукки узнал от одного из членов «Десяти балии» о том, что я предлагал действовать против него, и по этой причине он распорядился, чтобы солдаты герцога Миланского схватили бы меня и при моем отъезде после оставления моей должности, устроив так, чтобы я не мог воспользоваться никакой другой дорогой, кроме прямой дороги из Барги в Лукку. Из-за этого предупреждения я в день своей отставки не уехал из Барги, но пробыл там еще четыре дня и одну ночь; января 6-го дня в три часа я выехал оттуда следующим образом: посадил вместо себя на лошадей одного из рыцарей, одетого в мою одежду, и моих слуг, а я сам шел пешком, с щитом и копьем в руках, вместе с 20 здоровыми пехотинцами из Барги и 14 наемными лучниками. И этой ночью перед рассветом добрались мы до моста в Морiano, где я пересел на коня и верхом доехал от Сан Дженайо и потом до Пешии. В указанную ночь мы повстречали стражу на мосту в Калаворло,

но они, увидев, что мы столь сильны и к тому же уже частично въехали на мост, сочли за благо пропустить нас. Затем на мосту в Кифенти мы снова натолкнулись на стражу, каковая захватила мост, так что мы не смогли проехать, почему и поехали к мосту Мориано, где никакой стражи не было.

И во время моего пребывания в Барге, будучи извещен однажды, что некий Кристофано ди Барццульино встречается тайно с некоторыми высланными из Барги, в частности с одним своим братом и с неким Нероне ди ... велел я арестовать указанного Кристофано и выяснил следующее: при своем вступлении в должность я велел свезти в Баргу весь собранный в снопы хлеб в связи с тем, что герцог Миланский захватил Болонью; и, когда все дома были полны этим хлебом, указанный выше Нероне просил указанного Кристофано поджечь ночью многочисленные дома их недругов, полагая, что многие изгнанники из Барги совместно с дружественными им солдатами синьора Лукки, завидев пламя, подойдут к воротам и разобьют их с помощью тех из своих людей, которые должны будут по рву пробираться в город и заняться поджогом. И как только я арестовал [Кристофано], его отец, Барццульино, убежал из города, поскольку вышеупомянутый сын сообщил ему о плане Нероне, каковой он ругал, но из любви к сыну не донес мне об этом деле. Я приказал отрубить голову Кристофано, а отца объявил высланным и конфисковал его имущество.

Мая первого дня 1403 года я вступил в должность гонфалоньера компании;⁹² сото-

варищами моими были Джованни ди Лодовико ди Банко, Фантоне ди Нальдо Фантони, Нери ди сер Фреско, Келло ди ... ювелир, Фруозино ди Франческо Спинелли, Лапо ди Джованни Никколини, Никколо ди Марко Бенвенути, Неффи ди Джованни Симинетти, Антонио ди Якопо дель Винья, Марко ди Горо дельи Строщи, Лионардо ди Томазо да Кареджи, Виери ди Виери Гваданьи, Бартоломео ди Джакопоне Герардини, Лоренцо ди Томазо Барончи и Андреа Чофи — мастер каменщик.

В указанном году совет «Десять балии» получил от некоего пизанского священника сообщение, что в Пизе есть одни давно замурованные ворота, каковые заделаны кирпичами как с наружной стены, так и с внутренней — кирпич к кирпичу, а середина между ними была пустой, и что у этих ворот нет никакой стражи. Почему указанные «Десять» обсудили это дело с большим мастером механики по имени Доменико, каковой, выслушав это, отправился скрытно в Пизу осмотреть указанные замурованные ворота; и, поскольку с наружной стороны остались при заделывании стены отверстия от моста, увидел, что действительно стена внутри пустая. Он вернулся к «Десяти» и сказал им, что мог бы заложить через эти отверстия в стену известное количество артиллерийского пороха и потом поджечь его и что сила этого огня несомненно в один миг разрушит эти кирпичные стены как внешнюю, так и внутреннюю. Посему совет «Десяти» выбрал из своего состава двоих, а именно мессера Ринальдо Джанфильяци и мессера Филиппо деи Магалотти, а также в помощь им избрали че-

тырех граждан, а именно: мессера Мазо дельи Альбицци, Бартоломео ди Барди Альтовити, Бетто ди Джованни Рустики и меня. Мы отправились в Сан Миньято, а оттуда в Санта Гонда с отрядом наших людей — конных и пеших и с большим количеством пехотинцев из числа жителей контадо и дистретто.⁹³ По дороге нам пришлось оставить мессера Ринальдо, поскольку он почувствовал себя больным, а мы все направились на ночевку в аббатство Сан Совино и в другие места поблизости и на следующий день все еще оставались там, поскольку узнали, что пизанцы позаботились об этом замурованном месте, прорубив его с внешней стороны, и установили там крепкую стражу. Решили мы идти в Ливорно и атаковать его с помощью многих военных машин, но, прибыв к Ливорно, увидели, что гарнизон его укреплен многочисленными хорошими арбалетчиками. Мы дали там сражение и потеряли многих наших, убитых стрелами и бомбардами. Отошли оттуда и вернулись во Флоренцию с малой честью. Я был там с 14 лошадьми и получал жалованье за четырех, а именно 2 золотых флорина в день.

Февраля 20-го дня указанного года я вступил в должность викария Вальдиньевале,⁹⁴ а 26 апреля 1404 года синьоры послали за мной и отправили меня посланником к Бусико, наместнику Генуи,⁹⁵ в связи с тем, что он отобрал у наших флорентинцев большое количество шерсти и других товаров, объявив, что берет их как гарантию того, что мы не нападём на мессера Габриеле Мария — синьора Пизы, каковой препоручил себя французскому,

королю;⁹⁶ он якобы дал знать об этом еще до наложения ареста на указанные товары, но, не получив удовлетворительного, на его взгляд, ответа, наложил указанный арест; а наложив его, заявил, что мы отныне утратили права на эти товары, которые стоили около 200 тысяч золотых флоринов, поскольку-де наши люди сражались с Пизой уже после того, как было объявлено, что мессер Габриеле стал под покровительство короля. Поэтому синьоры отправили меня разъяснить ему, что после того, как он объявил нам об этом, наши люди не нанесли вышеназванному Габриеле никакого урона, и просить его отдать нашим купцам их товары; я должен был также заверить его, что никакого нападения на указанного синьора Пизы не будет произведено, если он прежде не будет осведомлен об этом; и вместе с тем я должен был просить его [Бусико], чтобы он предоставил нам продолжать войну, поскольку она была начата раньше, чем он принял его [синьора Пизы] под свое покровительство, и т. д. Я поехал, изложил цель моего посольства; он же мне ответил, что указанные товары не будут возвращены, если мы не заключим раньше мира или доброго перемирия с указанным пизанским синьором. Я написал во Флоренцию; поэтому были избраны мессер Филиппо Корсини, мессер Ринальдо Джанфильяци, мессер Томазо Саккетти и Бартоломео Корбинелли, каковые должны были поехать в Геную, и им и мне поручалось заверить Бусико, что мы не будем нападать на синьора Пизы. По приезде в Геную названной четверки пошли мы к Бусико и было у нас много совещаний, но он от-

дельвался разговорами, полагая, что мы имели поручение заключить лигу, о чем он просил в свое время и вел переговоры с Аньоло ди Филиппо ди сер Джованни, который был направлен к нему посланником; каковой Аньоло тогда показал такое усердие, что уже были ими составлены статьи договора; но договор заключен не был, поскольку указанный Аньоло не имел на это полномочий и должен был поехать во Флоренцию за ними, а затем вернуться, но так и не вернулся; вследствие этого он, Бусико, считал, что над ним надсмеялись, и т. д. Все это он сказал только мне одному, прося меня во имя моей любви и верности королю сказать ему, имеем ли мы поручение на заключение указанной лиги. Я сказал и заверил его, что, насколько я знаю, нет, но что я еще пойду к старшим и спрошу у них, имеют ли они какое-нибудь поручение. Я пошел к упомянутым моим старшим товарищам и, передав то, что Бусико мне сказал и что я ему ответил, получил от них указание вернуться к нему и сказать, что никакого такого поручения у них не имеется. Я вернулся к нему и передал их ответ. Тогда он сказал: «В таком случае не было необходимости им приезжать к нам, ибо гораздо скорее я договорился бы с тобой одним, чем с ними». Вернулся я к своим, и после моего доклада решено было, что я и Бартоломео отправимся во Флоренцию для того, чтобы доложить обо всем, и т. д. После нашего возвращения во Флоренцию и доклада синьории, коллегиям и «Десяти», они решили написать трем оставшимся рыцарям, чтобы те заключили перемирие, которого требовал Бу-

сико, не меньше, чем на три года; так они и сделали⁹⁷ и получили таким образом наши товары ценой больших расходов, в каковых надобности не было бы, если верить словам Бусико, а я верю ему по многим солидным основаниям, и т. д.

1404. Ноября первого дня я вступил в число синьоров приоров вместе с Донато ди Микеле Велутти, Луиджи Маннини, Сальвадоре ди Бонди дель Качча, Паоло ди Чино деи Нобили — гонфалоньера справедливости, Симоне ди Арриго Бартоли — игольщика, Лапо Мартини, Джакопо ди Франческо Гаскони, Джиральдо ди Лоренцо Джиральди.

Января первого дня я вступил в число консулов цеха Ланы⁹⁸ вместе с Пьеро д'Аньоло Каппони, мессером Форезе Сальвиати, Паоло ди Пьеро дельи Альбицци, Антонио ди Пьеро ди Фронте, Бартоло ди Ноффри Бискери, Антонио ди Леонардо дельи Строцци и Сандро ди Франческо Барончелли. А затем 16-го дня указанного января вступил я в должность члена «Восьми охраны» вместе с мессером Ванни Каstellани, Бертольдо ди мессер Филиппо Корсини, Гильельмо ди Бардо Альтовити, Якопо ди мессер Ринальдо Джанфильяцци, Аньоло ди Джованни да Пина и Андреа ди Берто — винодельцем и Якопо ди Джильо Скьяттези.

1405. Сентября 15-го дня 1405 года вступил я в число «Коллегии Двенадцати» вместе с Никколо, сыном другого Никколо ди Герардино Джанни, с Брунетто ди Презе ди Варацано, Джакопо Орланди, Бернардо ди Пьероцо Пери, Джованни, сыном сера Бернардо Каркелли, Марко ди Горо дельи Строцци,

Джованни д'Андреа Минербетти, Корсо Каначчи, Аньоло ди Филиппо ди сер Джованни, Пьеро ди Джованни д'Андреа даль Паладжо, Антонио ди Джованни Компаньи.

В указанном году 5 января я, брат мой Бартоломео и наши жены отправились на воды в Петриоло. Жена Бартоломео Лиза была долго больна, и врачи, которые не могли распознать ее болезнь, посоветовали ей ванны. Она выздоровела и по возвращении во Флоренцию забеременела и затем родила младенца мужского пола, а до того все девять детей, которых она рожала, были все девочки. Отсюда, видимо, можно заключить, что эти воды дают прекрасное следствие, почему я и запомнил об этом.

1406. Июня 17-го дня 1406 года я стал подестой Монтеспертоли и, будучи в этой должности, был избран синьорами и коллегами для посольства к королю Владиславу и к папе в Рим.⁹⁹ Отказался с помощью таких доводов, что был освобожден от этого назначения.

В январе 16-го дня я поехал посланником к папе,¹⁰⁰ находившемуся тогда в Марселе, и затем во Францию к королю и к другим синьорам, чтобы добиться освобождения мессера Бартоломео Пополески и Бернардо Гваданьи, послов от нашей коммуны, арестованных герцогами Орлеанским и Бургундским, так как они говорили, что Пизой, которая принадлежала им, владеем мы.¹⁰¹

Приехав в Париж, нашел я мессера Альберто ди Пепо дельи Альбицци, каковой находился там и должен был вместе со мной выполнить порученное мне дело. И, короче говоря, указанный герцог Орлеанский, держав-

ший их в тюрьме в своем замке в Блуа, в трех днях пути от Парижа, дал свое согласие на то, чтобы упомянутые пленники прибыли в Париж, взяв обещание с них и с нас не покидать Парижа без его разрешения. Они приехали в Париж, и во время переговоров об их освобождении случилось, что герцог Бургундский 23 ноября 1407 года в три часа ночи совершил великое предательство, устроив убийство герцога Орлеанского.¹⁰²

Еще до этого события как-то, когда мы с мессером Альберто отправились в Санлис к указанному герцогу Орлеанскому, чтобы хлопотать об освобождении вышеупомянутых послов, однажды вечером указанный герцог Орлеанский послал за мной; мы отправились к нему; я нашел его в комнате, где он играл с другими синьорами. Он сказал мне, что хотел бы, чтобы я играл с ними. Я ответил, что уже более восьми лет, как бросил игру, и пусть он не прогневаётся, если я играть не буду, в особенности в моем положении посланника, но когда он освободит наших пленников, то, если ему захочется, чтобы я играл, я буду ему послушен. Ответил он тогда, что моя ссылка на то, что я посол, никуда не годится, что тем более я должен играть по его просьбе, чтобы доставить ему удовольствие. Тогда я сказал, что ради его удовольствия буду играть, но что у меня нет денег, поскольку я взял с собой из Флоренции деньги только на текущие расходы. Тогда он сказал: «Иди, садись, играй на мои», и положил передо мной большое количество золотых экю. Я начал играть, и к концу игры потерял за эту ночь 500 экю золотом. Ранним

утром я сел на коня и поехал в Париж, чтобы взять займы деньги и вернуть герцогу и с помощью чужого капитала попробовать отыграть потерянное. Приехав в Париж, я прежде всего попросил у неблагодарного управителя 200 флоринов, но он сказал, что не может дать, и отказал мне. Попросил я тогда у Бартоло ди Бернардо ди Чино сотню, он одолжил мне ее. Также попросил я сотню у Луиджи ди Бартоломео Джованни, он одолжил ее мне. Попросил я 300 флоринов у Микеле деи Пацци, тот сказал, что уже одолжил их другому. Попросил я у Бальдо ди Гвидо Бальди четыре сотни: он тоже сказал, что одолжил другому. Попросил у Кальчидонио дельи Альберти 500 флоринов: он сказал, что наличных у него нет, но что, если я захочу, он достанет их под проценты в каком-то месте. Решил я не испытывать больше друзей и согласился, чтобы Кальчидонио достал мне под проценты в Монпелье 500 франков золотом; и с этими деньгами и с теми, что я занял у Бартоло и Луиджи, я поехал к герцогу и вручил ему кошелек с его 500 золотых экю. Он очень радостно принял их, похвалив меня, и т. д., а после обеда опять началась игра, в которой я выиграл около 200 золотых экю. На следующий день этот герцог со всей своей свитой приехал в Париж, и после того, как мы много раз собирались за игрой, я выиграл около 2000 золотых экю, как раз перед тем, как он был убит. После его смерти указанные выше мессеры Бартоломео и Бернардо были освобождены и отпущены герцогиней и ее сыновьями и вернулись во Флоренцию. Я же остался в Париже и пробыл там

до сентября, а затем уехал и вернулся сюда, во Флоренцию, 12 октября 1408 года и узнал, что я избран консулом цеха Лана.

1408. Декабря 15-го дня вступил я в число старшин винной таможни вместе с Белькаро Серальи, маэстро Кристофано ди Джорджо, Микеле Аччайуоли и Ноффри ди Палла дельи Строщи.

1409. Июля 6-го дня 1409 года вступил я в должность капитана охраны Пизы, а на следующий день был увенчан тиарой папа Александр,¹⁰³ избранный собором, который в эти дни созван был в Пизе, куда вскорости приехал и король Луи¹⁰⁴ как член лиги с нашей коммуной, зачинщиком же этой лиги оказался я. И вот каким образом: возвращаясь из Франции, я навестил указанного короля, который тогда был в Провансе, и, говоря с ним о делах Флоренции, упомянул о том, как между флорентинцами и королем Владиславом началось несогласие, и т. д. В конце концов он поручил мне, чтобы я, когда увижу, что настало время для его вступления в лигу с нашей коммуной, написал бы ему о том, и что иначе как по моему письму он не пошлет своих послов, и т. д. По моем возвращении во Флоренцию я сообщил об этом нашим синьорам и «Десяти балии», каковые «Десять» спустя скорое время поручили мне написать письмо упомянутому королю, чтобы он послал своих послов, которые и приехали, и после многих переговоров образовали они лигу,¹⁰⁵ а потом и папа вступил в указанную лигу.

Когда я был в Пизе капитаном, произошло со мной одно злополучное дело, а заключалось

оно в следующем: мессер Мариано Казасси, магистр госпиталя Альтопашо,¹⁰⁶ разорил и распустил эту бенефицию, в истине чего я убедился, поскольку он распродал многие владения этого дома, за каковые дела он заслуживал быть лишенным этой бенефиции, поэтому я подал прошение папе Александру о том, чтобы он отстранил его и передал бенефицию моему племяннику Чоне, сыну Франческо.

Указанное прошение я подал по совету кардинала, бывшего легатом в Болонье, т. е. мессера Балтассаре Косса, каковой ныне милостию или немилостию божией является папой¹⁰⁷ и каковой подбадривал меня, чтобы я это сделал, и уверял, что будет действовать по всей своей возможности, чтобы я получил удовлетворение в моей просьбе; но после того, как я подал прошение и попросил упомянутого легата, чтобы он поговорил об этом с папой и т. д., он ответил мне: «Я не могу исполнить того, что обещал тебе в этом деле, потому что со мной говорил об этом в противоположном смысле такой гражданин, что я ни за что не буду действовать против его воли; но даже ради него я не буду действовать и против тебя; поэтому хлопочи с помощью других и увидишь, что будет сделано». Я пожаловался ему, сказав, что не затеял бы этого дела, не будь его совета и поддержки, которую он мне дал и обещал; но раз я уже это сделал, буду продолжать, надеясь на справедливость и т. п. Тогда он мне сказал по секрету, что против меня настроен Никколо да Уццано¹⁰⁸ и что мне следует принять меры, чтобы тот не стал действовать против меня, и т. п. Я имел раз-

говор с Никколо в присутствии Мессера Бартоломео Пополески, сказав ему: «Я слышал, что», и т. д., «просил бы его», и т. д. Он ответил, что он столь многим обязан мессеру Мариано, что не мог отказаться ходатайствовать за него и уже говорил за него, не зная, что я подал прошение, но что с этого часа впредь он не будет говорить ни за него, ни за меня и обещал мне это в присутствии упомянутого мессера Бартоломео. А как он сдержал это обещание, видно из того, что он тут же устроил так, что все его друзья и сторонники, и в особенности Бартоломео ди Николо Валори и Джино ди Нери Каппони, открыто выступили против меня. И все же я не отказался от этого неудачного дела, поелику мне казалось, что я не смог бы с честью от него отступить; и не теряя надежды, уверенный, что есть все основания для отстранения вышеупомянутого Мариано, я продолжал свое дело с величайшими расходами.

Позднее, уже сложив свою должность, я поехал в Болонью к названному папе; я пробыл там около двух месяцев и ничего не добился, только зря потратился. Я вернулся во Флоренцию, потом опять поехал в Болонью и опять прожил там добрый месяц. Вернулся во Флоренцию. Умер папа Александр. Избран был папа Иоанн.¹⁰⁹ Я поехал, чтобы нанести ему визит и опять пробыл там около месяца; и в конце концов он велел Луиджи да Прато¹¹⁰ передать мне, что он хочет, чтобы я помирился с Никколо да Уццано, а он позже сделает все так, что я буду удовлетворен. И то же самое он сказал мессеру Бартоломео Пополески, ко-

торый был там, а Никколо это было передано через посланцев. Я ответил, что готов сделать так, как хочет того папа. Мессер Бартоломео говорил с Никколо да Уццано, каковой ответил, что согласен встретиться во Флоренции со мной и моими братьями и быть нашим другом. Я вернулся во Флоренцию, и после того, как туда приехали вышеупомянутые, мессер Бартоломео свел нас с Никколо в Сан Пьеро Скераджо, и после многих любезных речей этот Никколо обещал ничего больше не предпринимать против нас. А как он это выполнил, видно из того, что он устроил так, что вышеупомянутый Мариано Казасси принял братом в Альтопашо одного из сыновей Джованни ди Лодовико ди Банко и дал ему в коенду все держания указанного госпиталя под юрисдикцией флорентинской коммуны,¹¹¹ сам же удалился в Лукку.

Июля 24-го дня 1410 года я и мессер Джакомо Сальвиати поехали в Рим как доверенные комиссары нашей коммуны вместе с королем Луи Французским,¹¹² чтобы начать войну с королем Владиславом. Мы прибыли в Монте Пульчано и провели там добрых 24 дня, все время уговаривая Сфорца да Кутиньола¹¹³ перейти к нам на службу и добились этого с весьма большим трудом, так как он уже раньше договаривался с королем Владиславом. И после того, как мы с ним договорились и дали ему около 25 тысяч новых флоринов, отправились мы в Рим, и, пробыв там около месяца, мессер Якопо уехал во Флоренцию, чтобы доложить там о некоторых необходимых вещах, а я остался с королем. И пребывал там

упомянутый король, не имея никакой возможности начать настоящую войну из-за отсутствия трех главных капитанов, а именно: Паоло Орсини, Сфорца да Кутиньола и Браччо даль Монтоне, а также потому, что папа не прислал денег, которые, согласно своему обещанию, он должен был прислать, чтобы заплатить Паоло Орсини. Поэтому упомянутый король уехал из Рима в последний день декабря; и когда мы ехали к Флоренции, получили письма, что между нашей коммуной и королем Владиславом заключен мир,¹¹⁴ чем упомянутый добрый король весьма был расстроен, говоря: «По крайней мере могли бы они подождать до конца срока договора о нашей лиге», который имел силу еще на весь январь месяц. Прибыли мы в Прато, и оттуда он уехал в Болонью, а я во Флоренцию; пробыв там восемь дней, я отправился на свой счет в Болонью, чтобы продолжить хлопоты по делу Альтопашо. В конце концов после того, как я пробыл там около двадцати дней, после многих разговоров с папой, когда я просил его, и т. д., он сказал мне, что не видит возможности без ущерба для своей чести сделать то, о чем я его прошу, из-за обещаний, которые он дал неким особам и нарушать каковые он не хочет; но что во всем другом он расположен удовлетворить мои просьбы, если, конечно, будет какое хорошее епископство. Я ответил ему, очень жалуясь и сказав, что никаких других вещей просить у него не буду, и весьма недовольный удалился от стоп его. Пожаловался я на все это королю Луи, простился с ним и вернулся во Флоренцию. Позже, в марте месяце, папа и упомяну-

тый король отправились в Рим. Я поехал в Прато посетить короля, каковой отпустил меня от себя только в Сьене и по дороге и там настойчиво уговаривал меня поехать с ним в Рим, обещая мне деньги, коней и постоянное жалованье. Решил я не ехать, опасаясь, как бы из Флоренции не пришло мне повеление синьоров вернуться и чтобы не казалось, что я поехал туда хоть в какой-то мере от имени нашей коммуны. Я простился с королем и вернулся во Флоренцию, где и пробыл до 25-го апреля 1411 года; а после из-за начавшейся чумы уехал я со всей моей семьей в Пизу, взяв с собой Нероццо и Доффо, сына Луиджи, и Джованоццо, сына Франческо, т. е. сыновей моих братьев. Вез я с собой также двух слуг, одну служанку и кормилицу для моего сына, которому было пятнадцать месяцев.

В Пизе я снял дом с очень хорошей утварью у Биндо и Джакопо и Филиппо дельи Астай за плату 48 золотых флоринов, но, пока мы там жили, в конце июня один из моих слуг умер от чумы, а через пятнадцать дней умерла одна из моих дочерей двенадцати лет от роду и тоже от чумы. Поэтому я выехал из этого дома и устроился за городом в усадьбе Томео Грассолини, каковому заплатил за наем 20 флоринов, и там мы жили до 24 ноября, а затем вернулись во Флоренцию. Я подсчитал, что за семь месяцев потратил 1300 флоринов. Место, где мы жили, называется Гецано.

26 ноября, вернувшись во Флоренцию, узнал, что я состою в числе офицеров замковой крепости вместе с Джованни ди Биччи деи Медичи, Джакопо ди Цилио Скьяттези, Нико-

лайо Фаньи, Мазино ди Пьеро дельи Антелла, Джакопо ди Франческо ди Тура, Солетто дель Пера Бальдовинетти и Никколо ди Бардо Ритафе; а также узнал, что я консул цеха Ланы вместе со Скьятта Ридольфи и Альберто ди Заноби.

Декабря первого дня 1411 года я вступил в должность капитана гвельфской партии вместе с мессером Мазо дельи Альбицци, мессером Бартоломео Пополески, сером Паоло, сыном мессера Арриго, Угуччоне Джандонати, Трибальдо деи Росси, Лоренцо дель Тозо, Корсетто ди Джакопо Аригетти и Давицино Амिरати.

Декабря ... дня вступил я в комиссию строителей Санта Мария дель Фиоре вместе с Паоло Билиоти, Никколо дель Буоно Бузини, Джованни Минербетти, Лоренцо Барончи и Джиральдо Джиральди.

Августа 18-го дня 1412 года я вступил в должность одного из «Десяти» Пизы вместе с Кристофано Делла Мальваджа, Антонио да Рабатта, Бернардо Векьетти, Лукой, сыном мессера Мазо дельи Альбицци, Микеле ди Сальвестро, Томазо ди Джакомино ди Годжо, Кристофано Карнесекки, Амидео Перуцци и Марко ди Горо дельи Строцци.

20-го дня августа указанного года был я избран хранителем списка для голосования в цехе Лана вместе с мессером Мазо дельи Альбицци, Нофри Бискери и Томазо Ручеллаи.

То, что я напишу ниже, пишу я для того, чтобы вы, дети и потомки наши, и все, кто будет это читать или слушать чтение ниже написанного, смогли бы увидеть и запомнить пример

того, что случается с тем, кто пытается защитить свои интересы против кого-либо, более знатного и могущественного, чем он сам, сколь бы справедливы ни были основания его защиты. В 1404 году случилось так, что, когда мой брат Луиджи был подестой Бучине и Вальдамбры, аббат монастыря Санто Пьетро в Руоти несколько раз обращался к нему с основательными и законными просьбами, каковым Луиджи с благосклонностью давал удовлетворительный ход. Посему указанный аббат весьма полюбил Луиджи и весьма отчетливо это показывал; прошло так года три, и случилось, что упомянутый аббат, будучи уже весьма старым и испытывая часто угнетения со стороны знатных и могущественных лиц, приехал во Флоренцию прямо к нам в дом, куда он и прежде несколько раз приезжал и жил у нас, а мы его принимали, как нашего духовного отца, и т. д. Тут сказал он нам, что решил он отказаться от своего аббатства, поскольку из-за своей дряхлости и слабости здоровья он не может уже управлять этим аббатством, каковым правил и руководил около 34 лет. Вследствие чего попросил он нас, чтобы мы взяли доверенность от него на его отказ от аббатства с тем, чтобы просить аббатство для одного из наших сыновей. Мы ему ответили, что нам кажется, что не следовало бы делать то, о чем он говорит, но обещали ему нашу помощь и поддержку и т. п. Но в конце концов после долгих разговоров его и наших мы, чтобы угодить ему, приняли упомянутую доверенность, имея намерение держать его в его должности, защищать его и помогать.

Он возвратился в свое аббатство, вскорости после чего Альбертаччо да Рикасоли и его близкие возвели на него ложный поклеп и явились во Флоренцию с заявлением в совет «Десяти», что якобы аббат имел договоренность передать Вальдамбру в руки Убертини, каковые являлись бунтовщиками против нас. Посему «Десять» приказали, чтобы аббат был арестован; но аббат был осведомлен о предательстве благодаря тому, что в аббатство явился один фиктивный солдат, который заявил тамошним людям, что он якобы пришел от Андреино дельи Убертини говорить с аббатом и получить его ответ; и выбрал указанный солдат время, когда аббата в монастыре не было. Он ушел, а, когда аббат вернулся, эти люди рассказали ему о том, что говорил тогда этот солдат. Почему аббат тотчас же сел на лошадь и приехал сюда к нам в дом, и рассказал нам все. Луиджи повел его к «Десяти», каковые внимательно разобрались в этом деле и, поняв лживость обвинителя, сказали аббату, чтобы он возвратился в свое аббатство и был спокоен, и т. д. По всему этому я понимал и учитывал ясно желания и возможности упомянутых да Рикасоли, и что они либо силой, либо обманом будут добиваться, чтобы захватить это аббатство в свои руки и от этого не отступятся, если мы срочно не похлопочем об отставке аббата и передаче аббатства. Однако мои родичи были иного мнения, опасаясь, как бы нас не стали осуждать, в особенности потому, что указанный аббат после того, как мы взяли упомянутую его доверенность, очень приободрился, видя, что во многих делах мы открыто встали

на его защиту. Посему после того, как Луиджи поговорил с ним, указывая на опасность и т. д., он, аббат, ответил, что удовлетворится любым нашим решением, но что он вверяет нам свою честь. Из-за этих его слов о том, что он вверяет нам свою честь, моим братьям Франческо и Луиджи казалось, что мы не должны хлопотать об указанной отставке; а Бартоломео и мне казалось, что это надо сделать ради спокойствия самого аббата.

Дальше воспоследовало, что эти Рикасоли, увидев, что мы открыто встали на защиту аббата, решили, что руками коммуны им не удастся добиться с помощью обмана дурных своих целей. Почему четверо из них, а именно: Пандольфо, Биндаччо, Галеотто и Карло, находясь в Риме, выдвинули обвинение против аббата, говоря о нем всяческую ложь, и подали слезную жалобу папе Иоанну, к числу свиты которого они принадлежали как его оруженосцы. Аббат был вызван, но, поскольку был он стар и в Рим поехать не мог, а также боялся, что если он туда поедет, то могущественные связи упомянутых могут быть для его особы опасными, решил он послать туда своего доверенного. Мы послали сера Джулиано далла Чиконья, священника церкви Сан Лоренцо и моего кума. А потом Луиджи и я имели беседу с Альбертаччо, самым кротким образом прося, чтобы из дружбы к нам они не вели бы процесса против аббата, рассказав ему, в каких отношениях мы были, и т. д., и почему мы хотели, чтобы аббатство принадлежало одному из наших сыновей. Он ответил нам, что не знал о нашей договоренности, что,

если бы он об этом знал, он не выступил бы против аббата, несмотря на то что тот был их врагом; но что он не может отступить от этого дела без согласия своих родичей, которые были в Риме, но что он об этом напишет им, и т. п. И, поскольку мы узнали, что Ридольфо ди Бонифацио Перуцци, родственник Альбертаччо, договорился с ним о том, чтобы получить это аббатство для своего брата Арнольдо, отправились мы для переговоров к Ридольфо и ему прямо все рассказали о наших отношениях с аббатом, прося его из дружбы к нам отказаться от его намерения. Он ответил, что в этом деле он-де вообще не был замешан и впредь-де не собирается в него вмешиваться. Пошли мы к мессеру Ринальдо Джанфильяцци, тестю упомянутого Альбертаччо, и, рассказав ему все, просили его воздействовать на Альбертаччо, чтобы тот отказался, и т. д. Обещал он нам сделать все, что в его возможности. И, сделав все это, несколько дней спустя отправились мы во дворец и просили синьоров и их коллег, чтобы было написано от них письмо к папе о том, чтобы в отношении процесса против аббата его святейшество благоволило поручить епископу Флоренции, или Ареццо, или Фьезоле, или какому другому прелату составить комиссию и расследовать истину об этом аббате и чтобы Его Святейшество судили бы о нем после этого расследования. И после того, как мы изложили нашу просьбу, Бетто Бузини, который был членом коллегии, по просьбе Перуцци и как получивший от них сведения, сказал синьорам: «Выслушайте и другую сторону». Почему синьоры

велели нам передать, чтобы мы пришли в другой раз, поскольку они хотят, чтобы здесь присутствовала и другая сторона. Мы вернулись на другой день, и, когда мы были в зале, где собирались члены коллегии, туда пришли мессер Микеле, сын мессера Ванни Каstellани, Папино, сын мессера Ринальдо, Пьеро ди Джованни ди Пьеро Барончелли и Биндаччо, брат Ридольфо Перуцци; каковые говорили со всеми членами коллегии, прося их, чтобы те не соглашались послать письмо, о котором я просил. Позвали в зал Бонаккорсо Питти и другую сторону. Я вошел туда, а вслед за мной вошел Биндаччо Перуцци; я попросил о письме, Биндаччо возражал против этого, говоря много дурного об аббате и сказав, что этого аббатства они добиваются для одного своего брата. Мы вышли оттуда, и в конце концов письмо послано не было, и я не получил его из-за просьбы вышеуказанных могущественных родственников Рикасоли.

Поверенный аббата в Риме явился к кардиналу Орсини, которому папа поручил это дело, и, поскольку там не пожелали принять его вместо аббата, он передал письмо, написанное мной упомянутому кардиналу, какового в Пизе я просил быть нашим покровителем, и подарил ему кубок из позолоченного серебра, стоивший мне 32 новых флорина. И, будучи принят после вручения письма, сказал: «Мессер, я прошу вас за аббата, во имя дружбы к Бонаккорсо, покорного слуги вашего и святейшего отца». Услышав эту рекомендацию, Пандольфо деи Рикасоли, присутствовавший там, сказал: «Мессер, он напоминает вам об

истинном враге святой церкви и государя нашего папы. Ибо вполне известно, что Луиджи, брат Бонаккорсо, будучи одним из приоров, был главным виновником того, что флорентинская коммуна заключила мир с королем Владиславом, нанеся тем обиду святой церкви и нашему государю папе». И после этого множество раз в течение долгого времени они усиленно хлопотали у папы, постоянно стараясь быть в его окружении и напоминая ему о мире, заключению которого способствовал Луиджи, что было правдой; каковой мир был столь неприятен ему [папе], что из-за него и его сторонников и наши флорентинские сограждане, зависящие от папы, с тех пор постоянно вели себя враждебно по отношению к нам, братьям, как за нашей спиной, так и открыто, и в особенности мессер Ринальдо Джанфильяцци, Джино Каппони, Бартоломео Валори, Никколо да Уццано и все их друзья и сторонники. И в конце концов сей неправедный папа несправедливо и против истины лишил упоминаемого выше аббата его бенефиция, приказал схватить его и заточить пожизненно в темнице и отдал его аббатство как бенефиций Арнольдо деи Перуцци; и после того, как они получили папскую буллу, Биндаччо, его брат, подал прошение нашим синьорам, прося их утвердить это держание. Это было поручено комиссии из трех юристов, докторов права, для суда по справедливости.

Находясь в хлопотах по этому делу, я попросил наших синьоров выделить одного солдата для охраны аббата, какового вызвал во Флоренцию, чтобы он мог защитить свои

права; и после того, как он с одним своим монахом и с сером Джулиано, своим поверенным, и с Франческо, его братом, пробыл в моем доме около месяца, увидел я достаточно ясно, что аббат проиграет эту тяжбу из-за папских булл, в которых объявлялось — и в письмах и в буллах — об отлучении папой от церкви аббата и всякого, кто окажет ему помощь и поддержку, а также из-за могущества тех, кто выступал против него и против нас, приводя большое количество всяких ложных свидетелей. И как-то, обсуждая с большим огорчением все это с упомянутым сером Джулиано, поверенным аббата, я сказал ему, что не вижу никакого способа противостоять таким могущественным силам, каковыми обладали Джанфильяцци, деи Каstellани, деи Перуцци и другие родичи и друзья этих Рикасоли, и их сторонники, и приспешники. На каковые мои слова тот ответил: «Вижу я один способ, а именно, чтобы аббат подал нашим синьорам прошение против Альбертаччо; и если он его подаст, то Альбертаччо из опасения, чтобы его не перевели в гранды,¹¹⁵ пойдет на компромисс и отсюда может последовать какое-то примирение». Я ответил ему, что мне это нравится, но что пусть он с аббатом все устроит, а я в это дело не хочу быть замешанным. Тогда сказал он: «Скажи твоему слуге Санти, чтобы он исполнил то, что я ему скажу, и предоставь действовать мне». И действительно, в этот же вечер, уже в час ночи, сер Джулиано сказал аббату: «Пойдемте в дом мессера Джованни ди сер Ристоро, чтобы попросить его о вашем деле». И велел он своему брату Фран-

ческо, чтобы тот также вышел бы из дому, взял с собой Санти и мессера Лапо ди Рикасоли, каковой был врагом Альбертаччо, как сам лично, так и по старинной распри, и который в этот вечер оказался в нашем доме и ужинал с нами; велел им идти к дому упомянутого мессера Джованни, а когда он вместе с аббатом и монахом подойдут туда, напасть на него, не нанося, однако, вреда, и, напав, убежать оттуда; и так было все сделано. Ни аббат, ни монах, ни солдат синьора, который тоже был с ними, ничего не знали об этом уговоре, но твердо поверили, что это Альбертаччо или другие вместо него хотели побить аббата и причинить ему большое зло, но не смогли этого сделать из-за солдата синьории; посему сразу же после нападения они отправились во дворец с жалобой нашим синьорам, которые тут же ночью объявили повсюду, что тот, кто знает участников этого нападения и в течение трех дней не донесет об этом, будет подвергнут наказанию как лично, так и в имуществе; тот же, кто участвовал в этом и раскроет это, будет отпущен; и на следующий день на заседании вместе со своими коллегами указанное объявление оформили как закон.

После того как в наш дом вернулись упомянутые участники нападения, каковые возвратились раньше аббата, а затем и аббат со своими спутниками, я узнал, как происходило дело, сперва от нападавших, которые рассказывали мне правду, а от подвергшихся нападению услышал я рассказ частью ложный, поскольку они говорили, что их били и толкали и что они узнали среди нападавших Карло да Рикасоли,

каковой тогда уже вернулся из Рима. Почему на следующий день, когда подеста вызвал указанного Карло, тот явился тотчас же, зная, что в этом деле он чист. Он был взят под стражу в капелле; и в тот же вечер сер Джулиано был забран человеком, присланным подестой по наущению Альбертаччо и Папино, сына мессера Ринальдо, предполагая, что они знали о деле; но подеста, допросив их, тотчас же отпустил, сказав: «Завтра опять явитесь ко мне». И после того, как сер Джулиано вернулся в наш дом, узнав о том, что забирали, и услышав про закон, изданный по поводу этого дела, я отослал сера Джулиано, мессера Лапо, Санти и Франческо к Брандо да Какьяно ди Кьянти в Вальдипезу, поскольку тот хотя и слышал о всей этой неприятной истории, но при ней не присутствовал и не был никак в ней замешан. На другой день подеста вызвал сера Джулиано, а потом меня. Явился я к нему. Он мне заявил, что, если я не пришло к нему сера Джулиано, он привлечет к ответственности меня. Я сказал ему, что не знаю, где тот находится. Он отпустил меня, но на третий день снова послал за мной с намерением задержать меня, как я об этом узнал позже. Когда я пришел к нему, он допросил меня и всячески мне угрожал, в конце же отпустил меня, велел мне на другой день снова явиться к нему. Посему решил я на четвертый день пойти к синьорам и раскрыть все, что я знал, опасаясь, что кто-нибудь из тех, кто знал истину, расскажет все как было, и, так как я был осведомлен обо всем, ко мне будет применен этот новый закон. Так я и сделал. После

моего разоблачения синьоры со своими коллегами послали подесте распоряжение, чтобы он начал дело против тех, кого я им назвал, а именно против Санти, моего слуги, Франческо далла Чиконья, брата священника Джулиано, и всех других, участвовавших в этом деле, и чтобы они были наказаны в имуществе и телесно, а что до меня, то, если я даже и был в чем-то виновен, я должен быть отпущен и прощен. Вследствие этого распоряжения подеста учинил процесс против указанного Санти, и священника Джулиано, и его брата, и против мессера Лапо да Рикасоли, против Брандо ди Какьяно ди Кьянти и против меня. Все помянутые лица были вызваны на суд, но никто, кроме меня, не явился из страха перед пытками. Я был допрошен и отпущен под залог в 3000 флоринов; после же установленных сроков подеста присудил Санти к уплате 800 флоринов, мессера Лапо, Франческо, священника и Брандо к уплате 500 флоринов каждого и к высылке из Флоренции и ее контадо на три года; я же был освобожден.

Следует отметить, что во время этого процесса мессер Микеле Каstellани, Папино Джанфильяцци и другие выше поименованные лица и открыто, и втайне хлопотали, чтобы меня осудили и таким образом, чтобы я потерял право на занятие должностей; и вся эта шайка злых заговорщиков тайно действовала против меня, и в особенности ... и Никколо Барбаторо; и об их деяниях тайных и открытых узнал я из собственных уст подесты и мессера Томазо, его помощника. Я открыл, что за меня, в помощь мне и поддержку выступали открыто

многие родичи и друзья, и среди них Джованни Кардуччи, Мильоре ди Джунта Мильори, Ринальдо, сын мессера Мазо, Пьеро да Лука дельи Альбицци, мессер Кристофано дельи Спины, мессер Франческо Макиавелли, Ноффри Бискери, Сандро ди Вьери Альтовити, Куррадо Панчатики, Гвидетто Гвидетти, Франческо Каниджани и многие другие подобные граждане, и мой добрый кум Руберто деи Росси, который в особенности мне помог в том, что вышеупомянутый помощник был ко мне благосклонен. Наши синьоры хотели, чтобы наказание было суровым из-за того, что было выказано неуважение к солдату, который был с аббатом. Мессер Лапо заплатил присужденный ему штраф, также и Санти, мой слуга (но за мой счет), отправились в ссылку. Остальные четверо остались в изгнании за пределами города.

Я хотел записать здесь для памяти всю эту неприятную историю и назвать тех, про кого наверно знаю, что они действовали против меня, а также поименовать тех, кто помог мне, не для того, сыны и потомки наши, чтобы вы мстили действовавшим к нашей обиде им и потомкам их, но для того, чтобы вы были признательны и благодарны тем, кто помог нам. И, как я написал в начале сего рассказа, вы должны извлечь для себя урок из этого дела, приключившегося из желания противостоять знатным и могущественным лицам, ввязываться в хлопоты о церковных бенефициях и деловые отношения с церковниками; остерегайтесь впутываться в их дела и будете разумными.

Мая 16-го дня 1413 года я вступил в должность [одного из] «Восьми охраны» вместе с Симони Сальвиати, Марко ди Горо дельи Строщи и Джованни ди Биччи деи Медичи. Мы нашли в должности Ричардо де Никколо ди Номе, Джованни ди Франческо Каччини, Брандо делла Бадесса и Пьеро ди Джованни даль Паладжо, каковые четверо оканчивали срок службы 1 июня, и на их место вступили Асторе ди Никколо ди Герардино Джанни, Антонио ди Ванни Мануччи, Гуччо да Соммайя и Банко ди Сандро.

В вышеуказанный год, несчастливый для меня и моих братьев, 24 июля, в канун дня св. Якова в два часа ночи капитан безопасности и исполнитель совета балии потребовал, чтобы я явился к нему, и потому прислал за мною одного своего служащего. Я пошел туда и был заперт в одной из комнат; на следующее утро на рассвете рыцарь упомянутого исполнителя ввел туда ко мне моего брата Бартоломео, каковой был арестован в Вальдипезе и по приезде был сперва помещен в другой комнате. Позже, около 9 часов утра, упомянутый исполнитель явился в нашу комнату и сказал мне, что я и Бартоломео будем до тех пор задержаны, пока наш брат Луиджи не явится к нему, что он посылал за Луиджи в его дом и узнал, что тот несколько дней тому назад уехал по направлению к Неаполю или скорее всего в Аквилу и что пусть он явится, чтобы представить свои объяснения и повиниться в том, в чем его обвиняют; а именно, что он якобы сообщил послам короля Владислава, которые тогда были во Флоренции, о некоторых

секретных совещаниях, имевших место во дворце приоров, о чем стало известно из письма, написанного указанными послами к королю, каковое письмо было перехвачено и оказалось в руках балии; что он желает, чтобы я написал Луиджи, чтобы он приехал; что если он не приедет, то учинит неприятности мне и Бартоломео, и т. д., и т. п.

Я написал такое письмо и послал его вместе с повесткой о вызове с собственным гонцом. Затем произошло так, что мои родичи и друзья обращались с просьбой о нас ко многим видным нашим согражданам, и как-то, когда в Сан Пьетро Скераджо их собралось около двухсот человек, Нери ди Пьеро, наш племянник, обратился к ним с просьбой о совете и помощи, и упомянутые сограждане решили пойти все вместе к нашим синьорам и просить о нашем освобождении, что и сделали; и в то же утро все пришли к исполнителю и весьма горячо с ним говорили, говорил мессер Ринальдо Джанфильяцци, а во дворце перед нашими синьорами говорил мессер Филиппо Корсини. Вслед за этим 31-го числа указанного выше месяца наши жены и наши дети, какие тогда были во Флоренции, отправились во дворец к синьорам, их коллегиям и «Десяти балии» и просили о нашем освобождении. Посему наши синьоры, их коллегии и «Десять», убедившись, что с нами поступили ошибочно, постановили нас освободить, послали за исполнителем и показали ему решение, принятое ими о том, что мы должны быть выпущены на свободу, и приказали ему сделать это, что и было выполнено.

Затем последовало, что Луиджи, получив в Неаполе мое письмо и повестку о вызове, тотчас же попросил у короля отпуск и отправился в дорогу, но по пути, достигши Перуджи, он узнал, что осужден на изгнание, что соответствовало истине, поскольку были посланы глашатаи, объявившие о вызове его в суд в течение трех дней, а затем был заочно осужден с лишением прав имущественных и личных, и никакой отсрочки ввиду его отсутствия, о которой мы просили, дать ему не захотели. Исполнитель использовал свои полномочия и сделал ему это зло, побуждаемый все той же шайкой наших врагов, о которой в этой книге мы уже упоминали.

Вследствие этого Луиджи вернулся в Аквилу, где король утвердил его капитаном на тот год и на будущий, хотя Франческо, наш брат, был уже раньше в этой должности и в то время также нес ее. Он оставил его там, отправился в Неаполь и отказался от этого поста ввиду готовящейся войны между королем и этой коммуной по наущению вышеупомянутых участников зловерного заговора, каковые по просьбе папы управляли этой коммуной. И после того, как он отказался от должности, получил письма, посланные королем, о том, что ни он, ни кто другой, кто бы ни был вместо него в Аквиле, ни перед кем там не отчитывался бы.

И случилось так, что еще за три дня до того, как эти письма дошли до Аквилы, Франческо умер, да простит господь бог его, и мы похоронили его здесь октября 9-го дня этого злополучного года. И потому я говорю о зло-

получном годе, что вот уже около четырех лет с нами происходят несчастья и бедствия и терпим мы всяческие обиды и подлости все от тех же упомянутых наших врагов, каковые стремились и продолжают стремиться наносить нам всяческий вред и унижение по причине того, что Луиджи вел переговоры и заключил мирный договор между королем Владиславом и коммуной Флоренции в год, когда наш упомянутый брат был в числе наших синьоров во дворце, а именно в декабре месяце 1410 года; по каковому поводу помянутые заговорщики, побуждаемые папой, от которого они получали и надеются получить бенефиции, постоянно показывают свое недовольство, и с большим старанием и хитростью прилагают все усилия, чтобы нарушить этот мир; и на сей день 30 октября 1413 года весьма близки к тому, чтобы он был нарушен, поскольку всячески внушают нашему народу, ссылаясь на взятие указанным королем Рима и многих других земель церкви, что король сей хочет де лишит нас нашей свободы; и от того между нашими гражданами возникают великие смуты и подозрения. А я один из тех, кто живет без уверенности, что он не загорится желанием подчинить нас себе, каковое намерение может у него возникнуть из-за тех подлых поступков, которые против него совершали упомянутые заговорщики с тех пор, как был заключен тот мир, каковой подписан был против воли папы. Каковой папа вместе с королем Луи продолжал войну против короля Владислава весь следующий год, т. е. 1411, а затем в 1412 году, после того как король Луи ушел во Францию,¹¹⁶ папа из страха

заклучил мир с королем Владиславом, который с большим войском приближался к Риму.¹¹⁷ После этого мира папа всячески домогался прихода в Рим императора,¹¹⁸ и король Владислав, подозревая, что папа делает это, чтобы выступить против него, пожаловался о том нашим синьорам через своих чрезвычайных послов, сюда направленных, и многократно в разное время просил нас заключить с ним лигу для защиты наших государств, или чтобы коммуна дала ему твердое обещание, что папа не будет призывать императора в Рим для действий против него; каковая лига была отвергнута, равно как и обещание. Вследствие чего король Владислав со своим мощным войском пришел к Риму и взял его, и чуть было не захватил самого папу и его кардиналов, каковой папа со своими кардиналами бежал сюда во Флоренцию;¹¹⁹ и здесь стал вести переговоры, чтобы мы заключили с ним лигу для войны против упомянутого короля, каковая лига, кажется мне, может быть заключена усилием тех, кому он давал и дает бенефиции, и которые имеют силу и сумеют руководить нами в этом. Да дарует бог, чтобы для нашего народа это имело следствия лучшие, чем я ожидал; ибо сомневаюсь я, чтобы народ наш смог выдержать великие расходы, которые воспоследуют из этого, и посему могут произойти великие раздоры, от чего да избавит нас господь и таким образом, чтобы свобода была спасена.

1413. В указанный 1413 год июня 8-го дня, после взятия Рима королем Владиславом, папа Иоанн XXIII убежал из Рима и прибыл

в Сант Антонио дель Весково, и туда же отправились синьоры приоры приветствовать его и выказать ему следуемое почтение.¹²⁰ Папа пробыл там до ... ноября, а здесь, во Флоренции, были размещены его кардиналы и придворные, и во время своего пребывания там он составил и заключил лигу с нашей коммуной. Затем он уехал в Болонью.

В указанный год в ноябре месяце, когда капитанами гвельфской партии были Джованни ди Джаноццо Веттори, Никколо ди Нино Орланди, Ингилезе ди Симоне Барончелли, Джакомо ди Пьеро Герардини, Пьеро ди Джованни Ансельми, Лука ди Джованни ди Лука Педзайо, Джиральдо ди Лоренцо Джиральди, Динго ди Гверрьянте Мариньолли и Андреа ди Гильельмино деи Пацци, после тщательного обсуждения и совещания с большим числом опрошенных ими гвельфов как в обычном «Совете Ста», так и в «Совете Шестидесяти» они получили полномочия вместе со своими коллегиями и с 96 советниками-гвельфами преобразовать должности этого Дома,¹²¹ составив новый выборный список, и аннулировать и сжечь все до сих пор составленные списки, что и было сделано. И побуждаемы они были к этому тем, что Дом этот был весьма презираем из-за своей потрепанной чести и репутации и настолько им все пренебрегали, что с большим трудом находили капитаны горожан, которые сопровождали бы их во время сбора пожертвований, установленных этим Домом. И все это произошло из-за того, что добрые и истинные гвельфы должны были видеть, как многие гибеллины, и новые люди,¹²² и люди

низкого происхождения получали должности в партии гвельфов и ее Дома.

Членами коллегий и советниками,¹²³ которые должны были произвести данное преобразование и составить новый выборный список, были следующие лица: мессер Лоренцо Ридольфи, Бардуччо ди Франческо Каниджани, Аньоло ди Джованни да Уццано, Джованни ди Франческо Бучелли, Риньери ди Бардо Баньези, Герардо д'Орманно Форабоски, Фаббиано д'Антонио Мартини, Спинелло ди Джованнелло Кавиччули, Бернардо ди Ванно Веккьетти, Джованни ди Джованни Альдобрандини, Джованни ди сер Дато, кузнец, Никколайо ди Пепо дельи Альбицци, Бернардо ди мессер Бьяджо Гваскони, Джирамонте ди Гвидо Фрескобальди и Андреа ди Гуччо, старьевщик.

Все эти написанные выше были приорами гвельфской партии, а те, которых я перечислю далее, были секретарями гвельфской партии: Бартоломео ди Томазо Корбинелли, Стефано ди Корсино деи Корсини, Якопо ди Лутоццо Нази, Бьяджо д'Аньоло, стекольщик, Кирико де Перо Торнаквинчи, Антонио ди мессер Лука да Панцано, Симоне ди Никколо Сальвиати, Сальвестро ди Лодовико Чеффини, Бетто ди Джованни Бузини, Якопо ди Ваноццо деи Барди, Сальвестро ди Томазо Пополески, Лоренцо ди мессер Герардо Бондельмонти, Бенедетто ди Кароччо дельи Строцци, Бартоло ди Джованни Каначчи, Лодовико ди Якопо Джандонати, Маттео ди Нуччо Солосмеи, Пьеро ди Бернардо делла Рена, Пьеро ди Джованни ди Нери даль Паладжо, Пьероццо ди Франческо, дельи Альи и Пуччино ди сер Андреа, оружейник.

Квартал Сан Спирито. Советники.¹²⁴

Лестница: Бернардо ди Каstellо Каратези, Никколо ди Беноццо Грассо, Асторе ди Никколо ди Герардино Джанни, Джованни ди Лодовико ди Банко, Фиренце дель Панча.

Раковина: Паоло ди Франческо Бильоти, Пьеро ди [Бернардо] Мальи, Никколо ди мессер Донато Барбадоро, Бартоло ди Ноффо Ридольфи, Риччардо ди Никколо ди Номе.

Кнут: Давицино ди Келе Амирати, Бонакcorso ди Нери Питти, Пьеро ди мессер Заноби да Медзоли, Бартоло ди Пьеро Страда, Джованни ди Микелоццо, шорник.

Дракон: Ванноццо ди Джованни Серральи, Пьеро ди [Франческо] дель Сольдато, Джованни ди Никколо Содерини, Феличе ди Микеле Бранкаччи, Пьеро Лапини, плотник.

Повозка: Джованни ди Ноффри Арнольфи, Маттео ди [Микеле] Каstellани, Андреа ди [Сандро] Рагуджи, Антонио ди Пьеро ди Фронте, Антонио ди Ванни Мануччи.

Бык: Форезе д'Антонио Саккетти, Паоло Бардо Манчини, Джери ди Якопо Ризалити, Мазо ди Таддео Боргини, Лоренцо ди Джованни, кожевенник.

Черный лев: Андреа ди [Франческо] Перуцци, прозванный Съепе, Джованни ди Франческино Пеппи, Манетто ди Туччо Скамбрилла, Джаноццо ди [Заноби] Кафферелли, Корсетто ди Якопо Аригетти.

Колеса: Андреа ди Никколо Джуньи, Антонио, сын мессера Никколо да Рабатта, Лапо ди Джованни Никколини, Франческо ди Бьяджо Лиони, Якопо ди Дино, кожевенник.

Змея: Адовардо ди Лодовико Аччайуоли, Бартоломео ди Бардо Альтовити, Лионардо ди Марко ди Джотто Фантони, Пера дель Пера Бальдовинетти, Карло ди сер Томазо Реддити.

Единорог: мессер Ринальдо ди Джаноцо Джанфильяци, мессер Кристофано д'Анфрione Спини, Томмазо ди Нери Ардингелли, Бартоломео ди Лионардо Бартолини, Бетто ди Джованни Рустики.

Красный лев: Уголино ди мессер Альбицци Ручеллаи, Томмазо д'Андреа Минербетти, Мариотто ди Пьеро дела Моротта, Арриго ди [Джованни] Мадзинги, Манно ди Бонуччо, бондарь.

Белый лев: Антонио ди Чиприано Манджони, Паоло ди [Бернардо] Бордони, Никколо ди Томмазо Малегонелле, Джери дель Теста Джиролами, Якопо ди Монте ди Пуджо.

Золотой лев: Джованни ди Биччи деи Медичи, Ринальдо ди [Филиппо] Рондинелли, Уго д'Андреа дела Стуфа, Нероне ди Ниджи ди Нероне, Лоренцо д'Андреа, мясник.

Дракон св. Иоанна: Паоло ди Берто Карнесекки, Никколо ди Бернардо Саффи дела Тоза, Томмазо ди Джакопо Пекори, Филиппо ди [Арриго] Аригуччи, Томмазо Гвидотти, плотник.

Ключи: Бартоломео ди Никколо ди Тальдо Валори, Лука ди Манетто да Филикайя, Барнардо ди Вьери Гваданьи, Филиппо ди Сальви ди Филиппо, Паоло ди Франческо Геруччи.

Белка: Ноффри ди Джованни Бискери, Бартоло ди Роберто Кортиджани, Бартоломео ди Якопо Герардини, Бартоло ди Джованозцо ди Бартоло Бонафеде, Лионардо ди Сальвестро, шорник.

Гранды.

Джованни ди Геррьери деи Росси, Чезаре ди Джирамонте деи Барди, Пьеро дель Агинольфо деи Барди, Америго ди Джованни Фрескобальди, Бальдассаре ди Бартоломео Форабоски, Аттавиано ди Каччатино Герардини, Франческо ди Чоче деи Пульчи, Пьеро д'Адвардо дельи Альи, Герардо ди Герардо Бондельмонти, Теста ди Джованни Торнаквинчи, Тьери ди Франческо Торнаквинчи, Барнардо ди Барнардо Кавальканти, Чиполла д'Алессандро дельи Альи, Америго ди Никколо Кавиччули, Апардо д'Апардо Донати, Биндо ди Франческо дельи Альи.

В указанный год,¹²⁵ будучи избран подестой Пьеве Санто Стефано, решил я поехать туда, чтобы избавиться от той вражеской шайки, которая искала моей смерти, и мечтая о том времени, когда смогу отказаться от должности; ибо составлялся новый выборный список партии и казалось, что указанная шайка потеряла

свои силы, поскольку все купцы и весь народ увидели, что сия шайка по ходатайству папы хочет снова втянуть нас в войну, и были этим недовольны; следуя разумным советам, я решил отказаться от этой должности, о чем подал прошение синьории и коллегии, каковое прошение прошло и весьма легко. Но тут так случилось, что члены упомянутой шайки, услышав об этом и зная, что если я не пойду подестой в указанное место, то в ближайшие июльские календы надлежит мне быть гонфалоньером справедливости, устроили так, чтобы Бардуччо ди Керикино, который тогда был гонфалоньером справедливости, задержал это дело в Совете народа, пока не сменятся члены совета «Двенадцати», до чего оставалось около пятнадцати дней, и так и было сделано. Когда вступили в должность новые «Двенадцать», прошение мое было вновь поставлено на обсуждение, несколько раз голосовалось и не получило утверждения из-за открытых и тайных просьб и хлопот, которые против меня предприняла помянутая шайка, вплоть до того, чтобы запретить мне занимать должности. И в действительности пришлось мне отправиться в эту подестерию, где провел я время в болезнях и неприятностях. Когда я вернулся во Флоренцию в июне месяце 1414 года и гонфалоньером справедливости был мессер Мазо дельи Альбицци, в конце указанного месяца был заключен мир с королем Владиславом, несмотря на упомянутую шайку, которая сильно возражала против этого. И в договоре о названном мире захотел упомянутый король в особой статье потребовать, чтобы с брата

нашего Луиджи был снят приговор об изгнании, ссылаясь на то, что Луиджи был подвергнут несправедливому изгнанию из-за него. Узнав об этом от Габриэлло Брунеллески, шурина Луиджи, каковой был прислан королем для заключения договора, я воспротивился этому и сделал все, чтобы такой статьи не испрашивали, потому что не хотел, чтобы Луиджи ни в чем не виновный и несправедливо изгнанный, вернулся бы на основании статьи договора; большого труда стоило мне уговорить Габриэлло и многих других родичей и друзей наших, которые слышали об этом и считали, что лучше было бы, чтобы король потребовал включения такой статьи, сомневаясь, что можно добиться победы по прощению и что изгнание будет отменено.

1414. А затем в месяце сентябре указанного года при гонфалоньере справедливости мессере Ванни Каstellани мы обратились к синьорам и их коллегиям с просьбой дать пропуск для Луиджи; мы получили его. Он приехал. Мы подали прошение об отмене приговора об изгнании, каковую и получили вопреки помянутой шайке, которая тайно и явно делала все, что могла, чтобы помешать этому; и был Луиджи возвращен из изгнания и восстановлен в правах на почетные должности коммуну в указанный год 1414.

1414. В указанный год октября 5-го дня я покинул Флоренцию и отправился в Пизу, а там сел на галеру, одну из трех, что прибыли из Прованса, дабы доставить папу Иоанна в Авиньон. Я попросил высадить меня во Фрежюсе, купил там трех вьючных лошадей

и затем одну в Авиньоне. В Тарасконе увидел я короля Луи, он охотно меня принял. Я уехал от него и направился в Париж через Альпы и Овернь. И когда я был в Париже, хлопоча о том, чтобы получить остаток того, что мне был должен граф Савойский, а также стараясь извлечь доход из наследства, которое Луиджи ди Бартоломео Джованни оставил моим племянникам Нери и Джованни, получил я из Флоренции письма, извещавшие, что я избран викарием Верхнего Вальдарно. Почему января 12-го дня покинул я Париж и поехал в Авиньон. Заехал в Арль посетить короля Луи и, проехав через Прованс, направился в Марсель, чтобы там сесть на одну из галер, которые король велел приготовить для отправки в Неаполь. Узнал, что они отправятся не раньше, чем через пятнадцать дней. Почему, опасаясь, что времени у меня не хватит и я опоздаю в должность, которую я должен был принять и вступить в нее в первый день марта, решил я ехать сушей, имея намерение проехать через Ниццу и затем генуэзским побережьем. И, будучи в двух лигах от Ниццы, послал я за пропуском. Мне было отказано. Тогда я поехал в замок, называемый Кань, каковой принадлежит Джорджино и Онорато деи Гримальди, которые меня охотно встретили и оказали мне добрый прием.

Попросил их, чтобы они помогли мне оснастить в Антибах бригантину, на которой я проехал бы, минуя Ниццу, до Монако или до Ментоны, а четырех моих лошадей провезли бы через Ниццу, как своих. Они ответили, что охотно это сделают. Когда мы обсуждали все указанное выше, приехал к ним один их род-

ственник из Ниццы и, услышав о нашем решении, сказал, что в Ницце в речке стоит галеот и неизвестно, что с ним хотят сделать. От этого известия зародилось у меня подозрение, и поэтому, а также потому, что я слышал, что все побережье вооружено, что убивают и грабят проезжих, решил я вернуться в Марсель и ожидать там галер, каковые отправлялись из Марселя 14 февраля, и я сел на галеот, который был с указанными галерами. Отбыли мы оттуда и волею судьбы пробыли в море семнадцать дней, прежде чем смогли пристать к Порто Пизано, и были на волосок от того, чтобы нас не отнесло в Берберию; из-за сильной бури галеот наш ночью потерял из виду галеры. Однако милостию божией прибыли мы в Порто Пизано 2 марта; и я был очень огорчен и расстроен, как из-за великого неудобства и тесноты, каковые претерпел я на этом галеоте, капитан которого плакал, говоря: «Нас несет прямо в Берберию и там мы будем рабами», так и из опасения, что мои братья не смогли получить отсрочку для моего вступления в должность, а враждебная мне шайка будет против, и я буду лишен на два года права занимать какую бы то ни было должность. Приехал я в Пизу и узнал от Филиппо дель Точчо, что сроком моего вступления в должность был весь март месяц. Оттуда приехал во Флоренцию и вступил в должность 6-го марта месяца; и отправлял ее с большим удовольствием и с добрым успехом, и милостию божией вернулся с честью.

В 1415 году декабря 15-го дня я вступил в должность в управлении портовой таможни

на два месяца вместо другого, избранного членом «Коллегии Двенадцати». Мои соотарищи — Пьеро ди Сандро Мазини, Филиппо Джуньи, Антонио ди Франческо Бартолини, Андреа ди Ринальдо Рондинелли, Бартоломео ди Тальдо и Антонио ди Дуранте.

В 1416 году я поехал комиссаром и послом в Фулиньо. Выехал я 5 мая и пробыл там до 20-го дня сентября; и во время моего пребывания там июля 10-го дня у Куррадо деи Тринчи и его жены, мадонны Танча, сестры Орсо да Монте Ритондо дельи Орсини, родился сын Уголино; какового Уголино я был восприемником при крещении его, за себя и как представитель мессера Маттео Каstellани, мессера Палла дельи Строцци и Аньоло д'Изау Мартеллини. Подарил ему штуку зеленого рисунчатого бархата и еще разные драгоценности ценою в сотню новых флоринов.

Во время моего пребывания в Фулиньо, в воскресенье 12 июля, когда Браччо да Монтоне и Тарталья да Лавелло¹²⁶ со своими отрядами и с изгнанниками из Перуджи стояли лагерем в четырех милях от Перуджи, синьор Карло деи Малатести и Чекколино деи Микелотти со своими отрядами хотели войти в Перуджу; и упомянутые Браччо и Тарталья дали бой и разбили их; и были взяты в плен указанный Карло и Галеаццо деи Малатести и Чекколино и Гвидоне деи Микелотти и большинство лучших из имевшихся там воинов, а многие были убиты и ранены. И затем 18-го числа указанного выше месяца Браччо вошел в Перуджу по соглашению и стал синьором ее, и вернул в нее изгнанников.

И затем августа 5-го дня упомянутые Браччо и Тарталья, отправившись со своими отрядами в Марку и войдя в соглашение с Паоло Орсини,¹²⁷ который со своим отрядом пришел через два дня после этого поражения, послали его вперед, чтобы он разбил свой лагерь под Колло Фьорито; и когда Паоло остановился отдыхать и был безоружным, внезапно явился Тарталья и, найдя Паоло, велел одному бастарду из рода Колонна убить его; и затем они разграбили весь лагерь указанного Паоло; и причиной, почему Браччо согласился на смерть Паоло, он называл то, что тот тогда не явился вовремя на сражение, как ему обещал, и опоздал на день, и сделал это якобы по просьбе Карло деи Малатести, и т. д.

В указанном году января первого дня я вступил в должность консула цеха Лана; сотоварищами моими были Бартоломео ди Никколо ди Тальди Валори, Марсилио Векьетти, Антонио ди Тедиче дель Альбицци, Филиппо ди Кристофано дель Булььяффа, Берто ди Якопо Ариги, Донато ди Пьеро Велути и Таддео ди Бартоломео ди Лорино.

И затем первого дня марта месяца я стал гонфалоньером справедливости, сотоварищами моими были Лука ди Чино да Гангаланди, Симоне дель Неро, Мазо ди Заноби Боргини, Джованни ди Кокко Донати, Альберто ди мессер Руберто Альдобрандини, Доменико ди Леонардо Матерасса, Лука ди Манетто да Филикайя, Якопо ди Никколо Мановелли. Нотариусом нашим был сер Франческо, сын сера Томмазо Мази.

Мая первого дня 1417 года я вступил

в должность члена коллегии по постройке церкви Санта Мария дель Фьоре вместе с Никколо ди мессер Донато Барбадоро, Антонио ди Пьеро ди Фронте, Джованни ди Доменико Джуньи, Андреа ди Ринальдо Рондинелли и Бернардо ди Ванни Векьетти.

Июля 18-го дня указанного года я уехал из Флоренции и 21-го дня июля приехал в Пизу со всеми моими детьми и с женой моей, беременной на пятом месяце. И позже 28-го дня июля приехал к нам мой брат Луиджи со своей женой и с их восемью детьми. И затем 4-го дня августа приехал туда и племянник мой Нери с женой и четырьмя детьми. И затем 13-го дня указанного месяца Нери отдал богу душу. А затем 26-го дня сентября и Луиджи отдал душу богу; а прежде умерла Бинделла, его дочь, которой было 12 лет.

Затем, услышав, что в Сан Джиминьяно нет чумы, я переехал туда со всей моей семьей и с семьями и женами указанных двух умерших: с моей женой и с семьей нашими детьми, женой покойного Луиджи с семьей детьми, и женой Нери с четырьмя детьми, и с нашими тремя рабынями и служанками, и тремя слугами; таким образом, оказался я в Сан Джиминьяно с 28 ртами и с четырьмя лошадьми на моем иждивении. И еще потому переехал я в Сан Джиминьяно, что 17-го дня ноября предстояло мне стать там подестой.

Отмечу, что на детях Луиджи остались его долги разным людям, и в их числе 1800 флоринов за приданое двух жен,¹²⁸ которые у него были. Также остались и дети Нери с долгами, из которых 1000 флоринов — за приданое. Так

что подумай, читатель, как трудно было мне удовлетворить вдов, чтобы они не оставили своих детей, в особенности вдову Нери, которой было 25 лет, и что, кроме всех прочих расходов, каковые я имел в Пизе, около 200 золотых флоринов я потратил на врачей и лекарства, на свечи и траурные одежды и вуали для вдов и детей их. И заметь, что за проезд указанных трех семей до Сан Джиминьяно потратил я на таможенные сборы, повозки, еду для людей и фураж 28 новых золотых флоринов. Так что подумай, читатель, каково было Бонаккорсо, оказавшемуся с такими большими расходами и имея доход примерно в 150 флоринов. Утешает меня упование на господа и то, что в должностях я полезен.

Ноября 8-го дня 1417 года началось составление выборного списка всех должностей как внешних, так и внутренних, за исключением синьоров приоров и коллегий; и было это составление закончено 23-го дня декабря месяца; я входил в число советников, будучи выдвинутым Андреа ди Джусто Коверелли.

1417. Ноября 17-го дня 1417 года я вступил в должность подесты Сан Джиминьяно.

Вот каковы сумы с именами кандидатов на должности внешние и внутренние после пересмотра в месяце ноябре и декабре 1417 года.

Капитан Пизы 1 сума	1 список
Подеста Пизы 1 сума	1 список
Викарий Верхнего Вальдарно 1 сума	1 список
Викарий Муджелло 1 сума	1 список
Викарий Вальдельсы 1 сума	1 список

Викарий Ангиари	} 1 сума	} 1 список
Капитан Кастрокаро		
Викарий Коллине	1 сума	
Викарий Вико	1 сума	
Капитан Кортонь	1 сума	
«Десять» Пизы	1 сума	
Реформаторы ¹²⁹ Пизы	1 сума	
Реформаторы Арещо	1 сума	
Пистойя	1 сума	} 1 список
Выборщики магистратов ¹³⁰	1 сума	
Реформаторы всех других земель	1 сума	
Подеста Прато	1 сума	} 1 список
Викарий Вальдиньеволе	} 1 сума	
Викарий Нижнего Вальдарно		
Капитан Арещо	} 1 сума	
Капитан Вольтерры		
Капитан Пистойи		
Подеста Пистойи	1 сума	
Подеста Ароццо	} 1 сума	} 1 список
Подеста Кастильон		
Аретино		
Подеста Мольтепульчано	} 1 сума	
Капитан горной Пистойи		
Викарий Фиренцуолы		
Подесто Сан Джиминьяна	1 сума	

Подеста Сан Миньято	} 1 сума	} 1 список
Подеста Колле		
Подеста Модильяны		
Подеста Берги	} 1 сума	
Викарий Подере		
Капитан Кампильи		

Подестерии первой степени

Подеста Мангоне	} 1 сума	} 1 список
Подеста Борго		
Сан Лоренцо		
Подеста Террановы	} 1 сума	
Бибиена		
Виккио		
Гьячето	} 1 сума	
Вальдамбра		
Пьеве Сан Стефано		
Кьянти	} 1 сума	
Сан Донато в Поджо		
Монтанья Фьорентина		
Барбиалла	} 1 сума	
Рокке 1 сума		
«Восемь охраны»		
Регуляторы ¹³¹	} 1 сума	} 1 список
Кассиры и казначеи		
Начальники портов и все другие внутренние должности		1 список
Капитан крепости в Пизе		1 список

Подестерии второй степени

Нижний Кастьельфранко	}	1 сума	}	1 список
Субиано				
Либрафатта				
Палайя				
Бельфорте				
Чивителла	}	1 сума		
Кальчи				
Монтеварки				
Пешия				
Кастьельфоконьяно				
Монтерапполи	}	1 сума		
Кьюзи				
Кашия				
Санта Мария в Требии				
Мон Сансовино				
Фойано	}	1 сума		
Кашина				
Буджано				
Вальдигриеве				
Лари				
Все крепости второй степени				
1 сума				

Подестерии третьей степени

Верхний Кастьельфранко	}	1 сума	}	1 список
Фегине				
Марти				
Сан Кашьяно в Дечимо				
Антелла				
Сеттимо				

Кастель Сан Джовани	}	1 сума	}	
Каленцано				
Чертальдо				
Винчи				
Монтелупо	}	1 сума		1 список
Лайатико				
Брози				
Скарперия				
Сесто				
Авена				
Понте ди Сакко	}	1 сума		
Фьезоле и Тальяферро				
Санта Мария Импрунета		1 сума		
Вико Пизано	}	1 сума	}	
Карминьяно				
Эмполи				
Капрезе				
Кампи				
Разиньяно				
Монтекатино	}	1 сума		1 список
Латерина				
Печчолле				
Креспина				
Понтедера				
Сан Пьетро в Меркато	}	1 сума		
Монтале				
Тицана				
Пьетрапио				
Портико	}	1 сума	1 список	
Монтиньозо				
Ларчано				
Фучеккио				

Кастельфьорентино	}	1 сума	}	1 список
Вергерето				
Поджо Боници				
Амбра				
Кастильон Пескайя	}	1 сума		
Черрето				
Серравалле				
Доадола				
Все крепости		1 сума		

Подестерии четвертой степени

Ланчиза	}	1 сума, 1 список
Уццано		
Монте Веттолино		
Масса		
Монтополи		

26-го дня октября месяца 1417 года я был избран гонфалоньером справедливости согласно выборному списку 91-го года,¹³² но, поскольку я оказался в зеркале¹³³ за то, что не уплатил три налога, каковые накладываются на отсутствующих — тех, кто бежал от чумы, я был вычеркнут из списка, и тем нанесена мне несправедливость, поелику, согласно закону о зеркале, еще не истек срок выплаты; но синьоры и коллегии своей властью сократили срок на десять дней, о чем во Флоренции был объявлен правительственный указ, а я, будучи в Пизе, не знал об этом указе и потерпел из-за этого.

1418. Июня 13-го дня 1418 года я был избран послом в Сарцану для того, чтобы вместе с братом генуэзского дожа установить границы между Сарцаной и нашим замком, называемым

Никкола; я отказался от поездки, поскольку не мог уехать из-за одного дела, которое у меня приключилось и из-за какого-то дела синьоры и коллегии освободили меня и тем оказали мне милость.

Сентября 26-го дня 1418 года Бартоломеа, дочь Франческо деи Питти, была обвенчана и получила кольцо от Бартоломео, сына Гирогоро ди Фетто Убертини, и в тот же день вошла в его дом. В приданое было дано 350 золотых флоринов; документы составлял сер Лапо ди Пьеро да Чертальядо. Я подарил ей платье из розового шелка, которое стоило 28 с половиной золотых флоринов.

Ноября 19-го дня 1418 года сын мой Лука купил усадьбу и дом во Флоренции, раньше принадлежавший Руберто деи Росси, купил он его за 450 флоринов, включая налог. Купил его у монны Бандекки, сестры указанного Руберто. Документы составил сер Доменико д'Ариго ди сер Пьеро Мучини.

1418. Февраля 17-го дня синьоры и коллегии послали меня вместе с мессером Якопо Джанфильяцци, мессером Палла дельи Строцци, Джованни ди Риниери Перуцци, Андреа ди Никколо Джуьни, Аньоло ди Геццо далла Каза и Джованни ди Никколо Содерини встретить папу Мартина¹³⁴ на нашей границе в двух милях от Кастрокаро в Романье. Мы проводили его до Флоренции, куда вступил он через ворота Сан Галло 26 февраля 1418 года и спешил к у. Санта Мариа Новелла.

1419. Доверенные графа Гвидо Гверра да Баттифолле, графа Мончоне, 8 апреля под присягой подтвердили получение приданого гра-

фини Катерины, жены графа и дочери покойного Франческо ди Нери деи Питти; нотариусом был сер Доменико ди сер Пьеро Мучини; приданое было 600 золотых флоринов.

1419. Записываю для памяти, что в сей день 24 апреля я сосчитал все плодоносные деревья в нашем саду и виноградниках, не считая орешника; всего выходит 561 дерево, а именно:

фи́ги	— 164	апельсины	— 6
персики	— 106	гранаты	— 7
сливы	— 80	айва	— 2
черешни	— 58	орехи	— 4
миндаль	— 24	вишня	— 9
яблони	— 25	оливы	— 60
груши	— 16		

и еще много других, которые пока не плодоносят, но дадут плоды, если не засохнут.

Тут дальше я запишу для памяти о всех своих поездках и местах, где я бывал, какие помню; и начну со времени, когда мне было 18 лет, как я упоминал раньше.

В Пизу, Ливорно и вернулся во Флоренцию. В Болонью, Поджо, Феррару, Франколино, Кьоджу и Венецию; вернулся во Флоренцию тем же путем.

Поехал в Пизу, Пьетра Санта, Сарцану, Порто Венери, Леванто, Сестри, Портофино, Геную, Понтедечимо, Буцалью, Серравалле и Алессандрию делла Палья, Тозиньяно, Павию и вернулся в Тортона, а затем в Геную тем же путем; затем поехал морем в Савону, в Сан Ремо в апельсиновых рощах, Монако и оттуда пешком в Турпию; затем в Ниццу в Провансе,

в Грасс, в Понт-а-Герон, Драгиньян, Бриньоль, Сан Бальзамино, Экс, Сен-Кантен, Оргон и в Авиньон; и оттуда вернулся в Геную и во Флоренцию той же дорогой.

И после поехал в Болонью, Феррару, Ровиго, и в Падую, и затем в Виченцу и Верону; вернулся в Падую и поехал в Венецию, и снова вернулся в Падую. Затем снова поехал в Венецию, ехал морем в Градо и затем в Аквилею и вернулся в Градо; после поехал в Паренцо, в Пулу и Оссеро, и потом в Сенью в Славонии, в Бриньо, Модрушу, и затем в Загреб, Криджи, Капронцу, в Альбареале¹³⁵ и Буду; переехал через альпийский Дунай по льду и вернулся в Сенью; затем поехал в Порто ди Ньеме и в Пирано на полуострове Истрия; затем в Венецию, Падую, Феррару, Модену и через Фриньяно до Пистойи и Флоренции.

В Съену, Ашьяно, Торриту, Пазиньяно, Перуджу, в Понте-а-Сан Джанни, Тоди, Акваспарта, в Сполето, Сан Джемини, Терни, Нарни, Орти, Муньяно и затем в Риж; вернулся той же дорогой до Пазиньяно, потом в Кастильоне, затем в Ареццо и после во Флоренцию через Вальдарно.

Затем ездил в Пизу и вернулся во Флоренцию; и снова был в Пизе и возвратился во Флоренцию.

Был приговорен к изгнанию и уехал в Пизу, затем поехал в Геную морем, вернулся в Пизу, поехал в Казоли ди Вольтерра и затем в Съену, в Ареццо и вернулся в Пизу, после поехал в Лукку, в Сарцану, в Специю, Пиньоне, Матерану, Сестри, Кьявари, Рапалло, Рекко и Геную. Вернулся морем в Мутроне, Лукку, Сар-

цану, Понтремоли, Берчето, Монте Фьорино, Форново, Модену, Мирандолу, Остилью и в Верону; и там представился вместе со многими другими изгнанными из Флоренции гвельфами мессеру Карлу Мирному, который позже стал королем Неаполя. Оттуда вышли отрядом, перешли По в Понте алла Стеллата, в Бондено и вверх по дороге в Болонью в Каstellо Сампьеро, в Массу дель Маркезе, в Луко, Имолу и затем в Фаэнцу, Форли, Чезену, Римини, Урбино, Кальи, Губбио, Фрату, Борго Сан Сеполькро, Ангиари и в Ареццо и сделали синьором его, Ареццо, — мессера Карла Мирного. И затем походом прошли вверх по дороге на Сьену до Бадии в Изоле, где мессер Карл получил деньги от флорентинской коммуны и не выполнил своего обещания, данного названным гвельфам, изгнанным из Флоренции, дойти с войсками до окрестностей Флоренции и проверить, хочет ли народ Флоренции примириться с нами. Вернулись в Ареццо, и там я распрощался с ним, потому что у меня не было денег, чтобы дальше следовать за ним, поскольку за три месяца, пока я был с ним, я истратил около тысячи новых золотых флоринов, а также потерял лошадей. Далее поехали мы в Кастильоне, Кортону, Читта ди Каstellо, в Борго Сан Сеполькро, Римини, Болонью, Модену, Реджо, Парму, Борго Сан Доннино, Фиренцуолу, Пьяченцу, Лоди, Мариньяно, в Милан, Новару, Верчелли, Кивассо, Турин, Авильяну, Сузу и перешли горы в Мон-Женев, оттуда поехали в Бриансон, Амброн, Гап, Систерон и в Авиньон; ездил в Тараскон и вернулся в Авиньон; оттуда по-

ехал в Оранж, Мондрагон, Монтелимар, Валанс, Тэн, Руссильон, Вьенн, в Лион на Роне, Вильфранш, Макон, Торню, Шалон, Бон, Флори-сюр-Уш, Шансо, Магни Ламберти, Шатильон, Мюсс л'Эвек, Бар на Сене, Труа в Шампани, Мариньи, Тренель, Брэ, Рампильон, Донмари, в Гран Поццо, в Бри-Конт-Робер и в Париж.

Потом поехал в Брюссель, по дороге через Лувр, Санлис, Вербри, Компьен, Нойон, где находится тело св. Ло, затем через Эн в Вермандуа, через Сен-Кантен, Като-Камбрези, Кенуа, Монс, Брен, Аль в Брюссель. Из Брюсселя ездил в Вильфорден и в Малин и вернулся в Брюссель.

Затем я поехал в Англию, по дороге через Ангиен, Рулерс, Верне, Дюнкерк, Гравелин и Кале, оттуда переехал морем в Дувр, затем в Кентербери, где покоится тело св. Фомы Кентерберийского, в Винчестер и Лондон, и потом вернулся в Кале, и дальше через Ипр, Лилль во Фландрии, Аррас в Пикардии, Лион-ан-Сантер и Санлис — в Париж. Затем опять поехал в Брюссель по дороге через Монс в Эно и вернулся в Париж тем же путем. Оттуда поехал в Авиньон через Бургундию и Дофине и от Пон-Сент-Эспри до Карпентра, снова перешел через горы, через перевал Мон-Женев и прибыл в Авильяну, Турин, Монкальери, Кьери, Асти, Нори и затем в Алессандрию делла Палья, в Тортону, где делают хороший териак,¹³⁶ в Вогеру, Каstellо Сан Джованни, Пьяченцу, Модену и через Торре дель Вергато и Вернио, принадлежащий Барди, вернулся во Флоренцию.

Затем снова поехал в Париж прямым путем — через Милан и затем через замки Карону, Варезе, Лавено на Лаго Маджоре, Паланцу, Маргоццо на озере, Домодоссоло, Деведро; перешел горы Брига через Симплонский перевал и в Бригу, Лудзару, Ансону, Мартиньи, Сен-Морис, Веве на Лозанском озере, Лозанну, Лекле, Жуно, Салэн в Бургундии, Сен-Жан-де-Лон, Дижон, Сансени и Шансо и потом прямым путем в Париж. И из Парижа я поехал к французскому королю, который был тогда во Фландрии с войсками. Я поехал через Перонн, Камбре, Валансьенн, Дуэ и Лилль и настиг короля с его армией. Король дал сражение жителям Гента в день св. Катерины и разбил их. Мы вернулись в Париж и расположились лагерем у Сен-Дени. Затем я съездил в Брюссель в Брабанте и вернулся в Париж прямым путем. После того я поехал вслед за королем снова во Фландрию против англичан; был в Берге и Бурбурге; мы прогнали англичан и вернулись в Париж через Эден, где имеется прекрасный парк, затем через Амьен, Клермон и Крейль. Потом я снова поехал в Брюссель и оттуда в Голландию через Малин, Льер, Бреду, Сан-Гертруденберг и Дортрехт в Голландии, в Роттердам, Дельфт, Гаагу, Лейден и возвратился в Париж прямым путем; и потом вернулся во Флоренцию через Бургундию и Савойю, перешел гору Бригу, приехал в Милан и оттуда прямой дорогой во Флоренцию.

После опять поехал в Милан, затем в Бинаско, Павию, Геную, и генуэзским побережьем вернулся во Флоренцию. И после того снова

поехал в Париж через Феррару, Реверо и Мантую, затем Кремону, Лоди, Милан, Верчелли, Ивреа, перешел через горы Сан-Бернард, был в Сен-Морисе, Лозанне и затем через Савойю и Бургундию прибыл в Париж. Затем поехал в Брабант — в Брюссель, был в Лувене в Брабанте, в Диесте, в Трет на Маасе и вернулся в Париж, и затем во Флоренцию через гору Брига, и через Милан и Болонью.

И снова поехал в Париж по дороге в Лукку, Сарцану, Специю, Пиньоне, Матерану, Сестри, Кьявари, Рапалло и Рекко, потом в Геную; затем в Павию, Бинаско и Милан и затем через гору Брига и через Савойю в Бургундию. Из Парижа поехал в Брюгге во Фландрии и в Эклюз — через Турнэ, Рулерс, Брюгге в Дам и в Эклюз. Затем вернулся в Париж и оттуда поехал в Савойю через Шалон в Бургундии, Сен-Жермен и Сен-Жюльен, Бург-ан-Бресс, Понт-д'Эн в Савойе, Сен-Рамбер, Белле, Иенн, перешел через гору Гатто и затем через Бурже и Шамбери, Ла-Сала, проехал Женеву, Тулон, Сен-Морис и Мартины в Савойе. Затем вернулся в Женеву, перешел через гору Фальчилье и проехал в Сен-Клод в Бургундии, Оржеле, Шалон и приехал в Париж; затем ездил в Брюссель и опять вернулся в Париж. И потом возвратился во Флоренцию через Шалон, Сент-Антуан во Вьенне, перешел гору Ла Скала и приехал в Шамбери в Савойе; затем поехал в Монмельян, в Эг-Бель, Морьен, в Савойе, Ла Шамбр, Фурнель, Сен-Мишель Бурж, Иенну, перешел горы в Мон-Сени и затем через Ферреру, Сузу, Асти, Алессандрию, Павию, Милан, Лоди, Кремону, Ман-

гую, Фервару и Болонью вернулся во Флоренцию.

А после опять поехал в Париж через Болонью, Милан, Турин, Сузу, через перевал Мон-Сени и затем через Савойю и Бургундию до Парижа; после вернулся в Авиньон с королем Франции; были в Ниме, Люнеле, Монпелье, Безье в Лангедоке, в Каркассоне, Капельнодари, в большой Тулузе; и вернулись в Париж, через Авиньон. Потом поехал я в Брюссель, Малин и Антверпен и затем в Амстердам в Зеландии, в Миддельбург, Эклюз, Брюгге и вернулся в Париж. Затем поехал в Англию через Бове, Амьен, Эден, где имеется прекрасный парк, через Аббевиль, Немпон, в Булонь на море и в Кале, оттуда в Сандвич и потом в Лондон. Оттуда возвратился в Париж тем же путем и приехал во Флоренцию дорогой через Савойю, долиной Мориана, через перевал Мон-Сени и оттуда в Асти, Мондови, в Ниццу делла Палья, в Кремолино, Вотри, Геную и по побережью сухим путем вплоть до Флоренции.

И затем я ездил в Милан, Павию, Геную и возвратился во Флоренцию. И снова поехал в Париж дорогой через Пьемонт, перешел горы в Мон-Женев и поехал в Авиньон, а затем в Лион на Роне и дальше в Арбрель, Марсиньи ле Нонэн, Бэн де Бурбон, Невер, Шарите на Луаре, Монтаржи, Сен-Фаржо, Корбейль и в Париж. Потом я поехал с королем Франции на гору Сен-Мишель по дороге через Сен-Жермен де Ле, Мант в Нормандии, Аржантан графа Алансонского в Нормандии, в Авранш и потом на гору Сен-Мишель; оттуда в Понтор-

сон, в Амбию, в Сен-Ло, Эвре, Терван, Руан и вернулись в Париж. После того я возвратился во Флоренцию через Савойю, через перевал Мон-Сени и затем через Пьемонт, Асти и Болонью.

И вновь поехал в Париж через Лукку и от Понтремоли в Пьяченцу и в Асти, перешел перевал Мон-Сени и дальше через Савойю. Отметь, что я выехал из Асти 22 ноября, а в канун дня св. Андрея уже приехал в Париж и проделал быстрое путешествие из-за одного поручения, которое я вез от сира де Куси герцогу Орлеанскому, и отметь, что за последние два дня я проехал в первый день от Шансо до Труа, а в следующий — от Труа до Парижа. После я поехал в Авиньон с герцогами Орлеанским и Бургундским, с герцогом Бурбонским и другими принцами, коих король Франции послал к папе Бенедикту, радея о единстве святой церкви. Оттуда мы вернулись в Париж, а затем я возвратился во Флоренцию, все также через Савойю и Мон-Сени.

Затем я вернулся в Париж через Мантую, Кремону и Милан, через гору Брига, Савойю и Бургундию; и в Париже мессер Мазо дельи Альбицци и я заключили союз с королем Франции, а после вернулись через Авиньон, Роман, Сент-Антуан, Гренобль, перешли Мон-Сени и через Асти и Геную вернулись во Флоренцию.

И потом опять поехал я послом в Париж через Падую, Тревизо, Конельяно, через замки Сачилле во Фриуле, Сант Аводжо, Спилимберг и Сан Даниелле, затем в Авенцоне во Фриуле, в Тонбетти, перешел через Крестовый перевал,

поехал в Драбург, Линц, Бруних, Мюльбах, Штерцинген, Матре, Инсбрук, Церле, Тельф, Умус, Петно, перешел через гору Арлен, был в Клостерлине, Фельдкирхе, Ренейке, Констанце, Стейне, Шафгаузене, Вальдсхуте, Лауффенбурге, Рейнфсльде, Базеле, и затем поехал в Гренан, Монбельярд в Бургундии, в Виллу Ассе, Круа, Лангр, в Бар на Сене, в Труа в Шампани, и затем прибыл в Париж. Вернулся во Флоренцию через Савойю, Бург-ан-Бресс, Эклюз-де-Же, Лозанну, Фрейбург, Берн, затем Баден, Шафгаузен, Констанцу, Венцоне, Тревизо, Местри, Венецию, Падую и вернулся во Флоренцию. Затем был в Падуе и вернулся во Флоренцию.

Потом поехал к императору в Германию дорогой через Падую и Фриуль, Сачилле, Вальвассон, Удине, Чивитале, перешел через горы Плец в замок Травизу, Арнольдштен, Виллак и Шпиталь, проехал в Зальцбург, Мюнхен в Баварии, Ингольштадт и Амберг, где я нашел императора, затем в Зульцбах, Нюрнберг, Мергентхейн де Фриери в Пруссии и в Майнц. Вернулся в Гейдельберг и оттуда направился в обратный путь во Флоренцию по швабской дороге до Аугсбурга и Мюнхена, и затем в Венецию, Падую и Флоренцию. И заметь, что от Гейдельберга до Флоренции я доехал всего за шестнадцать дней, а это более 700 миль.

И снова поехал в Германию, был у императора в Аугсбурге, вернулся в Венецию через Венцоне и Тревизо. Потом опять из Венеции вернулся к императору, ехал горами через Крестовый перевал до Мюльбаха и Прошино, в Клаузен и Больцано; нашел императора

в Тренто и затем уехал оттуда; вернулся в Венецию через Фриуль и Порто Груаро. Поехал в Падуя, где нашел императора, и мы вернулись в Венецию. Император уехал к себе на родину; я поехал вслед за ним, посланный флорентинскими послами, которые приехали в Венецию, но не достигли соглашения. Нагнал я императора в Латизане. Сопровождал его затем в Венецию и Падуя, и оттуда проехал в Феррару, Ардженту, Ветри, затем в Болонью, и вернулся во Флоренцию.

Потом был в Барге капитаном и после возвратился во Флоренцию. После был в Пизе и в Ливорно, вернулся во Флоренцию. Поехал викарием в Пешию, вернулся во Флоренцию.

Затем поехал послом к папе Бенедикту в Марсель; ехал сухим путем по генуэзскому побережью до Ниццы в Провансе, затем был в Эксе и оттуда приехал в Марсель. И оттуда отправился в Париж через Авиньон, Баньоль, Пон-Сент-Эспри, Бург-Сент-Андеоль, Вильнев-де-Берг, Обенас, Монтпезат, перешел через горы и потом в Монастые и в Ле Пюи, где статуя божьей матери великие милости творит паломникам, которые сюда стекаются из многих стран. И после оттуда поехал я по дороге через Овернь в Иссуар, Клермон, Монферран, Риом, Аква Спарту,* Сен-Пурсэн, Дун-ле-Руа, Бурж в Берри, затем в Шапель, Обиньи, Колон, Гиень на Луаре, Монтаржи, в Сен Мартелино, куда приходит множество паломников; и после отправился в Париж, чтобы освободить из заключения мессера Бартоломео Пополески и Бернардо Гваданьи, каковых герцог Орлеанский велел схватить, когда они

ехали посланниками к королю Франции; и велику я уже неоднократно служил упомянутому герцогу, был я нашей коммунной послан к нему; и я столь неустанно приступал к упомянутому герцогу, что в конце концов получил обратно указанных пленников, а затем вернулся во Флоренцию через Овернь, Авиньон и генуэзское побережье до Вентимильи и затем через Геную во Флоренцию.

После поехал в Пизу капитаном и вернулся во Флоренцию. Поехал в Болонью к папе Александру и вернулся во Флоренцию. Затем поехал в Рим вместе с королем Луи, комиссаром нашей коммунной, через Сьену, Бонконvento, Монте Пульчано и затем в Радикофани, в Аква Пенденте, в Сан Лоренцо в пещерах, в Больсену, Монте Фиасконе, Витербо, Сутри, Капранику и в Рим. Вернулся в Неполи и в Чивита Кастеллана с поручением переманить на нашу службу Сфорца да Кутиньола. Вернулся в Рим, а затем возвратился во Флоренцию прямым путем через Сан Кирико и Сьену.

И после ездил в Болонью с королем Луи и вернулся во Флоренцию. Затем в Сьену и вернулся во Флоренцию.

Бежал от чумы и направился в Пизу и вернулся во Флоренцию. И снова ездил в Пизу и возвратился. Ездил в Болонью к папе. Возвратился. Поехал подестой в Пьеве Санто Стефано; вернулся. А затем поехал в Пизу, сел в море на галеру, останавливался в Ноли и на острове Санта Маргарита; после поехали во Фрежюс затем в Тулон, а затем уже посуху в Бриньо, оттуда в Авиньон и затем в Париж через горы Монпезатто и Овернь. Потом возвратился

во Флоренцию дорогою через Бурж в Берри, через Бурбон и Мулен в Оверни, затем в Лион и оттуда вниз по Роне водой до Авиньона; оттуда ездил в Тараскон на переговоры с королем Луи, вернулся в Авиньон, и затем поехал в Экс и дальше в Марсель, а оттуда берегом до Каньи около Ниццы. Вернулся в Марсель, поехал в Арль — к королю Луи, вернулся опять в Марсель, где сел на галеот, и пробыл из-за бури семнадцать дней в море, до того как прибыл в Порто Пизано.

Возвратился во Флоренцию и поехал викарием в Верхний Вальдарно; вернулся. Затем ездил на воды в Петриоло; вернулся.

После того поехал с поручением в Фолиньо дорогой через Ареццо, Ранко, Читта ди Каstellо, в Губбио, Гвальдо и Ночеру. Возвратился во Флоренцию через Ишиези* и Перуджу. После уехал в Пизу, бежав от чумы. А затем уехал в Сан Джиминьяно на должность подесты; вернулся оттуда во Флоренцию 20 мая в 1418 году.

Августа первого дня 1419 года вступил в число чиновников Честности.¹³⁷ В указанном году и месяце... дня вступил в число капитанов Орсанмикеле. Сентября первого дня вступил в число строителей Санта Мария дель Фьоре.¹³⁸ Октября первого дня был избран подестой Монте Пульчано.

В указанный день сдал свой дом во Флоренции в наем епископу Лихфельдскому за 22 дуката в месяц. Ноября первого дня был избран в число приоров гвельфской партии.

В указанный год случилось, что Антонио ди Джованни ди мессер Заноби да Медзола был

арестован в Сьене, поскольку он был приговорен к изгнанию из-за одной женщины, которую он оттуда увел с собой; и его родственники выпросили у наших синьоров, чтобы был послан посол, который от нашей синьории просил бы синьоров сьенской коммуны, чтобы они освободили помянутого Антонио; каковой посол добился удовлетворения своей просьбы и привез оттуда Антонио во Флоренцию. В это время я был подестой Монте Пульчано, и так случилось, что я приговорил Андреа ди Салимбене дельи Скотти из Сьены, имевшего землю от Монте Пульчано, к уплате 600 флоринов за зерно, которое он вывез, что было запрещено законами и статутами коммуны Монте Пульчано. Дал я ему двадцать дней срока для уплаты, согласно статуту, и отпустил его под залог.

Указанный Андреа отправился в Сьену и добился от сьенских синьоров, чтобы был направлен от них посол во Флоренцию, каковой обратился к нашей синьории с просьбой освободить помянутого Андреа от наказания. Прослышав об этом, коммуна Монте Пульчано послала двух своих послов во Флоренцию просить синьоров и их коллегии, чтобы не нарушали статуты их коммуны. Были выслушаны и та, и другая сторона; и было поставлено на голосование, могут ли приоры и совет Монте Пульчано поступить с этим приговором так, как им хотелось; и было это сделано потому, что коммуна Монте Пульчано не может давать помилование в случае приговоров, которые превышают 500 кортонских лир, что равняется 400 лирам во флорентинской монете; и все их

приговоры обязательны для коммуны Монте Пульчано; и сделали они так еще из-за того, что о делах Монте Пульчано синьоры не могут решать что-либо без своих коллегий. Послы Монте Пульчано возражали против этого голосования, поскольку боялись того, что будут делать потом синьоры. Ставили на голосование 46 раз в течение двух дней; и в конце концов, под нажимом Джованни Минербетти, бывшего тогда гонфалоньером справедливости, и Антонио ди Пьеро ди Фронте вместе с названным Джованни Луиджи Маннини, которые по просьбе семьи Рикасоли ходатайствовали за указанного Андреа, чтобы сделать ему приятное, а мне неприятности, как уже не раз делали они с дерзкой настойчивостью. Победив в голосовании, наши синьоры написали этой коммуне, чтобы освободили Андреа от этого приговора, приказывая и т. п. И мне также они написали, весьма резко приказывая, чтобы я проследил бы, чтобы все это было исполнено и что упомянутый Андреа не должен платить никаких денег — ни согласно моему счету, ни обвинителю, ни за отмену приговора, ни на каком-нибудь другом основании.

Я велел собрать совет, и после того, как были прочтены их письма и мое, решили послать двух других послов к нашим синьорам и их коллегиям и просить их, что если Андреа будет освобожден от назначенного штрафа, то пусть по крайней мере заплатит за это по два сольдо с лиры, как полагается по их статутам; в противном же случае, если они решат иначе, то нанесут себе этим большой ущерб; да кроме того, если они и сделали бы это, то такое ос-

вобождение не имело бы законной силы. Они отправились с указанием говорить с синьорами только в присутствии коллегий.

А Андреа со своей стороны поехал в Сьену и добился, что ему снова дали посла, с коим он поехал во Флоренцию. Случилось, что когда обе стороны находились в зале, ожидая аудиенции синьоров, и когда стали собираться члены коллегий, Пандольфо да Рикасоли, узнав, что посланцы Монте Пульчано хотят говорить с синьорами в присутствии коллегий, послал одного своего родича, который был членом коллегии, к синьорам, дабы предупредить их об этом. И воспоследовало, что синьоры сейчас же велели передать прибывшим из Монте Пульчано, чтобы они немедленно предстали перед ними. Те пошли и сказали, что имеют поручение говорить с теми, кому адресована их верительная грамота; каковая грамота была у них затребована. И затем им приказали покинуть зал. Повинуясь синьорам, они вышли. Затем им было отвечено и приказано, чтобы они сейчас же вернулись в Монте Пульчано и доложили бы там, что их синьория желает, чтобы ей повиновались; и мне они написали снова, приказывая, и т. д. И, поскольку я получил письмо от моего сына и от Филиппо Маккиавелли, каковые, весьма перепуганные, писали мне, что если я не соглашусь повиноваться, то буду уничтожен и покрыт позором, и т. д., решил я следовать тому, что мне казалось справедливым, а именно скорее претерпеть осуждение и ссылку, чем повиноваться незаконным и несправедливым приказам. Я велел собрать совет и постановить, чтобы Андреа был осво-

божден от приговора, не платя ничего ни мне, ни другим. Однако указанному Андреа показалось, что помянутый совет был созван и поступал не обычным порядком и что от этого со временем у него могут возникнуть неприятности. Поехал он во Флоренцию и привез мне письмо от синьоров, копия которого приводится ниже:

«Приор цехов и гонфалоньер справедливости народа и коммуны Флоренции.

Мы тебе писали в двух наших других письмах, чтобы ты действовал таким образом, чтобы приговор, который ты вынес Андреа Ланчанти, был бы снят и отменен совершенно и чтобы ему не нужно было платить ничего и ни по какой причине. И мы полагали, что ты должен был бы иметь должное уважение к этой синьории, каковое надлежит иметь добрым гражданам: ибо, если б ты его имел, он уже был бы полностью оправдан и было бы выполнено то, что нами было тебе предписано, так что у нас больше не было бы необходимости тебе писать или предпринимать что-либо по поводу сей материи. Но ныне мы узнали, что вышеупомянутый Андреа до сих пор не оправдан и не очищен от указанного приговора, поскольку некоторым гражданам дана возможность хлопотать вокруг этого дела. Каковым вещам мы весьма дивимся и хорошо понимаем, что означают эти действия и какие цели преследуют; и немало по поводу тебя огорчаемся, что ты не выполнил и не довел до конца приказание нашей синьории. И посему желаем и повелеваем тебе, дабы, прочтя настоящее наше послание, ты позаботился бы со всем старанием

и с должной рачительностью о том, чтобы упомянутый Андреа был бы полностью избавлен от наказания, а весь этот приговор был бы отменен как в части, касающейся коммуны, так и в части, касающейся тебя, и в части, касающейся осведомителя; и чтобы не было никакого другого наказания или чего бы то ни было иного, что было с этим связано каким бы то ни было образом, и чтобы он не должен был платить что-либо; и ставим тебе на вид, чтобы ты больше не ожидал, что по этому делу мы будем тебе еще писать. А для того, чтобы ты понял, что мы желаем повиновения, мы приговариваем тебя к уплате 1000 золотых флоринов в казначейство нашей коммуны. Если же к 15-му числу настоящего месяца апреля упомянутый Андреа будет обычным законным путем, согласно тем вашим установлениям, освобожден от приговора и полностью очищен от указанного обвинения и его поручители также без уплаты чего бы то ни было, как об этом выше сказано, то упомянутый выше наш приговор в отношении тебя будет аннулирован, что должно быть выяснено и установлено нашей синьорией. И, кроме всего прочего, если не будет исполнено то, что мы предписываем, прикажи судье, кавалеру и нотариусу, чтобы к 16-му дню настоящего месяца апреля явились пред лицо нашей синьории. И подателю настоящего письма доверяем мы, что таковое тебе будет вручено. Дано во Флоренции, 6-го дня апреля месяца 1420 года.

Сверху написано: «Благородному мужу Бонаккорсо Нери деи Питти подесте Монте Пульчано и нашему гражданину» и т. д.

После того как я получил это письмо, тотчас же созвал я совет пятидесяти и затем общий совет и был освобожден от приговора помянутый Андреа таким образом, что он сам написал синьорам Флоренции, что считает себя вполне удовлетворенным тем, что было сделано. А также эти приоры и я, каждый сам от себя, написали синьорам о том, что было сделано; и вслед за письмами Андреа и нашими синьоры разъяснили, что приговор об уплате мною 1000 флоринов не имеет силы. Мой сын Лука уплатил нотариусу синьоров за документ об аннулировании приговора и за отмену штрафа в казначействе «...флоринов». И все это — результат несправедливости, которую учинили мне указанные синьоры по наущению все тех же Рикасоли, прикрывшись необходимостью проявить благодарность в отношении съенцев за то, что они отпустили Медзолу.

В 1420 году 14-го дня июня месяца, когда гонфалоньером справедливости был Аньола ди Филиппо ди сер Джованни Пандольфини, а приорами мессеры Руберто Аччайуоли, мой брат Бартоломео, Ридольфо Перуцци, Убертино Ризалити, Никколо ди Франческо Фалькони, Нери ди сер Вивиано и др., было решено соответствующими советами, что я должен быть восстановлен в суме 1391 года на должность гонфалоньера справедливости.

Октября 15-го дня вступил я в число чиновников винной габеллы вместе с Бенино ди Франческо, Джованни ди мессер Форезе, Антонио ди мессер Никколо да Рабатта, Салимбене Бартолини, Никколо ди Бартоломео Валори и Джованни ди Франческо Арриги. Папа

Мартин V выехал из Флоренции, дабы направиться в Рим, 9 сентября 1420 года.

Гонфалоньером района Раковины стал я 8-го дня января 1420 года вместе с Арриго ди Джованни Сассолини от района Лестницы, с гонфалоньером района Кнута — Никколо ди Джулиано ди Кола ди Нерино, с гонфалоньером Дракона — Никколо ди сер Франческо Мазини, с гонфалоньером Повозки — Мазино ди Пьеро ди Мазино дель Антелла, с гонфалоньером Быка — Доменико ди Пьеро Гвиди, с гонфалоньером Черного Льва — Никколо ди Джованни дель Беллаччо, с гонфалоньером Колес — Андреа ди Заноби Боргоньони, с гонфалоньером Змеи — Чилле ди Нери Вивиани, с [гонфалоньером] Единорога — Лапо ди Бьяджо Веспуччи, Красного льва — Джованни д'Андреа Минербетти, Белого Льва — Филиппо ди Никколо Пополески, Дракона Сан Джовани — Андреа ди Нофри, каменщиком, Золотого Льва — Джулиано ди сер Франческо Чаи, Ключей — Никколо ди Бардо Риттафё и Белки — Джованни ди Нофри Бискери.

1421. Мы произвели выборы всех должностей внешних и внутренних, за исключением трех самых высших и затем в марте и в апреле месяце произвели выборы приоров и коллегий.

Я вступил в должность подесты Тизаны июня 26-го дня 1421 года. В вышеуказанных выборах я положил мои бобы при голосовании помощников за Филиппо Макиавелли и Бартоломео д'Андреа дель Бенино. Филиппо не получил большинства, и я не назвал другого.

Граф Гвидо Гверра да Баттифолле граф

Мончоне был убит 10 мая 1421 года. Убийство устроили Фибиндаччи.

Ливорно был куплен ... дня ... месяца 1421 года; стоило это 100 тысяч флоринов.¹³⁹ Генуя перешла в руки герцога Миланского в месяце ноябре указанного выше года.

Сын мой Лука стал подестой Кьюзи и Вергереты 29 октября указанного года. В число строителей Санта Мария дель Фьоре вступил я в январские календы 1421 года.

Поехал послом в Венецию февраля 4-го дня. Вернулся 28 февраля 1421 года. Узнал, что графиня Катерина, жена покойного графа Мончоне и моя племянница, умерла.¹⁴⁰ После того как она видела, как убивают графа, никак не могла она утешиться, но все продолжала печалиться; и думаю, что от горя она умерла.

Мая первого дня вступил я в число консулов цеха Лана вместе с Антонио Веллутти, мессером Ринальдо дельи Альбицци, Бернардо ди Якопо Арриги, Аньоло ди Биндо Верначча, Франческо ди мессер Палла дельи Строцци, Антонио ди Пьеро ди Фронте и Пьеро ди Джованни даль Паладжо.

Июня 25-го дня 1422 года Нероццо, мой племянник, поехал в Афины в Грецию, чтобы встретиться с синьором Антонио дель Аччайуоли для заключения брака, договоренного и подписанного во Флоренции между помянутым Нероццо и Лаудоминой, дочерью покойного Франко ди мессер Донато Аччайуоли. Нотариусом был сер Доменико ди Арриго ди сер Пьеро Мучини. Ринальдо ди Бернардо да Медзола был представителем со стороны невесты; обещанное приданое — 2000 золотых флоринов.

Июля первого дня 1422 года я стал гонфалоньером справедливости. Приорами, моими сотоварищами, стали Бонакcorso ди Паоло Корселлини — медник, Бальдо ди Ноффри ди Бальдо — кожевенник, Бернардо ди Бартоломео Герарди, Симоне ди Лапо ди Франческо Корси, Доменико ди Бартоло Оттаванти, Манно ди Джованни ди Темперано Манни, Паоло ди Берто Карнесекки и Антонио ди Томазо ди Гуччо Мартини.

Вспоминаю, что в наше время мы послали посла в Рим. Выбрали мессера Томазо да Кампо Фрегозо, синьора Сарцаны. Наняли на нашу службу синьора Браччо даль Монтоне, синьора Перуджи и пр., с 1000 копейщиков и 300 пехотинцев в будущем. Заключили союз с синьором Лукки на пять лет. Послали посла к герцогу Миланскому. Избрали посла к герцогу Савойскому, и сделали еще много дел на пользу нашей Республике, и послали послов в Венецию. Нашим нотариусом был сер Антонио ди сер Микеле да Рикаво; и послали большие галеры.¹⁴¹

Сентября 20-го дня 1422 года решил я простить все обиды, которые мне чинились, и в частности Фибиндаччи да Рикасоли; и во дворце я встретился через посредство Гвидаччо Пекори с Пандольфо да Рикасоли в присутствии наших синьоров, где Пандольфо обещал мне от себя и от имени всех своих братьев, сыновей, племянников и прочих родичей относиться ко мне и моим братьям, сыновьям и племянникам, как к своим добрым друзьям, и пр. И я подобным же образом обещал ему от имени моего брата и моих сыновей и племян-

ников так относиться к нему и его родичам, как должно относиться к друзьям. И об этом я записал с той целью, чтобы вы, братья и племянники, следовали бы в этом моей воле, и приказываю вам, чтобы вы так делали.

Сентября первого дня указанного года вступил я в должность заботящихся о снабжении города продовольствием.¹⁴²

1423. Мая 30-го дня дочь моя Маддалена обвенчалась с Россо ди Джованни ди Никколо деи Медичи. Документы составлял сер Никколо ди Берто да Сан Джиминьяно. Вышла замуж того же 30 мая. Дал я ей приданого 400 золотых флоринов наличными и свадебные подарки, оцененные в 150 золотых флоринов. Поручился за приданое...¹⁴³

9 мая 1423 года Джованноццо ди Франческо деи Питти обвенчался с Франческой, дочерью Бартоломео ди Томазо Корбинелли, и в тот же день взял ее в жены. Получил он в приданое 1000 золотых флоринов наличными, и подарками на 100 флоринов, и 300 флоринов на имение, которое должно быть куплено на имя Франчески. Поручился за приданое...

В ... день ... месяца ... Лена, дочь моего брата Бартоломео, вышла замуж за Ноффри д'Антонио ди Моччо, получил за ней приданое... Документы составлял сер...

Тут ниже я приведу копию с одной записи из книги Бонакcorso да Маффео деи Питти от 1318 года июня 29-го дня на листе 45.

«Запись для памяти, что я, Бонакcorso Питти, купил дом с землей до Арно в районе Санта Мария в Верзайя у сер Андреа Мази, нотариуса района Сан Брокколо за цену

в 93 золотых флорина, чтобы устроить церковь с женским монастырем Санта Анна; и епископ нам это сделал, и произнес проповедь, и дал документ о покупке, и сделал все прочее, что полагается в таком случае. И договорился с церковью Санта Мария в Верзайе, и он должен ежегодно получать большую свечу от монастыря св. Анны. Документ о покупке составил сер Стефано Фигини. Мы записали покупку наполовину на Нери, для большей обеспеченности меня, Бонакcorso; но я, Бонакcorso, выплатил ее стоимость в 93 золотых флорина в руки указанного выше сера Андреа Мази 18 июня 1318 года».

1422. Приведенная копия записана здесь, потому что упомянутая выше книга из-за ветхости в плохом состоянии и во многих местах порвана и попорчена.

1423. Бартоломео, дочь моего покойного брата Франческо, ранее бывшую замужем за покойным Бартоломео ди Гиригоро ди Фетто Убертини, мы вторично выдали замуж за Филиппо д'Отто Сапити. Получила приданого 600 золотых флоринов. Приданое уплатил... Документ составил сер... Вышла замуж 20-го дня мая 1423 года.

Отказался я стать капитаном Ливорно июля 1423 года из-за сильной чумы, которая была там, и не заплатил 25 флоринов, так как сослался на привилегию.

Вступил в число совета «Восьми охраны» сентября 15-го дня 1423 года; сотоварищами моими при вступлении были Джулиано Джунтини, Франческо ди Франческо делла Луна и Франческо д'Антонио Пальмиери. В должно-

стях мы еще застали Антонио ди Томазо Корбинелли, Нофри ди Бонди дель Качча, Бетто ди Джованни Рустики и Заноби ди ... меховщика. А затем, 1 октября, вступили в должность наши сотоварищи Герардо Макиавелли, Джованни ди Франческо Биффолли, Карло ди Томазо Бартоли и Якопо Букерелли; а упомянутые четверо, которых мы застали в этой должности, ушли с постов своих 1 октября.

Главным моим поверенным я назначил моего сына Луку 19-го дня ноября 1423 года. Документы составлял сер Никколайо ди Берто да Сан Джиминьяно.

В должность капитана Кастелькаро вступил я ноября 30-го дня 1423 года, в день св. Андрея. А в месяце феврале я раскрыл заговор семи жителей Кастрокаро, которые были из Фурли, и все гибеллины, и каковые с помощью подделанных ключей, сделанных одним из них, кузнецом, хотели в карнавальную ночь вступить в Кастрокаро людей герцога Миланского; из этих семи я арестовал пятерых, а двое сбежали. Тем, которых я захватил, я велел отрубить головы. Замечу, что в крепости Кастрокаро и в его контадо больше гибеллинов, чем гвельфов. Известно, что около 36 лет назад гибеллины из этой области Кастрокаро убили всех гвельфов, кого только могли найти, и убивали и детей, и беременных женщин с великим злодейством и величайшей жестокостью.

1424. В указанный год, когда я был в Кастрокаро, узнав, что чума начинается в Корно ди Вальдипеца, написал я моему сыну Луке, который был там с Фьореттой и со своими детьми, чтобы он поскорее уехал оттуда со

всей семьей и направился бы в такое место где болезнь уже побывала и прекратилась. Он обосновался в Пешии ... дня ... месяца и там взял в наем дом с обстановкой за 4 золотых флорина в месяц. И затем я из Кастрокаро отправил к нему в Пешию часть моих детей; и после, вернувшись во Флоренцию, отослал к нему остальных детей, а позже и я с монной Франческой отправились и приехали туда, в Пешию, в последний день июня. И, поскольку дом был мал для большой семьи, как наша, так как нас было постоянно шестнадцать ртов без посторонних, каковые частенько приезжали в дом, я снял комнату с постелью рядом с нашим жилищем за цену 3 лиры в месяц.

В указанный выше год был разбит в бою и убит папскими солдатами синьор Браччо в июне месяце ... дня.¹⁴⁴

21-го дня июля было разбито наше войско в Романье войсками герцога Миланского. Были взяты в плен синьор Карло деи Малатести и многие другие военачальники, а многие там погибли. Был убит Лодовико дельи Обици, который всегда был верен нашей коммуне. Во Флоренции были устроены его похороны, весьма торжественные и с великими почестями.

1424. Я вступил в должность капитана пизанской цитадели 20-го дня августа месяца 1424 года. Филиппо д'Отто Сапити умер в 1423 году в месяце...

Января первого дня вышеуказанного года вступил я консулом цеха Лана. Сотоварищами моими были Бартоломео ди Якопо Ридольфи, Филиппо дельи Бульяффа, Джованни ди Франческо Арриги, Биаджо ди Якопо Гваскони,

Антонио ди Лука да Филикайя, Франческо д'Уголино Ручеллаи, Томазо д'Андреа Минербетти.

Бартоломею, дочь моего покойного брата Франческо, мы выдали замуж за Антонио ди Скарлатто Скарлатини. Венчание было января 17-го дня 1424 года; документы составлял сер Никколо ди сер Вердиано. Мадонна Маргерита, вдова покойного Франко Аччайуоли, мать Лаудомины, жены моего племянника Нероццо, приехала во Флоренцию ... дня мая 1424 года и с собой привезла помянутую Лаудомину и Нери Донато, сына помянутого Франко, и указанного Нероццо и Ринальдо да Медзола, а также многих слуг и служанок; и Нероццо со всей вышеупомянутой своей семьей жил в доме до мая 9-го дня 1425 года; и в указанный день она уехала, и с ней вышеупомянутые Нероццо, Лаудомина, Нери Донато и дочка Нероццо, которую родила помянутая Лаудомина, когда они были здесь, и каковой дали имя Бьонделла; и увезли они Катерину, сестру Нероццо. И здесь ниже я запишу копию со списка вещей, которые Нероццо увез с собой; список мы дали на сохранение жене моей монне Франческе с тем, чтобы, если случится так, что потребуется вернуть приданое Лаудомины, указанные в списке вещи и добро были бы сочитаны и вычтены из приданого, обещанного Нероццо в сумме 2000 флоринов, из каковых Нероццо, по его словам, получил 1400 золотых флоринов, которые брат его Доффо обещал выплатить в случае, указанном выше.

У Нероццо: кафтан из рисунчатого бархата, зеленого и черного, подбитый беличьими спин-

ками, оцененный в 100 флоринов; кафтан из розовой материи, подбитый зернистой тафтой, ценою в 45 золотых флоринов; кафтан красного рисунчатого бархата, подбитый зеленой тафтой, ценой в 20 золотых флоринов; кафтан из розовой материи двойной, ценой в 18 золотых флоринов; кафтан из черного рисунчатого бархата ценой в 10 флоринов; кафтан из монакино,¹⁴⁵ подбитый спинками, 15 флоринов; плащ черный — 8 золотых флоринов; сверх того, шапки из розовой материи и куртки из бархата, ценой в 16 золотых флоринов.

У *Лаудомины*: платье крапчатого бархата, ценой в 75 золотых флоринов; платье из розовой материи, подбитой тафтой, ценой в 60 золотых флоринов; 3 серебряных пояса, ценой в 31 флорин; один изумруд, один алмаз, ожерелье серебряное, шкатулка из кости, всего на сумму 50 флоринов золотом.

1425. Июля первого дня я вступил в совет управляющих цеха красильщиков. Сотоварищи — мессер Ринальдо дельи Альбицци, Джованни Ричальбани, Джованни Минербетти, Нероне ди Ниджи, Пьеро ди Лионардо дельи Строщи.

1 ноября 1425 года вступил я в число строителей Санта Мария дель Фьоре вместе с Бьяджо Гваскони. В должности мы застали Лапо Никколини, Аньоло ди Биндо Берначча, Томазо Корбинелли и Агостино да Джино Каппони.

1425. Ноября 18-го дня указанного года я составил завещание. Нотариусом был сер Никколайо ди Берто ди Сан Джиминьяно. Я отменил все другие завещания, которые я де-

лал когда-либо прежде. Декабря 4-го дня указанного года была скреплена и заключена лига с венецианцами, и января 27-го дня было о том оглашено и объявлено во Флоренции.¹⁴⁶

В день первый марта 1425 года вступил я в должность викария в Муджелло.

1426. Руперто, мой сын, взял в жены Джованну, дочь Сальвестро ди Симоне деи Гонди и монны Алессандры, дочери покойного Филиппо ди Тадео. Женился он на ней октября 22-го дня 1426 года. Приданое — 1100 золотых флоринов. Поручились за приданое я, и мой сын Лука, и мой племянник Джованноццо, сын брата моего Франческо. Нотариусом был сер... ди... На настоящий день имеет она четырех братьев, а именно: Симоне, Филиппо, Карло и Мариотто, и четырех сестер, одна по имени Лена, жена Америко ди Маттео делло Шельто, другие еще не замужем.

В число управляющих Бигалло¹⁴⁷ вступил я ноября первого дня вышеуказанного года вместе с Анджолино ди Гильельмо д'Анджолино, Никколо дель Беллачо, Никколо ди Доменико Джуьни, Антонио ди Пьеро ди Лапоццо, Джованни ди сер Ниджи, Алессандро д'Уго дельи Алессандри и Марко ди Антонио Пальмиери.

И затем ушли с должности Анджолино и Никколо Джуьни, Джованни ди сер Ниджи и Алессандро д'Уго; и на их место вступили Герардо Макиавелли, Филиппо Фаньи, Джаноццо Джанфильяцци и Джованни ди Бичи дельи Медичи. Сын мой Лука уехал начальником галеры. Отправился он из Ливорно 11 мая 1427. Мая 25-го дочь моя Примавера вы-

шла замуж за Стефано ди Нелло, сына сера Бартоломео Серенелли. В должность подесты Прато вступил я июня 27-го дня 1427 года.

В указанном году 12 октября в Ломбардии были разбиты войска герцога Миланского войсками нашей лиги.¹⁴⁸

Лука вернулся из Брюгге 11 февраля в последний четверг масленицы и приехал он сухим путем. Отправился он в Пизу 16-го числа указанного месяца. Дождался там галеры и вернулся 15 марта 1427 года сухим путем, потому что, будучи на галере, тяжело заболел; он оставил в Брюгге больного Доффо ди Луиджи Питти, а также доброго слугу, чтобы за ним ухаживать. Возвращение сухим путем обошлось ему примерно в 500 флоринов, в том числе дал он Якопо Беницци 150 флоринов и лошадь, только за то, чтобы тот командовал его галерой, и 110 флоринов он также оставил Доффо, и многие другие расходы пришлось ему понести.

Зная смертельную опасность, которой он подвергался, очень был я доволен его возвращением, и за то хвалю и благодарю господу.

1428. Мая 16-го дня было объявлено всенародно о мире между лигой и герцогом Миланским. Франческо, сын мой, отбыл мая указанного года для поездки в Валенцу.

1429. Россо ди Джованни деи Медичи умер 31 июля 1429 года.

Августа 8-го дня умер мой брат Бартоломео.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«ХРОНИКА» БОНАККОРСО ПИТТИ

Флоренция, столица Итальянского Возрождения, где родились Джотто и Данте, Брунелески и Донателло, Петрарка и Боккаччо, где сложилась гуманистическая культура, определившая парадный фасад всей итальянской культуры, была также и родиной политиков и путешественников, шерстяников, купцов и банкиров, городом смелых, предприимчивых, но и бережливых дельцов. Эти последние не только послужили той почвой, на которой выросла блестящая плеяда филологов, историков, философов, политических деятелей, но и сами внесли непосредственный вклад в историю своей эпохи, оставив (помимо материальных ценностей) в наизидание потомкам многочисленные дневники, записки и просто торговые книги, в которых перечень дебиторов и кредиторов перемежается воспоминаниями о бурных событиях итальянской жизни XIV—XV вв. Эти сочинения флорентинских купцов являются одним из любопытнейших памятни-

ков, чрезвычайно выпукло рисующих эпоху и показывающих время, скрытый механизм которого зачастую остается незамеченным. Он остается незамеченным, так как литература и памятники изобразительного искусства, неразрывно связанные с нашим представлением о Возрождении, а также вся внешняя, красочная сторона действительности с ее празднествами, играми, развлечениями порой полностью заслоняют тот скромный фон, который кроется за ними.

Многие из этих дневников, привлечшие к себе внимание историков еще в XVIII в. и тогда же впервые изданные, вошли в научный обиход под названием «хроник», или «домашних хроник».¹ Так, например, широко известны хроники Джованни ди Паголо Морелли,² Донато ди Ламберто Веллутти,³ а дневник Бенвенуто Челлини⁴ с легкой руки Гёте, который перевел его на немецкий язык и снабдил издание своим предисловием, при-

¹ См.: G. Garzoni degli Ancarani. *La cronica domestica toscana dei secoli XIV—XV*. Lucca, 1920. См. также: М. А. Гукковский. *Итальянское Возрождение*. Т. I. Л., 1947, гл. 3; Л. Баткин. *Этюд о Джованни Морелли*. Вопросы истории, 1962, № 12, стр. 88—106.

² Новое, научное издание см.: Giovanni di Pagolo Morelli. *Ricordi*, a cura di V. Branca. Firenze, 1956.

³ Donato Velluti. *La cronica domestica scritta tra il 1367 ed. 1370*, per cura di I. Del Lungo e G. Volpi. Firenze, 1914.

⁴ См. русск. пер.: Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. Пер. М. Л. Лозинского. М.—Л., 1931; более позднее изд.: М., 1958. Нем. пер. Гёте: *Leben des*

обрел характер классического произведения и породил громадную посвященную ему литературу. Однако дневник Челлини — произведение сравнительно позднее (он относится к XVI в.), и та правда жизни, которая видна в более ранних документах подобного рода, в нем проявляется сильно затемненной литературным стилем начинающего становиться господствующим маньеризма.

Среди дневников и хроник XIV—XV столетий сочинение Бонаккорсо Питти на первый взгляд занимает довольно скромное место, хотя сам автор играл весьма значительную роль в истории своего города. Однако его бесхитростные записки являются неоценимым документом для понимания человека эпохи Возрождения — члена пополанской коммуны Флоренции XIV—XV вв., решительного, волевого, не связанного этическими или религиозными нормами поведения, человека, отличающегося острым ощущением и пониманием реальной конкретной обстановки, и хотя несколько возвышающегося над общим средним уровнем своих соотечественников, но очень характерного для эпохи.

К сожалению, жизнь и творчество Питти изучены недостаточно. Ему посвящены два раздела в книгах Варезе и Бека, а также более ранние работы Миро и Стикко,⁵ которые

Benvenuto Cellini florentinischen Goldschmidt und Bildhauer... T. I—II. Hrsg. von J. W. Goethe. Tübingen—Gotta, 1803.

⁵ Cl. Varese. Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino, 1961, pp. 21—36; Ch. Bec. Les mar-

в настоящее время устарели и едва ли могут приниматься во внимание. И хотя четыре работы — это, казалось бы, не так уж мало, личность Питти, и особенно его сочинение, безусловно заслуживает гораздо большего и главное более тщательного рассмотрения.

Из записок Питти нам известно, что он родился в 1354 г. во Флоренции, в семье знатной, предприимчивой, но тогда еще небогатой. Он рано потерял отца и пытался «найти фортуна» где только мог. Эти поиски приводят его, едва достигшего двадцатилетнего возраста, в разные города и страны, сталкивают с самыми разными лицами — от нищих чомпи до князей и королей. Из Флоренции он отправляется на север Италии, затем в Ниццу и Авиньон, Гаагу и Брюссель, Аугсбург и Загреб. Список городов, в которых побывал Питти (он приводит его в конце своей «Хроники»), занимает не одну страницу. В 1380 г. он с дипломатическим поручением едет в Англию, а затем в составе бесчисленных посольств — в Париж. От времени до времени он возвращается на родину, где постепенно приобретает все большее влияние. В 1396 г., теперь уже как полномочный посол, Питти едет в Париж к королеве Изабелле (ибо король Франции Карл VI в это время находится во власти тяжелого психического недуга) с поручением

chands écrivains à Florence. 1375—1434. Paris, 1967, pp. 77—94; L. Mirot. Bounaccorso Pitti, aventurier, joueur, diplomate et mémorialiste. Paris, 1923; M. Sticco. Arte e sincerità. Milano, 1940.

добиться союза между Флоренцией и Францией против миланского властителя Джан Галеаццо Висконти. Удачно выполненное поручение делает Питти известным, можно даже сказать, знаменитым. Понятно, что, как все флорентинцы, он занимает ряд видных должностей. В 1398 г. — он член «Коллегии Двенадцати», в следующем году — приор (одна из высших должностей во флорентинском правительстве), затем капитан города Пистойи, незадолго до того захваченного Флоренцией, что делает этот пост особенно ответственным.

Но Бонаккорсо был человеком, любящим перемены и не склонным подолгу засиживаться на местах. И в 1400 г. он снова назначен послом, на этот раз к Рупрехту Баварскому, только что избранному императором. Вернувшись в родной город, Питти опять занимает ряд высших должностей, проходя весь путь государственной службы, обязательной для каждого полноправного флорентинского гражданина. Однако путь этот был далеко не гладким. Питти был типичным человеком Возрождения, он обладал слишком ярко выраженной индивидуальностью, чтобы безоговорочно повиноваться синьории. Отсюда его постоянные ссоры и споры с флорентинскими властями. Причина этого не столько в определенной политической позиции, занимаемой Питти в сложной, запутанной системе управления флорентинскими владениями, сколько в желании проявить свою независимость. Даже в тех случаях, когда решения синьории носили категорический характер, Питти упорно отстаивает свою точку зрения.

Характер Бонаккорсо ярко виден хотя бы на примере истории с синьором Лукки, когда Питти управлял городом Баргой; не менее ярко он вырисовывается и в истории с поимкой вора во время капитанства Питти в Пистойе. Но, как правило, перед лицом недвусмысленных угроз со стороны синьории «принципиальность» его улетучивается, и он не слишком затрудняет себя подыскиванием благовидного предложения, чтобы объяснить отказ от своих убеждений.

О личной жизни Питти известно мало, ибо в отличие от других авторов домашних хроник он весьма немногословен в отношении своей семьи. Мы знаем, что он был женат на Франческе Альбицци, дочери Луки Альбицци (который гласно и негласно на протяжении нескольких десятилетий руководил всей политической и хозяйственной жизнью Флоренции), что он имел от нее множество детей и каждого из них наделил весьма основательным наследством и приданым. Умер Питти в 1430 г. и, кроме «Хроники», являющейся предметом настоящего издания, оставил канцону и восемь писем.

Как уже говорилось, «Хроника» Питти принадлежит к числу так называемых домашних хроник. Подобно прочим произведениям этого жанра, она предназначена для узкого круга ближайших родственников, в ней рассказывается о жизни автора, о событиях, на фоне которых она протекает, о росте экономического благосостояния рода и т. д. Но хотя по форме сочинение Питти является обычной домашней хроникой, содержание его гораздо шире. Идеал

автора отнюдь не сводится к наживе и обогащению своей семьи, к спокойной размеренной жизни; он не дает заветов, не читает морали, не учит мудрости. Наряду с обычными сведениями, касающимися материального благополучия семьи и хозяйственной деятельности отдельных наиболее преуспевающих ее членов, «Хроника» содержит и материал глубоко личный, который проявляется, несмотря на порой протокольную сухость языка, абсолютно во всем, в любом мелком факте, делая ее документом человеческой жизни.

В то время как другие авторы хроник, описывая цепь событий в той последовательности, в которой они произошли, стараются придать своему изложению как можно более спокойный, эпический характер, Питти заботится об этой нарочитой «объективности» очень мало. Правда, он тоже верен хронологической последовательности — с точностью до дня и даже часа описываемых событий, но говорит он о них лишь постольку, поскольку эти события затрагивают его лично. Он все пропускает сквозь призму своих вкусов и интересов, а вкусы и интересы эти довольно своеобразны.

Сын расчетливого шерстяника, Бонакcorso Питти не довольствуется скучным производством отца. Если отец, чтобы не отвлекаться от своего дела, отказывался от тех должностей в коммуне, от которых можно было отказаться, не навлекая на себя неприятностей, то сын его полон честолюбивых помыслов и во имя осуществления их скорее склонен поступиться денежными интересами.

Питти не только купец, как большинство флорентинцев его круга, который большую часть времени проводит за границей, не только дипломат, как некоторые из них, он прежде всего — авантюрист и игрок, игрок и в прямом и в самом широком смысле слова. Достаточно вспомнить колоритный рассказ о его игре в доме герцога Орлеанского, чтобы представить себе характер автора.

Этот интерес к игре не был чем-то случайным. Игра в кости в Италии времени Возрождения была распространена очень широко.⁶ Мы встречаем ее описание и в произведениях Боккаччо, и в новеллах Саккетти, причем игра в кости нередко находится в центре их рассказов и вокруг нее складываются порой комические, порой трагические ситуации. И Бонакорсо Питти — тоже азартный игрок. Через его руки проходят колоссальные суммы, он то выигрывает целые состояния, то проигрывает все до единого сольдо, забывая, кто является его противником в игре, не боясь навлечь на себя гнев титулованных особ. И при всем том игра имела для Питти особое значение — она была связана и с выполнением крупных дипломатических поручений, о которых он никогда не забывает, и с многими другими характерными для деятельности флорентинского купца и предпринимателя операциями. На выигранные деньги он покупает лошадей и оружие,

⁶ К вопросу об азартных играх в эпоху Возрождения кое-что есть в работе M. L. d'Orange. *Thirteen Tarot Cards from the Visconti-Sforza Set. The Connoisseur*, February, 1954.

участвует в военных кампаниях, приобретает дома и земельные участки, вино и шерсть, которые покупает и тут же перепродает, отнюдь не скрывая желания нажиться, но и не делая его главной своей целью. Ибо не жажда наживы, а страсть к игре и неукротимый азарт заложены в самой натуре Бонаккорсо, он переносит эту страсть и на собственную жизнь, играя и сознательно рискуя ею, одновременно выполняя весьма противоречивые дипломатические поручения, о содержании которых он часто предпочитает умалчивать, ограничиваясь лишь констатацией факта.

По своему размеру «Хроника» Питти невелика, значительно меньше других произведений подобного рода. Питти начинает ее с формального перечисления своих многочисленных родственников и, только исчерпав перечень основных родичей, переходит к рассказу о своей жизни. Любопытно, что начало изложения он относит к тому моменту, когда был уже взрослым человеком, так ни разу и не обратившись к детским воспоминаниям, видимо не представляющим для него ни малейшего интереса, и доводит свой рассказ почти до самой смерти, делая последнюю запись 8 августа 1429 г.

Трудно было бы утверждать, что рассказ Питти от начала до конца равнозначен — и по смыслу, и по стилю. В начале «Хроники» он более подробен и, можно сказать, даже несколько кокетлив (если не считать страниц, посвященных родословной автора); Питти явно любит себя, своими поступками, своей находчивостью и смелостью. К концу тон изложения делается более спокойным, более раз-

меренным, хотя личность автора отнюдь не исчезает из повествования. Стиль «Хроники» в целом прост и носит какой-то особенно поспешный, порой небрежный характер. Автору некогда шлифовать свои фразы, подыскивать более выразительные слова, и он постоянно обрывает рассказ на «и т. д.», «и т. п.». Изложение ведется в первом лице, и «я» присутствует в каждой фразе, во-первых, потому что всё, о чем пишет Питти, пережито им самим; во-вторых, потому что без его «я» всё происходящее теряет для него смысл. Но именно лаконизм и безыскусственность изложения, отсутствие претензий на литературность придают особую индивидуальную очерченность и жизненную убедительность отдельным фигурам и эпизодам, встречающимся в «Хронике».

За свою довольно длинную жизнь (он прожил семьдесят шесть лет) Бонаккорсо был свидетелем множества важнейших событий, событий не частного, а общеисторического значения. Перед его взором прошли восстания чомпи во Флоренции, майотенов — в Париже, Якова Артевельде — в Голландии, битва при Розбеке, мелкие и крупные сражения, определившие на длительное время судьбу многих итальянских городов и ряда европейских государств. И всюду, и всегда он не просто свидетель, присутствующий при тех или иных событиях, который потом пересказывает увиденное, а активный участник их, трезво и отчетливо вскрывающий в своем незатейливом рассказе смысл происходящего. Причем толкают его к участию в этих событиях не необходимость, не сильные чувства, не ненависть или сочув-

ствие к чомпи или восставшим гентцам, а жадное любопытство к жизни, постоянно бурлящая в нем энергия. При всем этом поражает удивительно простодушное мироощущение Питти, для которого вопросы жизни и смерти решаются удивительно просто. Массовые казни, отрубленные головы нисколько не тревожат его совести, даже если он сам выносит смертный приговор, и отнюдь не мешают ему предаваться очередным развлечениям.

Как уже говорилось, Питти буквально одержим манией путешествий. Особенно часто он бывает во Франции и сообщает об этой стране, в частности о Столетней войне, множество интересных подробностей, некоторые из них, насколько я могу судить об этом, неизвестны даже историкам, занимающимся Францией. И хотя все, о чем рассказывает (а иногда умалчивает) автор, пропущено через его личное восприятие и его страсть — игру, из его изложения нетрудно извлечь и объективные сведения о событиях, тем более что в передаче фактических данных Питти всегда очень точен и почти никогда не позволяет себе никаких произвольных толкований. К тому же непосредственное участие Питти в сложной, запутанной дипломатической игре, которую вела Флоренция как в Италии, так и за ее пределами, заключение им бесчисленных союзов, соглашений, договоров, тут же нарушавшихся и вновь перезаключавшихся, делает рассказ Питти особенно ценным.

Как уже сказано, «Хроника» Бонаккорсо Питти отнюдь не однородна на всем своем протяжении и распадается на три явно раз-

дельные части. В первой, относительно небольшой части содержится предисловие и, как говорилось выше, перечисление предков и членов семьи автора, перемежающееся часто чрезвычайно интересными замечаниями. В это генеалогическое повествование то тут, то там поневоле вплетаются имена людей, игравших значительную роль в жизни Флоренции и которые благодаря нескольким фразам или словам Питти вдруг обретают плоть и кровь. Именно поэтому мы после некоторых колебаний включили в наше издание и эту первую часть, несмотря на ряд присущих ей недостатков. Написанная Питти, когда он уже был довольно старым, «Хроника» содержит ряд пустот: в ней пропущены некоторые данные, забыты, а иногда спутаны имена внуков и племянников, восстановить которые автор уже не имел ни возможностей, ни необходимой энергии. В тексте перевода эти пустоты сохранены и на их месте дано отточие.

Вторая часть, наибольшая по размеру и главная по содержанию, содержит хронику в собственном смысле слова; все, сказанное выше — о стиле, о характере изложения, о богатстве фактического материала и т. д. в первую очередь относится именно к этой части. Она деловита по тону, носит описательный и вместе с тем динамичный характер, как бы передающий бег времени, и порой настолько увлекательна и жива, что трудно оторваться от чтения.

Но живой, интересный метод изложения оказался не под силу стареющему Питти. Чем дальше он отходит от волновавших его в мо-

лодости событий, от того, что составляло главный нерв его жизни, чем ближе он к событиям последних лет, тем суше становится рассказ. Вместо энергичного повествования автор зачастую довольствуется простым перечислением фактов и поступков, свидетельствующим о чисто формальном отношении к своей задаче. Питти вновь и вновь возвращается к уже изложенным им фактам, когда-то поразившим его воображение, и даже сравнительно недавние события повторяет по нескольку раз. Особенно утомительны последние страницы «Хроники», где автор перечисляет города и страны, в которых он побывал. Но при всех этих недостатках «Хроника» Питти отнюдь не теряет своей значимости и интереса. И хотя сам стиль изложения также меняется от одной части к другой, но в этой изменчивости проявляется своеобразное единство, ибо в каждой мелочи, даже в простом перечне родственников или городов, всюду ощущается главный герой «Хроники» — ее автор Бонаккорсо Питти. Поэтому в переводе мы даем весь текст полностью.

Настоящий перевод сделан с итальянского издания «Хроники» Питти, осуществленного Альберто Бакки дела Лега в 1905 г.⁷ Из напечатанного в этом издании текста нами вы-

⁷ Первое изд. «Хроники» Питти: Cronica di Buonaccorso Pitti. Con annotazioni di Giuseppe Manni. Firenze, 1720; в 1905 г. «Хроника» была переиздана с небольшими исправлениями Альберто Бакки дела Лега: Cronica di Buonaccorso Pitti. Con annotazioni, ristampata da Alberto Vacchi della Lega. Bologna, 1905.

пущены только те слова, которые были вставлены в «Хронику» Питти ее предыдущим издателем и которые легко устранимы благодаря примечаниям, сделанным Бакки делла Лега, видимо, в каждом из подобных случаев. Некоторые имена, восстановленные по косвенным данным самим Бакки делла Лега, оставлены в тексте, но взяты в квадратные скобки.

При переводе текста «Хроники» на русский язык мы с переводчиком стремились по возможности к максимальной точности, сохраняя сухой, лишенный внутренней эмоциональности, часто не имеющий необходимых для литературного языка связок, стиль автора. К сожалению, иногда это бывало не только трудно, но и невозможно. Известной преградой в этом отношении является спорность перевода некоторых слов. Даже обычное слово «perote», которое на итальянском языке означает и племянник, и внук, требовало в каждом случае детального рассмотрения. Исходя из контекста, мы большей частью склонялись к первому значению, однако не всегда текст позволяет дать вполне точное определение родственных отношений. Большие трудности при переводе представляют специальные термины, как например «scarpellatore», «riformatore», «regolator», «massaio», «maliscalco» и многие другие. Исходя опять же из контекста, иногда из того, что нам известно о политическом и экономическом строе флорентинского города, мы старались переводить их возможно более точно. Однако отсутствие в русской истории однозначных понятий, как и недостаточная разра-

ботка специфической терминологии, сложившейся в Италии в XIII—XV вв., порой заставляла нас принять при их переводе более или менее условные обозначения, которые в каждом спорном случае мы старались объяснить в примечаниях.

Не меньшие трудности представлял и перевод географических названий и наименований, особенно в тех случаях, когда они относятся не к итальянским, а к французским, немецким, венгерским и прочим городам. Мало того, что Питти дает их в итальянской транскрипции, к тому же архаической, а иногда, видимо, и весьма произвольной и потому не поддающейся расшифровке, но среди перечня названий городов и местечек есть, очевидно, такие, которые в ходе истории давно прекратили свое существование. Поэтому для того, чтобы разобраться, о каком городе или местечке говорит Бонаккорсо, мы даем эти названия в их современном звучании, исключая лишь те случаи, когда написание их слишком далеко разошлось с современным эквивалентом. В этом случае мы опять-таки прибегаем к соответствующим примечаниям, в тексте же даем эти названия в том виде, в каком они приведены в «Хронике». Те названия, которые никак не поддаются точной локализации, мы сохраняем также в той форме, в какой они приведены в «Хронике», снабдив их только условным знаком (*) и предоставляя читателю строить по их поводу собственные предположения.

Что касается остальных примечаний, то они приводятся лишь для пояснения отдельных

имен и тех фактов, смысл или точная датировка которых иногда ускользает от читателя, ибо проследить за всеми изменчивыми перипетиями дипломатической деятельности Питти и его современников очень сложно и трудно. Имена, титулы, термины и географические пункты в книге даны в написании автора хроники.

Мы надеемся, что, несмотря на стоявшие перед нами трудности, в результате проделанной работы читатель получит текст, трепещущий жизнью и делающий более ясным многое в столь спорном понятии, как Итальянское Возрождение.

М. А. Гуковский

АВТОБИОГРАФИЯ ПИТТИ И ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Автобиография Бонаккорсо Питти, а именно таковой является его «Хроника», представляет собой своеобразное и весьма характерное произведение итальянской литературы.

М. А. Гуковский, подготовивший его к изданию, один из виднейших советских итальянистов, воспринимал историю как сложное сочетание всех сторон жизни человека и человеческого общества. Не случайно, рассматривая историю Италии XIII—XV вв., он уделил внимание не только экономике и политике, но также и культуре, и в частности специально итальянской литературе.¹ В разделе, касающемся литературы XV в., М. А. Гуковский ярко и глубоко характеризовал философско-политические и художественные произведения этой эпохи.² В послесло-

¹ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947; т. II, Л., 1961.

² Там же, т. II, стр. 150—182.

вии к этому изданию М. А. Гуковский дал краткий сравнительный очерк произведений, близких по своему характеру к автобиографии Питти: это — дневники Морелли, Веллутти и более позднее «Жизнеописание» Бенвенуто Челлини. Между этими произведениями можно найти не только формальное, но и существенное сходство — их народность. Народные традиции входят составным элементом в литературу и преобразуются вместе с эволюцией языка и литературных форм. Проблеме народности в итальянской литературе посвящено немало книг, одним из показательных образцов которых является исследование Джузеппе Коккьяра «Народ и литература в Италии».³ Проблема народности, согласно этому автору, не ограничена только изучением эволюции народных форм литературы и искусства, но и процесса перехода от классической латыни к народной, разговорной, а от нее к народному итальянскому языку (*volgare*). От народного театра и джуллеров (жонглеров, скоморохов) путь ведет к исполнителям песенных историй (*cantastorie*), уличным певцам (*cantimpanca*) Флоренции, Перуджи, Феррары и других городов Италии. Распространению прозаической и поэтической письменной поэзии джуллеров на всю Италию способствовала сама специфика этой профессии кочующих по стране певцов. Устная литература безымянных авторов переходит в литературу письменную и фиксируется естественным путем: доказательством тому яв-

³ G. Cocchiara. *Popolo e letteratura in Italia*. Torino, 1959.

ляются, например, болонские нотариальные акты или рукописи, хранящиеся в Ватиканской библиотеке, где на свободных пространствах или между двумя актами записывались тексты песен, исполняемые джулларами или кантампанка. Если писцы или нотариусы были первыми фиксаторами устной прозы и поэзии, то среди них, естественно, могли появиться и появились авторы литературных произведений, которые исходили из текста джуллара, развивая его и совершенствуя. Так, язык, образы, афоризмы народные по своему звучанию (*il gusto del popolare*) входят в художественную литературу, народные традиции продолжают свою жизнь в качестве элемента формирующейся итальянской городской культуры. Влияние народных литературных традиций отмечается в поэзии Джакомо Пульезе, Рустико ди Филиппо, Фольгоре ди Сан Джиминьяно. Неприхотливые любовные сонеты, и особенно сатирические портреты своих современников у Рустико, восторженное восприятие всех радостей жизни у Фольгоре и, наконец, откровенное воспевание «века золотого флорина» — Дученто — у Чекко Анджольери:⁴

Пусть родичей кто хочет воспеваает,
Поет, кто их имеет, лишь флорины
Они родню и брата, и кузину,
Отца и мать, и деток заменяют.

Не говори же: «Род меня прославит!»
Коль денег нет, — напрасны ожидания.
Скажи: «Я — прах, и мною ветер правит».

⁴ E. Cecchi e N. Sapegno. Storia della letteratura italiana, v. 1. Milano, 1965, pp. 699—708.

Эти строки не только отрицают феодальные привилегии и вековые традиции итальянских нобилей, теряющих в XIII в. политические права в передовых городах-государствах Италии, но и утверждают право на реалистическое восприятие зарождающегося мира раннего капитализма.

Поэты школы «нового сладостного стиля» (*dolce stil nuovo*), вроде Гвидо Гвиницелли,⁵ тоже направляют стрелы против тех, кто кичится древним знатным родом, но их идеал не золотой флорин, а истинное человеческое благородство:

Пуcкай никто не скажет,
Что было благородство без отваги,
Что можно унаследовать его,
Не чужь благородства в сердце.

Обычно эти две линии безоговорочно противопоставляют как абсолютно непримиримые, хотя в обоих направлениях присутствует общая антифеодалная струя, утверждение нового пополанского мировоззрения, перерастающего во времена Питти в раннебуржуазное.

Несмотря на значительное своеобразие, можно отметить наличие народных влияний и в таком потоке литературы, как религиозно-проповедническая, обращенная нередко не столько к господу богу, сколько к природе. Таков знаменитый «Гимн брату Солнцу» Франциска Ассизского, «Зерцало истинного покаяния» Якопо Пассаванти, который наполнял

⁵ Ф. де Саккис. История итальянской литературы. М., 1963, стр. 35—40.

жизнь святых и «истории» дьяволов реалистическими деталями, и последовавшие за ними широко известные «Цветочки», повествующие о жизни Франциска Ассизского, и менее известное «Житие брата Юнипера».⁶

Если направление «нового сладостного стиля» рассматривалось как магистральная линия итальянской литературы, на дальнейших путях развития которой появляется Данте и затем поэты эпохи Возрождения, то направление певцов типа Анджольери представлялось нередко в качестве его антипода или даже не включалось в историю литературы: «Наша литература, — писал де Санктис, — была в самом зародыше задушена рыцарской поэзией и, не сумев проникнуть в жизнь народа, осталась фривольной и незначительной. Затем ее сбила с пути наука, уводя ее все дальше и дальше от свежести и наивности народного чувства».⁷

В действительности, свежая народная струя литературы продолжала оказывать воздействие на все виды художественной поэзии и прозы, даже написанные в оригинале на французском языке, как например «Миллион» Марко Поло, переведенный на вольгаре и получивший тем самым народную окраску.⁸ Данте, которого

⁶ F. Flora. Storia della letteratura italiana, v. I. Verona, 1948, pp. 23, 338—348; G. Sossiana, op. cit., pp. 25—26; Цветочки св. Франциска Ассизского. М., 1913; Житие брата Юнипера, ученика св. Франциска Ассизского. М., 1914.

⁷ Ф. де Санктис, ук. соч., стр. 38.

⁸ Влияние французского и провансальского языков и в целом французской литературы на итальянскую в XII—XIII вв. бесспорно, хотя несколько преувеличено в некоторых исследованиях (см., например:

нельзя приравнять к кому-либо другому или втиснуть в рамки определенной школы — «столь ярок он», как писал о нем Микеланджело, при всей сложности его поэтико-философских творений, был связан с народной струей литературы. Это подтверждается не только его трактатом «О народном языке», который он считает выше и естественнее латинского,⁹ но и его итальянскими творениями, вошедшими в арсенал устного, песенного репертуара народных празднеств. Такова, например, весенняя песня из дантовского «Канцоньере», которую в народе считали безымянной:

Из-за одного веночка,
который я видел,
Меня заставляет вздыхать
Каждый цветок.¹⁰

В самой «Божественной комедии» немало следов влияния народной поэзии, не говоря уже о ее народном языке. И если Рустико, Фольгоре и Чекко, который не только жил в эпоху Данте, но и был с ним знаком, не оказали решающего влияния на дальнейшее развитие литературы, оно все же было весьма существенным в своей основе, так как «творчество этих певцов было гораздо более реалистичным, гораздо

P. Renucci. L'aventure de l'humanisme européen au Moyen Age. IVe—XIVe siècles. Paris, 1953, pp. 159—171).

⁹ A. Vallone. Dante. Storia letteraria d'Italia. Milano, 1971, pp. 147—172.

¹⁰ Per una ghirlandetta
Ch' io vidi, mi fara
Sospirare ogni fiore.

более близким к современной жизни и в гораздо большей мере передающим те социальные сдвиги, которые в этой жизни происходили».¹¹

В прозе также наблюдается использование элементов народного творчества новой по своему качеству художественной литературой раннего Возрождения: так безыскусное «Новеллино», очевидно, составленное в конце XIII в. из многочисленных коротких устных рассказов, ведет к «Декамерону» Боккаччо, использовавшему народные мотивы для создания шедевра мировой литературы. Из народной прозы вырастает и такое произведение, как «Новеллы» Франко Саккетти, насквозь пропитанные речью, традициями прозаической литературы вольгаре: «В новеллах Саккетти, — пишет В. Ф. Шишмарев, — еще немало от старой традиции, которой он следовал наряду с Боккаччо и от которой взял, может быть, не меньше, так как она была ближе его вкусу и доступнее его пониманию».¹² Народные традиции в новеллах Саккетти весьма показательное явление в литературе следующего века — Треченто.¹³ Именно новеллы Саккетти послужили тем мостиком, который был перекинут в следующий, XV век: несмотря на то что с ростом латинской литературы произведения на народном языке отходят на задний план, Поджо Браччолини использует

¹¹ М. А. Гук ов с к и й. Итальянское Возрождение, т. I, стр. 119.

¹² В. Ф. Шишмарев. Франко Саккетти. В кн.: Ф. Саккетти. Новеллы. М.—Л., 1962, стр. 352.

¹³ V. Pratolini. Franco Sacchetti e la novellistica fiorentina del Trecento. Secoli vari, Firenze, 1958.

несколько новелл Саккетти в своей «Книге фавелл». Живой вкус к народной поэзии сохраняет и Анджеоло Полициано, проповеди на вольгаре ведет Бернардино да Сьена.¹⁴ Таким образом, и век гуманизма — Кватроченто — не являлся периодом сплошного господства ученых-эрудитов — латинистов и эллинистов. Да и сама гуманистическая латынь не была лишена влияния народного языка и вовсе не являла собой реставрированную классическую латынь. Гуманистическая латынь (*il latino umanistico*) носит на себе печать ясности и легкости живой итальянской народной речи, поэтому стремление гуманистов подражать классическому языку древности практически не могло осуществиться.¹⁵

Гуманизм в узком смысле слова становится гечением эрудитов, составляющих небольшую группу интеллигентов, образующих «республику ученых». Однако абсолютизация такой обстановки во многом опровергается опубликованным и изученным А. Н. Веселовским романом-трактатом «Вилла Альберти», который показывает связь гуманистов с самыми различными слоями итальянского общества: с ранней буржуазией городов, с феодальной знатью, потерявшей свой прежний блеск, и даже с рядовыми ремесленниками.¹⁶

Гуманизм в широком смысле слова — сложное культурное явление, столь же противоречи-

¹⁴ G. Saccchiara, op. cit., pp. 29—38.

¹⁵ G. Saitta. Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel rinascimento, v. I. Bologna, 1949, pp. 4—5.

¹⁶ М. А. Гук овский. Итальянское Возрождение, т. II, стр. 174—175.

вое, как и вся эпоха Возрождения, которое включает не только господствующую философскую, педагогическую и художественную литературу «высшего класса», но и «второстепенную», считающуюся народной или даже формально не входящую в круг литературы. Эти «внегуманистические» произведения «сливаются воедино, действуют единым фронтом» с гуманистическими.¹⁷

На этом фоне развития итальянской литературы появление в XV в. «Хроники» Бонаккорсо Питти — «человека, отличающегося острым ощущением и пониманием конкретной обстановки», пишущего выразительным народным языком, не является ни странным, ни случайным; появление «Хроники» Питти, «несколько возвышающегося над общим средним уровнем своих соотечественников, но очень характерного для эпохи»,¹⁸ было закономерным.

Поэтому выбор «Хроники» Питти в качестве показательного литературного памятника XV в. является не только оправданным, но и крайне удачным; этим читатель прежде всего обязан тонкому литературному чутью и широкой эрудиции М. А. Гуковского.

Среди итальянских хроник известны многие выдающиеся произведения литературы, различные по своему характеру, но имеющие некоторые общие черты.¹⁹

¹⁷ Там же, стр. 175.

¹⁸ М. А. Гуковский. Хроника Бонаккорсо Питти. См. выше, стр. 187.

¹⁹ В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии. XIV—начало XV века. М.—Л., 1958, стр. 331—340.

Одним из наиболее ярких произведений такого рода является «Хроника» Салимбене, написанная еще по-латыни, которая звучит у него как живая народная речь. Его «Хроника» отображает реальную жизнь итальянского общества XIII в., показывает живых людей, которых встречал автор.²⁰ Его принцип — «верить только тому, что видел сам» (*dispono non credere nisi que video*) — приближается к принципу Бонаккорсо Питти, который пишет свою «Хронику», будучи ее главным действующим лицом. Салимбене, родившийся в Парме, много путешествует: Лукка, Сиена, Пиза, Фано, Реджо Эмилия хорошо знакомы ему. Его собрат по перу, Питти, спустя полтора столетия умножает эти традиции, став путешественником всевропейского масштаба.

Первой итальянской хроникой XIII в. является сочинение Дино Компаньи «О событиях, происшедших в мои времена». Автор описывает известные ему лично политические события, в которых он нередко участвовал в качестве активно действующего лица. «Хроника» являет собой образец точной, лаконичной, ёмкой народной речи. Это качество сближает ее с «Хроникой» Бонаккорсо Питти, хотя темпераментность, порывистость, резкость последней совершенно не свойственны Дино. Важен сам принцип написания «Хроники»: «описывать некоторые события, в правдивости которых я уверен, так как я их видел или слышал о них».²¹

²⁰ E. Cecchi e N. Sapegno, op. cit., pp. 592—596.

²¹ «...di scrivere il vero delle cose certe che io vidi e udi» (D. Compagni. Cronica delle cose occorrenti

Во многом этого же правила придерживался и известный флорентинский хронист Джованни Виллани, широко пользовавшийся своими впечатлениями, рассказами современников и даже документами. Этот основополагающий принцип лег в основу большинства итальянских хроник XIII—XIV вв. и в полной мере был использован Питти, что и превратило его «Хронику» в достоверное произведение.

В XIV в. появляется хроника, представляющая собой нечто среднее между историей и автобиографией. Ее автор — Донато Веллутти, ее название — «Семейная хроника».²² Это действительно хроника дома Веллутти, роста их благосостояния и могущества. Политики и дельцы, они составляют весьма колоритную галерею флорентинских пополанов, творцов новой раннекапиталистической экономики и носителей раннебуржуазной морали и культуры. Если Веллутти заполняет почти всю свою хронику характеристикой представителей своего рода, Питти также посвящает им значительную часть своей автобиографии, но далеко не ограничивается этим. Веллутти становятся крупными дельцами, члены их торговой компании живут не только в других итальянских городах — в Болонье, Пизе, Милане, Генуе, Венеции, Риме, но за пределами Италии — в Англии, Фландрии, Франции. «Семейная хроника» выходит за рамки Флоренции, на ее страницах появляются события общеевропейского масштаба. Питти,

ne' tempi suoi. *Rerum Italicarum Scriptores. Raccolta degli storici italiani.* L. A. Muratori. Nuova ed., t. IX, parte II, Città di Castello, 1913, pp. 5—6).

²² D. Velluti. *La Cronica Domestica.* Firenze, 1914.

проведший значительную часть своей жизни за границей, в еще большей степени создает в своей «Хронике» картины европейской жизни: XV век приносит новые масштабы и новый темп жизни. «Семейная хроника» Веллутти перерастает рамки истории рода, «Хроника» Питти оставляет ей второстепенное место, хотя по своей форме и близка к семейной. XV век — период расцвета Возрождения, когда на первое место выступает личность, а род и семья ступеньются. Донато Веллутти — мастер лаконичных, рельефных, а нередко и беспощадных характеристик. Бонаккорсо Питти в этом плане — его способный продолжатель, но вовсе не имитатор.

Речь идет о большом потоке литературы, сходной в основных своих чертах,²³ но резко индивидуализированной. Некоторые из описаний событий и человеческих характеристик Веллутти или Питти могут соперничать с отдельными новеллами флорентинца Франко Саккетти и лукканца Джованни Серкамби.²⁴

«Хроника» Бонаккорсо Питти — это история его жизни, бурной и многотрудной, жизни дипломата, игрока, воина, политического деятеля, путешественника, главы семейства. В литературе он давно уже заслужил название авантюриста,²⁵ но авантюриста положительного:

²³ C. Guzzoni degli Ancaran. *La cronica domestica toscana dei secoli XIV e XV*. Lucca, 1920.

²⁴ G. Sercambi. *Novelle*. Bologna, 1871.

²⁵ E. Rodocanachi. *Un aventurier florentin, Bonaccorso de'Pitti*. *Bulletin italien*, II, 1902; L. Mirot. *B. Pitti, aventurier, joueur, diplomate et mémorialiste*. Paris, 1923.

смелого, способного на риск, готового к схватке на дуэли или в битве, остроумца и дипломатического собеседника, политического советчика и безжалостного правителя.²⁶

Включение в разряд литературных памятников «Хроники» Питти представляется смелым, но закономерным решением. Основанием к этому послужило то, что еще в 1947 г. М. А. Гуковский, давно оценивший эту «Хронику» как первоклассный исторический источник, стал первым ее переводчиком на русский язык²⁷ и, убедившись в ее исключительных литературных качествах, начал готовить ее к изданию, увидевшему свет только в наши дни. В середине 50-х годов в западной литературе появилась аргументированная теория о неразделимости деловой практики и культуры во Флоренции эпохи Возрождения, причем век Питти — Кватроченто — выступал в качестве наиболее в этом смысле показательного. Автор этой теории, Ив Ренуар, справедливо подчеркивал наличие совершенно естественной связи между экономическим развитием Флоренции и появлением в ней новой гуманистической культуры;²⁸ он показал, что развитие производственной и коммерческой техники является в определенной степени базой и в то же время частью культуры Возрождения, что сами деловые люди были не только потребителями, но

²⁶ L. Bonfigli. Bonaccorso Pitti per la «Via d'Alamagna». Archivio per l'Alto Adige, II, 1917.

²⁷ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, т. I, стр. 244—245.

²⁸ Y. Renouard. Affaires et culture à Florence. Il Quattrocento, Firenze, 1954.

и создателями этой культуры — писателями, мыслителями.²⁹ Исходя из этого, он призывал при изучении наследия крупных представителей Возрождения не проходить мимо «других», второстепенных, но крайне характерных авторов, определяющих «средний уровень» культуры этой эпохи. Эта теория впервые была воплощена в книге Кристиана Бека, вышедшей в 1967 г. под характерным названием «Купцы-писатели, деловой мир и гуманизм во Флоренции, 1375—1434».³⁰ Автор сравнивает прежде всего двух флорентинских пополанов, которые, не будучи писателями по профессии, оставили заметный след в литературе: Морелли и Питти. «Купеческие семьи давали детей и писателей, не похожих один на другого», — пишет Бек.³¹ Джованни Морелли — типичный купец-писатель, его хроника — это мемуары, произведение во многом биографического порядка. Оно рисует его мировоззрение, его ум, его взгляды: перед нами человек, не лишенный средневековых пережитков, но уже вырвавшийся на просторы новой возрожденческой мысли. Все же он и «средний пополан» своего века, человек благопристойной морали.³² Бонаккорсо Питти — человек Возрождения, объездивший весь тогдашний европейский мир, 18-ти лет покинувший впервые

²⁹ Ibid., pp. 12, 19, 176.

³⁰ Ch. Bec. Les marchands écrivains, affaires et humanisme à Florence. 1375—1434. Paris, 1967.

³¹ Op. cit., p. 77.

³² Л. М. Баткин. Этюд о Джованни Морелли. Вопросы истории, 1962, № 12; Его же. Спор о Данте и социология культуры. Средние века, вып. 34, М., 1971, стр. 286—287.

родной город на Арно, совершивший 15 путешествий в Париж, побывавший в Нормандии, Аквитании, Провансе, Бургундии, Савойе, пять раз посетивший Нидерланды, дважды переехавший Ламанш, чтобы побывать в Лондоне, проживавший в Буде, Загребе, Мюнхене, Гейдельберге, Майнце. Он — космополит, но и флорентинец; он дипломат, но и купец. В 22 года он начинает торговую деятельность и игру в карты как составную ее часть, выполняя обязанности торгового фактора у Маттео делло Шельто Тинги. Он, как и Морелли, — купец, но купец нового типа. Оба эти купца — Морелли и Питти — похожи в одном: они не могут не писать, и пишут — каждый по-своему; и, не предполагая этого, создают две автобиографические повести, центральными фигурами которых являются сами авторы. Морелли и Питти — вовсе не единственные авторы автобиографических сочинений, это явление становится закономерным. В качестве подтверждения можно привести, например, Наддо да Монтекатини,³³ излагающего хронику своих дел.

«Хроника» дел Питти многообразна, как многообразна его деятельность. За границей он купец, игрок, дипломат; во Флоренции он приор (в 1399 и 1404 гг.), гонфалоньер справедливости (в 1417 и 1422 гг.), консул цеха Лана (1405, 1416 и 1421 гг.), член торговой компании Бернардо Чено. Он знает Флоренцию и флорентинцев, его восприятие — флорентинское: Куртрэ он сравнивает с Прато, вос-

³³ Ser Naddo da Montecatini. Croniche fiorentine. Delizie degli eruditi toscani, t. XVIII. Firenze, 1884.

стание майюленов с восстанием чомпи. Родственные узы связывают его с виднейшими семействами Флоренции, он ценит родственные связи, приводя в своей «Хронике» генеалогию своего рода, ссылаясь на копии документов.³⁴ Он пишет на тосканском диалекте, являвшемся главным истоком литературного итальянского языка, хотя его речь не лишена галлицизмов, что вполне естественно для человека, прожившего во Франции немало лет.³⁵ Есть у него и характерная для средневекового писателя риторика, повторение глагольных синонимов, но не это характеризует язык Питти. В целом он подобен нарративной прозе, близкой, как считает Бек, к языку Боккаччо в его «Филострато».³⁶ Он — лаконичен, избегает абстракций, рассуждений и сложных выражений, любит и умеет рельефно использовать глагол.³⁷ Простота и краткость его речи насыщены динамичным действием, движением, деятельностью. Его «Хроника» переполнена глаголами движения: «поехал», «сделал», «вернулся» и т. п. Образцом такого типа является, например, следующая фраза: «Он сказал мне: уедем отсюда. И двинулись мы оттуда домой».³⁸

³⁴ В этих генеалогических частях работы находятся также чрезвычайно важные данные о масштабах мануфактурной промышленности Флоренции в XIV в. (см. В. И. Рутенбург. 1) Очерк из истории раннего капитализма в Италии М.—Л., 1951, стр. 124—128; 2) Народные движения, стр. 28—29).

³⁵ Например: «l' an corant» вместо «l'anno corrente», «lion d'or rampant» вместо «lione d'oro rampante», и т. п.

³⁶ Ch. Ves, op. cit., p. 84.

³⁷ Например: «il quale bere feci voluntieri».

³⁸ «Dissemi: vattene, Andamene a casa».

Питти широко применяет живую речь, диалог, но главным действующим лицом является автор, вся «Хроника» написана в первом лице: она начинается словами «Я, Бонакcorso...» и заканчивается «...Бартоломео мой брат».³⁹ Питти создает целый мир вокруг себя, так как сам он — целый мир событий, чувств, эмоций. Нередко они кажутся совершенно невероятными, хотя они — абсолютно реальны и убедительны. Лаконизм Питти не лишен экспрессии, и, если в его рассказе нет поэтического воображения, он обладает реальностью и красочностью. «Хроника» Бонакcorso Питти — это более чем документ своей эпохи, это — особый вид литературы, автобиография, крайне характерная форма художественных, культурных и психологических произведений эпохи Возрождения.

В. И. Рутенбург

³⁹ «Io Bonaccorso...», «...Bartolomeo mio fratello».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь, как и дальше, под словами «наша коммуна» или просто «коммуна», «синьория» имеется в виду Флоренция.

² Партии гвельфов и гибеллинов, борьба которых раздирала всю Италию, возникли в начале XIII в. и первоначально означали разделение на два лагеря: гвельфы были противниками германских императоров (Гогенштауфенов), пытавшихся утвердить свою власть в Италии, и соответственно — сторонниками папства, возглавлявшего борьбу с империей; гибеллины, напротив, поддерживали империю и боролись против папства. Кроме того, если основную массу партии гвельфов составляло городское бюргерство, то социальной базой гибеллинов было феодальное дворянство, гранды. Однако и социальный состав партий и их политическая ориентация были крайне неустойчивыми и постоянно менялись в зависимости от конкретной обстановки. Тот факт, что Флоренция была естественным оплотом гвельфов, заставляя Пизу и Сьену, близкие к Флоренции и в политическом и экономическом отношении, в борьбе за свою самостоятельность почти всегда примыкать к лагерю гибеллинов. В конце XIV—начале XV в. бюргерская, пополанская верхушка, владевшая всей полнотой власти и в хозяйственной и в политической жизни Флоренции, всегда называет себя гвельфской партией, просто партией, или «Домом» (Casa).

³ Контадо — сельский округ, непосредственно примыкавший к городу и включавший мелкие поселения типа Симифонте, Луйи и др., названных ниже.

⁴ Приоры (6, а затем 8 человек) избирались на два месяца из представителей старших цехов, представляли собой орган высшей исполнительной власти. Приорат возник в 1282 г.

⁵ Сер — официальный титул нотариуса.

⁶ Мессер (messer или dominus — господин) — официальный титул судьи, юриста; применялся также к знатым лицам.

⁷ Антонио далла Скарпериа — врач папы Иоанна XXIII, читал лекции по медицине во Флоренции.

⁸ Гонфалоньер (от gonfalone — знамя) справедливости — буквально означает знаменосец справедливости; возглавлял приорат, осуществляя высшую исполнительную власть в городе, считался также командующим ополчением.

⁹ Цех Лана (от lana — шерсть) — цех шерстяников, один из семи старших цехов Флоренции, наиболее производительный и занимающий первенствующее положение в городе.

¹⁰ Подеста — наместник, правитель, избиравшийся обычно из «иноземного» населения, дабы не быть пристрастным в решении тех или иных дел; подеста жил в специально отведенном дворце со своим штатом чиновников, вооруженной охраной и т. д., был председателем совета (или советов) коммуны, получая за свою службу вознаграждение от коммуны.

¹¹ Видимо, речь идет об участии в «Совете двенадцати старейших» (Buoniuomini), или, как чаще называет его автор «Хроники», «Коллегии Двенадцати» (XII di Collegio); создан в 1320 г., в момент, когда Флоренции угрожала потеря самостоятельности; избирался на шесть месяцев. Фактически вся власть была сосредоточена в руках этого совета, без согласия которого не мог действовать ни приорат, ни гонфалоньер справедливости.

¹² См. прим. 11.

¹³ Речь идет о короле Неаполя Владиславе (1386—1414). О договоре с Владиславом, заключенном в начале 1411 г., см. также прим. 114.

¹⁴ Имеется в виду смертность от эпидемии чумы, свирепствовавшей в 1400 г. во Флоренции и многих других городах Италии.

¹⁵ Рупрехт (в тексте италянизированное имя Руберто) Баварский (1400—1410) — император Германии, вернее Священной Римской империи, включавшей в свой состав, хотя и номинально, помимо Германии, часть Франции и Северную и Среднюю Италию. Титул римского короля автоматически распространялся на носителя имперской короны. Рупрехт, избранный вместо свергнутого Венцеслава, бывшего союзником Милана, воспринимался Флоренцией как естественный противник Милана и союзник Флоренции.

¹⁶ Речь идет о Приюте младенцев-найденшей, основанном, как и все подобного рода учреждения, при монастыре, вступление в который требовало некоторого вклада в качестве необходимого материального обеспечения.

¹⁷ Имеется в виду счет времени по дням, часам и пунктам (или точкам — punti) лунного календаря, основанного на наблюдении за чередованием лунных фаз (новолуние, первая четверть, полнолуние и последняя четверть), полный цикл которых Луна проходит примерно за 29 суток, 12 часов и 44 минуты.

¹⁸ Отсчет суток начинался во Флоренции XIII—XV вв. (и сохранялся на протяжении веков наряду с современным счетом времени) от заката солнца и вечерней молитвы «Аве Мария», что приравнивается приблизительно к шести часам вечера с колебаниями в зависимости от сезона. Следовательно, половина восьмого ночи по флорентинскому времени — примерно около двух часов ночи по современному счету, отсюда понятно и кажущееся противоречие между указанным в тексте часом и представлением о ночи.

¹⁹ Комиссары, или уполномоченные по особым вопросам, рассылались Флоренцией по разным городам подвластной ей территории; что касается Луниджаны, то постоянная угроза со стороны Милана делала эту область важным стратегическим пунктом для Флоренции.

²⁰ Термин «maliscalco» или «maniscalco» имеет широкое толкование, он означает и конюший, и командующий войском (отсюда — маршал), и чиновник, наделенный полицейскими функциями, и кузнец.

²¹ В связи с пребыванием папы в Авиньоне и его зависимостью от Франции в 1375 — весной 1376 г. под руководством Флоренции создается антипапская коалиция, куда входят Милан, Пиза, Лукка, Сьена, Ареццо, Неаполь и Болонья.

²² Папа Григорий XI (1370—1378); в 1377 г. он после длительных колебаний переехал в Рим.

²³ Город Сенья расположен не в Славонии (или, как пишет Питти, — в Искьявонии), а в Хорватии — на территории Венгерского королевства.

²⁴ Бонаккорсо ошибается, так как к моменту заключения мира между Флоренцией и папством, т. е. в июле 1378 г., папой уже был не Григорий XI (он умер 27 марта), а Урбан VI (1378—1389).

²⁵ Речь идет о восстании чомпи — чесальщиков шерсти, наемных рабочих, не входивших в цеховую организацию и, следовательно, совершенно бесправных, и так называемого «тощего народа» (*popolo minuto*) — мелких торговцев и ремесленников, членов младших цехов, стремившихся завоевать более прочные позиции в управлении городом и его экономической жизни.

²⁶ Аммонированные — лица, объявленные подозрительными в политическом отношении и лишенные на этом основании права в течение пятнадцати лет избираться на какие-либо должности; закон об аммонциях (т. е. предупреждениях) был введен в 1358 г. и позволял верхушке гвельфской партии, правившей городом, отстранять любого кандидата, значившегося в выборных списках, тем самым контролируя весь состав городских магистратов.

²⁷ Никкио (*nicchio* — раковина) — название одного из 16 муниципальных подразделений пополанского ополчения Флоренции. Каждое из этих подразделений (или компаний) имело свое знамя и своего знаменосца компании, которые представляли пополанскую, так называемую Малую коммуну в общегородском управлении. См. также прим. 83.

²⁸ Речь идет об изгнании верхушки гвельфской партии — представителей «жирного народа» (*popolo grasso*) — крупных торговцев, банкиров, членов старших цехов, занимавших ключевые позиции в экономике города и его управлении.

²⁹ Должность «защитника» (*difensore*) связана с военными и политическими функциями, по-видимому,

является разновидностью введенной в 1335 г., а затем отмененной должности «капитана безопасности и охранителя мира», призванного защищать население как от внешних, так и от внутренних врагов.

³⁰ Пьеро Гамбакорта — синьор Пизы, в это время находившейся в дружественных отношениях с Флоренцией, а потому пребывание флорентинских изгнанников в Пизе было нежелательно.

³¹ 24 часа — около шести часов вечера; см. прим. 18.

³² Гвальтерото Ланфранки — известный кондотьер, долгое время состоявший на службе у Флоренции и пользовавшийся правами флорентинского гражданина; живя в Пизе, он покровительствовал многим флорентинским изгнанникам, его бывшим хозяевам.

³³ Имеется в виду Пьеро Гамбакорта.

³⁴ Речь идет о Карле III Дураццо, представителе боковой линии Анжуйской династии, с конца XIII в. правившей в Неаполе. В 1380 г., когда происходит описываемые здесь события, Карл Дураццо еще готовился к походу в Неаполь для захвата власти. В 1382 г. он становится королем Неаполя, в 1386-м погибает в Будапеште после успешного завоевания венгерской короны, на которую он имел династические права. Карлом Мирным был прозван за содействие в заключении мирного договора 1381 г. между Венецией и Генуей.

³⁵ Лапо ди Кастильонкьо (умер в 1381 г.) — знаменитый юрист, дипломат, глава гвельфской партии, бежавший из Флоренции во время восстания чомпи и поступивший на службу к Карлу Дураццо.

³⁶ Бернардо ди Чино ди Бартолино деи Бенвенути — флорентинский купец, значительное время живший во Франции и выполнявший дипломатические поручения французских правителей.

³⁷ Джостра — один из видов турнирных состязаний, представляющий собой ряд поединков на копьях между двумя всадниками; цель поединка — выбить противника из седла, пользуясь копьем, снабженным специальным наконечником, не острым и предохраняющим от ранения.

³⁸ Ломбардцами называли во Франции всех итальянцев.

³⁹ Перевод этого отрывка вызывает некоторые сомнения, ибо у Питти сказано, что он приехал в Англию: «per trattare la renzione di Gian di Brettagnia... saputa ch'io ebi la 'ntenzione del duca di Lanchastro che lo

tenea, mi tornai a Parigi...». В примечании к слову «genzione» А. Бакки делла Лега пишет, что его следует понимать как «выкуп». Однако герцог Бретонский, о котором говорится в «Хронике», — Иоанн V (1338—1399), никогда не был пленником англичан; напротив, он воспитывался при дворе Эдуарда III, был женат на его дочери, а в то время, о котором идет речь в данном случае, он скрывался в Англии от гнева французского короля из-за своих связей с англичанами. Иоанн впустил английские войска в Бретань, за что король Франции лишил его герцогского титула и ввел в Бретань свои войска. Возможно, поездка Питти имела целью выяснить планы англичан или предложить Иоанну вернуться в Бретань, куда его призывали восставшие против Франции бретонцы.

⁴⁰ Имеется в виду битва при Розбеке в ноябре 1382 г. между горожанами Гента во главе с Филиппом Артевельде, погибшим в этом сражении, и графом Фландрии, на помощь которому пришли войска французского короля Карла VI (1380—1422).

⁴¹ Коннетаблем Франции, т. е. главнокомандующим французской армией, пользовавшимся в военное время почти неограниченной властью, был в эти годы Оливье де Криссон (умер в 1407 г.).

⁴² Речь идет о так называемой «Битве шпор» (11 июля 1302 г.) при том же городе Куртре, в которой было уничтожено французское войско, а снятые с павших рыцарей шпоры повешены в соборе города.

⁴³ Имеется в виду «Хроника», написанная тремя представителями семейства Виллани в XIV в. — Джованни, Маттео и Филиппо. Во времена Питти «Хроника» неоднократно переписывалась и была весьма популярной среди современников, о чем свидетельствует множество рукописных экземпляров XIV в. Среди печатных изданий см., например: Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Croniche storiche. Milano, Borgoni e Scotti, 1848; Trieste, 1857—1858.

⁴⁴ Автор переносит на французскую почву знакомую флорентинскую терминологию, называя парижскую бедноту «тощим народом», зажиточную часть горожан — «жирным народом», или «боргьези», а знатных лиц (как во Франции, так и в других странах) — синьорами.

⁴⁵ Габелла во Франции — первоначально косвенный налог на соль, а затем и на прочие товары.

⁴⁶ Бертран Дюгеклен (1320—1380) — знаменитый французский полководец при Карле V.

⁴⁷ Название «майотены» происходит от франц. *maillotin*, что значит «железный молоточек».

⁴⁸ Сен-Дени — королевское аббатство под Парижем.

⁴⁹ Кажущаяся путаница в датировке событий (начала битва при Розбеке в ноябре 1382 г., а после нее в январе того же года — расправа с майотенами) объясняется тем, что по флорентинскому летосчислению новый год начинался 25 марта и, следовательно, ноябрь предшествовал январю. Это необходимо учитывать и при прочих датировках событий, упоминающихся в «Хронике» Питти.

⁵⁰ Речь идет о Иоанне Бретонском (см. прим. 39), который к этому времени с помощью английских войск восстановил свои права на Бретань, после чего принес присягу в верности французскому королю.

⁵¹ О цели своих частых посещений Альберта Баварского (герцога Голландии и Зеландии) Питти ничего не сообщает, но, учитывая, что герцог был в родстве с германским императором, т. е. потенциальным противником Франции, можно предположить, что поездки эти были вызваны не только желанием играть в карты, но и дипломатическими поручениями.

⁵² Так называемые *pavi di gabbia* — буквальный перевод означает «клеточные корабли», особый вид парусного флота со смотровыми площадками в виде подвесной клетки (*gabbia* — клетка).

⁵³ Питти называет его *massaio*, что означает эконо-м, казначей, управитель. По своему положению *massaio*, видимо, близок к мелкому арендатору, оставившему участок, но сохранившему от своего «подлого», вилланского происхождения зависимость от бывшего хозяина. Именно поэтому Питти, взявший его в компанию, постоянно называет его неблагоприятным, подлым мужиком (*ingrato villano*).

⁵⁴ Речь идет о попытках Флоренции с помощью названных послов заключить с Францией союз против Милана.

⁵⁵ Имеется в виду старая вражда между семьями Питти и Корбицци из-за убийства в апреле 1380 г. в Пизе Маттео дель Рикко Корбицци.

⁵⁶ «Восемь охраны» (*Otto di guardia*) — первоначально временный совет, созывавшийся только в момент

особой опасности, угрожавшей городу; к концу XIV в. «Восемь охраны» функционирует постоянно, по сути дела контролируя деятельность приората и прочих органов власти.

⁵⁷ Наряду с чеканившимся с 1252 г. во Флоренции золотым флорином в XIV в. широкое распространение получает кредитно-вексельная система расчетов, одной из форм которых были «платежные письма», или «платежные бумаги» (*lettere di pagamento*), облегчавшие ведение торговых сделок, освобождая купца от необходимости возить с собой мешки с деньгами, и т. п.

⁵⁸ Час ноны — время трехчасовой вечерней службы перед заходом солнца.

⁵⁹ Энгерран де Куси — французский полководец, возглавивший в сентябре 1394 г. экспедицию герцогства Миланского с целью захвата Генуи. Питти ведет переговоры об установлении в Савоне и Генуе власти Франции вместо более опасной для Флоренции власти Милана.

⁶⁰ Папа Бенедикт XIII (1394—1417) — бывший профессор права, испанец Петр де Луна, избранный авиньонскими кардиналами после смерти Климента VII одновременно с ранее избранным папой Бонифацием IX (1389—1404), который находился в Риме.

⁶¹ Жена Карла VI Изабелла Баварская — дочь герцога Стефана Баварского и внука герцога Милана Бернабо Висконти, свергнутого и казненного своим племянником и соправителем Джан Галеаццо Висконти. Отсюда — направленная против Джан Галеаццо политика Изабеллы и стремление Флоренции использовать эту антимиланскую позицию Изабеллы для заключения союза с Францией против Милана.

⁶² Особая комиссия, создававшаяся олигархией для рассмотрения наиболее важных вопросов; постановления «пратик» имели законодательный характер.

⁶³ Мазо дельи Альбицци — глава флорентинской олигархии, на протяжении многих лет занимал все руководящие посты в управлении городом.

⁶⁴ Имеются в виду налоги, связанные с владением недвижимым имуществом.

⁶⁵ Нотариус посольства оформлял всю документацию флорентинских послов как при отъезде, так и в ходе переговоров, иногда сопровождая посла к месту назначения и осуществляя таким образом тщательный

надзор за всей процедурой переговоров. С конца XIV в. в роли такого рода нотариусов выступают большей частью ученые юристы, получившие специальное образование.

⁶⁶ Договор между Францией и Флоренцией (29 сентября 1396 г.) предусматривал взаимную помощь на протяжении пяти лет против возможной миланской агрессии.

⁶⁷ Герцог Луи Орлеанский был женат на Валентине, дочери Джан Галеаццо Висконти, что делало его потенциальным наследником миланских владений и постоянно сказывалось на французо-флорентинских взаимоотношениях.

⁶⁸ Речь идет об ученом звании доктора права Филиппо ди Томмазо Корсини (1334—1421), знаменитого юриста, занимавшего видное место в политической жизни Флоренции.

⁶⁹ Имеется в виду битва при Никополе (на правом берегу Дуная) 28 сентября 1396 г., где турки разбили войска венгерского короля Сигизмунда Люксембургского и пришедшие к нему на помощь крестоносные войска, в том числе и французские.

⁷⁰ Карл VI, подверженный приступам тяжелого психического заболевания, по временам совершенно терял разум, что создавало благоприятную обстановку для всевозможных политических интриг и борьбы различных группировок за власть и влияние в ходе тех или иных переговоров.

⁷¹ Имеется в виду латынь, на которой считали своим долгом говорить ученые флорентинские юристы; отсюда выражение: «Держать речь на грамматике», т. е. на латинском языке.

⁷² В Венеции в это время находились послы Болоньи, маркизы Феррары, Мантуи и Римини, которые вели переговоры с послами Флоренции о заключении союза.

⁷³ Терца — первые три часа утра, т. е. здесь, видимо, около полудня.

⁷⁴ «Десять балли», или «Десять особоуполномоченных» — совет, первоначально избиравшийся общим собранием коммуны в особых случаях и имевший право принимать любые экстренные меры. К концу XIV в. «Десять балли», «Восемь охраны» и другие вновь возникавшие комиссии и советы вытесняют приорат и сосредотачивают в своих руках всю власть в городе.

⁷⁵ Речь идет о перемирии, заключенном 11 мая 1398 г. на десять лет, но тут же нарушенном миланским герцогом, который, нейтрализовав своих противников, захватил ряд территорий, граничащих с Тосканой.

⁷⁶ По сумэ 1381 г. (borsa — сумá, кошель, сумка) — означает по списку лиц, могущих быть избранными на правительственные должности, который был составлен сразу после восстания чомпи. Списки с именами граждан вкладывались в специальные сумы, откуда их тянули по жребию.

⁷⁷ Аккопнаторы — должность, связанная с перепиской и хранением выборных списков, а также с надзором за самой процедурой выборов.

⁷⁸ Речь идет о борьбе Владислава Неаполитанского против французского претендента на Неаполь Луи II Анжуйского, которая в июле 1399 г. завершилась победой Владислава.

⁷⁹ Чисто увеселительные упражнения с оружием, для которых характерно отсутствие элемента состязания или борьбы, в отличие от джостры — единоборства на копьях. Как и в джостре, участники армеджаменты выступали в соответствующей праздничной одежде и на конях.

⁸⁰ Речь идет о религиозном в своей основе движении паломников, которые к «юбилейному» 1400 году массами стекались в Рим.

⁸¹ Стинкэ — тюрьма во Флоренции.

⁸² Капитан, как и подеста, избирался из иногородних граждан, в его руках была сосредоточена военная власть. Обе эти должности (подеста — в Большой коммуне, капитан — в Малой) существовали параллельно, но в конце XIV в. власть капитана была значительно более реальной, чем власть подесты.

⁸³ Коллегия, или коллегии (collegio, college), — два совета при приорате: «Коллегия Двенадцати» (см. прим. 11), и 16 гонфалоньеров народного пополацкого ополчения (см. прим. 27). Как правило, все решения принимались только с согласия этих двух советов.

⁸⁴ Рупрехт Баварский (1400—1410) — император Германии.

⁸⁵ Держать поле (tenere il campo) — т. е. созывать имперский сейм, куда князья (а позднее представители имперских городов) съезжались со своими военными отрядами.

⁸⁶ Совет специалистов или консультантов (*consiglio di ricchi*) созывался по мере необходимости решения отдельных вопросов.

⁸⁷ Битва при Брешии — 21 октября 1401 г.

⁸⁸ Т. е. в начале декабря 1401 г.

⁸⁹ Род Малатеста — властители Римини, Чезены, Пезары и Фано.

⁹⁰ Новые люди, «выскочки» (*la gente nuova*) — представители сравнительно недавно нажитых состояний, в основном члены младших цехов, претендующие на места в государственном аппарате коммуны, поделенные внутри узкой олигархической группы старых богатых пополаиских семейств.

⁹¹ Имеются в виду юноши из знатных родов, которым за определенные заслуги — их или их отцов — разрешалось вступать в младшие цехи, где они быстро приобретали ведущее положение.

⁹² Гонфалоньеры компании — то же, что 16 гонфалоньеров или коллегия шестнадцати (см. прим. 27 и 83).

⁹³ В отличие от контадо — сельского округа, непосредственно примыкавшего к городу, дистретто — города и поселки более отдаленных районов завоеванной Флорентийской территории; и в экономическом и в политическом отношении и те и другие подчинялись Флоренции и управлялись ее магистратами.

⁹⁴ Викарий, или наместник, управитель, — должность, замещаемая по назначению правительства.

⁹⁵ Бусико — прозвище французского маршала Жана де Менгр (1364—1421). Наместник Франции в Генуе, признавшей французский протекторат, менее опасный для города, чем власть Милана.

⁹⁶ 15 апреля 1404 г. Пиза, чтобы гарантировать себе безопасность со стороны Флоренции, также признала верховную власть Франции, осуществлявшуюся тем же Бусико.

⁹⁷ Перемирие между Флоренцией и Пизой заключено 25 июля 1404 г. на четыре года; флорентинцы получали на это время право торговли в пизанском порту.

⁹⁸ Консулы цеха (число их колебалось от двух до двадцати в разное время) избирались из наиболее зажиточных мастеров, распоряжались всеми делами цеха, являлись судьями по внутрицеховым вопросам и пред-

ставляли свой цех в общеполитических органах коммуны.

⁹⁹ Речь идет о короле Неаполя Владиславе (1386—1414) и папе Иннокентии VII (1404—1406), между которыми летом 1406 г. происходит ожесточенная борьба за власть над Римом.

¹⁰⁰ Речь идет об авиньонском папе Бенедикте XIII; см. прим. 60.

¹⁰¹ По-видимому, имеются в виду дошедшие до Франции слухи о тайном договоре, который в августе 1405 г. маршал Бусико и герцог Неаполя заключили с Флоренцией относительно продажи ей Пизы.

¹⁰² Роль герцога Бургундского ни для кого не была секретом, тем более что, устранив с помощью подкупленных убийц Луи Орлеанского, младшего брата короля Карла VI и своего главного соперника на пути к власти, Иоанн Бургундский, вначале испугавшийся последствий убийства, затем признался в том, что был его инициатором.

¹⁰³ Папа Александр V (1409—1410) был избран Пизанским собором; на соборе было объявлено о смещении авиньонского папы Бенедикта XIII и римского папы Григория XII (1406—1409), что еще более усугубило раскол церкви, так как смещенные папы не признали решений собора.

¹⁰⁴ Речь идет о Луи II, герцоге Анжуйском, претенденте на неаполитанскую корону. Питти называет его Луиджи (на итальянский манер), или королем Луи.

¹⁰⁵ Лига между Флоренцией и Луи II Анжуйским была заключена 12 июня 1409 г. Цель лиги — оградить Флоренцию от угрозы, создавшейся благодаря территориальным завоеваниям Владислава Неаполитанского в Тоскане.

¹⁰⁶ Речь идет об основанном францисканским орденном госпитале, расположенном на одном из основных путей паломничества в Рим и являвшемся постоянным источником дохода для того, кто управлял им.

¹⁰⁷ Балтассаре Косса был избран папой после смерти Александра V (3 мая 1410 г.) и правил под именем Иоанна XXIII (1410—1415).

¹⁰⁸ Никколо да Уццано, имя которого постоянно упоминается на страницах «Хроники», один из фактических правителей Флоренции, направлявший с 1380-х годов все важнейшие мероприятия республики.

¹⁰⁹ Папа Иоанн XXIII — см. прим. 107.

¹¹⁰ Луиджи да Прато — секретарь и советник папы Иоанна XXIII.

¹¹¹ Коменда — в данном случае означает доход с церковных поместий.

¹¹² Имеется в виду Луи II Анжуйский; см. прим. 104.

¹¹³ Сфорца да Кутиньола (1369—1424) — знаменитый кондотьер, служивший разным властителям, в 1405—1406 гг. участвовал в захвате Пизы Флоренцией.

¹¹⁴ Основным условием договора, подписанного в первые дни января 1411 г., была покупка Флоренцией города Кортонны, незадолго до того захваченного Владиславом, и обязательство последнего отказаться от дальнейших притязаний на территории в Тоскане и Римской области.

¹¹⁵ По закону 1293 г. (так называемые «Установления справедливости»), закрепившему победу флорентинских пополанов над феодальной знатью, перевод в гранды означал лишение гражданских прав.

¹¹⁶ Речь идет о Луи Анжуйском, который, не имея достаточных средств для содержания армии и флота, потерпел поражение от Владислава и вынужден был вернуться во Францию.

¹¹⁷ По условиям заключенного договора Иоанн XXIII признает Владислава законным королем Неаполя (вопреки своему договору с Луи Анжуйским), называет Владислава своим союзником и военным защитником, за что Владислав со своей стороны объявляет Иоанна единственным законным папой; однако оба союзника — и папа, и Владислав — почти сразу же стали нарушать только что заключенный ими мир.

¹¹⁸ Речь идет о германском императоре Сигизмунде (1411—1437), который под предлогом коронационного похода в Рим стремился хотя бы частично восстановить власть империи над Италией и которого папа Иоанн XXIII пытался использовать в борьбе против Владислава Неаполитанского.

¹¹⁹ Рим был захвачен Владиславом 8 июня 1413 г.; воспользовавшись политикой Иоанна XXIII, Владислав действовал в Риме не как защитник папы, а как завоеватель, подвергнув город разграблению.

¹²⁰ Сант Антонио дель Весково — архиепископский дворец подле Флоренции, куда направились флорентинские приоры для переговоров с папой.

¹²¹ Имеются в виду должности и советы так называемой Малой коммуны, связанные с цеховым устройством и находившиеся в руках богатой пополанской верхушки, составлявшей основу гвельфской партии (см. также прим. 2).

¹²² Гибеллинами Питти называет грандов, многие из которых, хотя и лишены политических прав, оставались в городе и по своим занятиям и экономическому положению сблизилась с «жирными» пополанами. В конце XIV в. происходит процесс перевода ряда грандов в пополаны, т. е. возвращение им гражданских прав, но с некоторым ограничением: представители знатных семейств не могли участвовать в законодательных органах Флоренции, но получали право на замещение прочих должностей. О «новых людях» см. прим. 90.

¹²³ Советники, или помощники (*aroti, arrotos*), — вариант временных чрезвычайных комиссий, призванных помочь в решении тех или иных серьезных, вызванных особыми обстоятельствами вопросов.

¹²⁴ Лестница, Раковина, Кнут, Дракон и прочие нижеперечисленные названия относятся к тем муниципальным «компаниям» и их знаменам, на которые делилось пополанское население коммуны. От каждой из этих 16 компаний было выделено по пять человек, которые вместе с перечисленными далее 16 грандами и составили комиссию из 96 советников, назначенных для пересмотра избирательного списка.

¹²⁵ Имеется в виду 1413 г.

¹²⁶ Браччо да Монтоне и Тарталья да Лавелло — кондотьеры, попеременно служившие то Флоренции, то Неаполю, участвовали во взятии Рима в 1413 г. и после бегства папы Иоанна XXIII были военными управителями Патримония от имени короля Неаполя.

¹²⁷ Паоло Орсини — представитель старой римской знати, неоднократно менявший свои политические симпатии; он правил Римом от имени папы Григория XII, потом вошел в союз с Владиславом Неаполитанским, соперничая с кондотьерами за власть в Риме.

¹²⁸ После смерти мужа приданое жены должно было вернуться к вдове, чтобы, используя это же приданое, она могла вторично выйти замуж.

¹²⁹ Должность реформаторов (*reformatori*, или *notaio delle riformagione*) связана с функциями секретаря-нотариуса в законодательных советах.

¹³⁰ Выборщики магистратов, или *notaii delle tratte* (в тексте они называются *elezionarii di retorica*), — нотариусы, занимающиеся выборными списками; видимо, именно они тянули жребий во время выборов. В их функции входило также следить за правильностью заполнения списков, вносить в них изменения, связанные с отводом той или иной кандидатуры, с болезнью или любыми процедурными вопросами. Кроме того, поскольку выборы были основаны на системе периодического чередования должностей и исчерпания вложенного в суму (или кошель) списка имен, то наблюдение за списками и за тем, чтобы в них не попали лица, негодные правящей олигархии, приобретало особое значение. Поэтому и сами выборщики магистратов, также избиравшиеся, подвергались особо тщательной проверке.

¹³¹ Регуляторы — занимались контролем и учетом доходов и расходов коммуны.

¹³² Имеется в виду список 1391 г., составленный вскоре после восстания чомпи и закрепивший победу богатых пополанов.

¹³³ Зерцалом (*specchio*) назывался во Флоренции список должников по выплате налогов; занесение в этот список означало лишение права занимать должности в государственном аппарате коммуны.

¹³⁴ Папа Мартин V (1417—1431) избран 11 ноября 1417 г. Констанцским собором, сместившим Иоанна XXIII и покончившим со схизмой (Бенедикт XIII также был признан собором незаконно избранным, а Григорий XII сам был вынужден отказаться от папской тиары).

¹³⁵ Альбареле — старое название венгерского города Штульвейсенберга (в венгерской транскрипции — *Szekefehervar*).

¹³⁶ Теряк — противоядие от укусов ядовитых животных.

¹³⁷ Чиновники Честности, или Целомудрия (*ufficiali del'Onestà*) следили за соблюдением нравственности.

¹³⁸ Речь идет о строительстве знаменитого флорентинского собора, начатого в 1296 г. Арнольфо ди Камбио и завершенного в XV в. Брунеллески.

¹³⁹ Ливорно был куплен Флоренцией у Генуи 30 июня 1421 г.

¹⁴⁰ В связи с эпизодом об убийстве графа Мончоне (Питти неоднократно возвращается к рассказу о нем) и указанными здесь датами, необходимо помнить, что началом года во Флоренции считался не январь, а март, и, следовательно, путаница в изложении событий только кажущаяся, и далее речь идет о событиях 1422 г.

¹⁴¹ Речь идет о только что выстроенных галерах — первенцах собственного морского флота Флоренции, необходимость в котором возникла после приобретения двух портов — Пизы и Ливорно.

¹⁴² Так называемые Ufficio di Grascia.

¹⁴³ Помимо обычной свадебной церемонии брачные отношения скреплялись финансовым соглашением, которое составлял нотариус и в котором точно оговаривалась сумма приданого. Причем отец невесты или другой родственник, бравший ее под защиту, должен был поручиться за уплату приданого в определенный срок (если приданое не вручалось тут же), а в случае смерти мужа — требовать его возврата; вручение приданого также оформлялось соответствующим документом и гарантией другой стороны. Отсюда постоянно повторяющаяся фраза: «поручился за приданое» (*sodò la dota*).

¹⁴⁴ Речь идет о смерти кондотьера Брачко да Монтоне, убитого 2 июня 1424 г. (см. также прим. 126).

¹⁴⁵ Монакино — бархатистое сукно темно-красного или рыжеватого цвета.

¹⁴⁶ Цель союза — совместная война Флоренции и Венеции (к ним присоединились также Феррара, Мантуя, Сьена, Савойя и Неаполь) против Милана, войска которого, одержавшие ряд побед в Тоскане, угрожали уже самой Флоренции.

¹⁴⁷ По-видимому, речь идет о благотворительном обществе, шефствующем над Приютом младенцев-подкидышей — *Officiali del Bighallo*.

¹⁴⁸ Имеется в виду битва при Маклодио, после которой последовало временное затишье в ходе военных действий.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Адимари Лиза 16
 Адимари Лионарда 1;
 Адимари Майнардо 11
 Адимари Филиппо дельла Трита
 дельи 16
 Аламанни Катерина ди . . . 16
 Александр V 112—114, 164, 229
 Алессандро Алессандро д'Уго
 дельи 181
 Альберготти 42
 Альбергуччо 100
 Альбериго Антонио 23
 Альберт Баварский 51, 53, 55, 224
 Альберти Кальчидонио дельи 111
 Альберти Чиприано дельи 15
 Альбицци Альберто ди Пепо дельи
 109, 110
 Альбицци Антонио ди Тедиче
 дельи 145
 Альбицци Аньоло ди Лаидо дельи
 14
 Альбицци Бинделла 19
 Альбицци Лотьера 13
 Альбицци Лука Антонио 13, 190
 Альбицци Лука ди Пьеро ди Фи-
 липпо дельи 13, 14, 19, 58, 118
 Альбицци Маво дельи 70, 71, 95,
 105, 118, 140, 161, 225
 Альбицци Никколайо ди Пепо
 дельи 136
 Альбицци Никколо 13
 Альбицци Паоло дельи 14
 Альбицци Паоло ди Пьеро дельи
 108
 Альбицци Пьеро да Лука дельи
 13, 14, 19, 129
 Альбицци Ринальдо дельи 173, 180
 Альбицци Филиппо дельи 14
 Альдобрандини Альберто ди Ру-
 берто 145
 Альдобрандини Джованни ди Джо-
 ванни 80, 136
 Альи Биндо ди Франческо дельи
 139
 Альи Пьеро д'Адовардо дельи 139
 Альи Пьероцо ди Франческо дельи
 136
 Альи Чиполаа д'Алессандро дельи
 139
 Альовити Бартоломео ди Барди
 105, 138
 Альовити Гилъельмо ди Бардо 108
 Альовити Лоренцо 14
 Альовити Микеле 79
 Альовити Сандро ди Вьери 129
 Альовити Стольдо 43

¹ Составлен С. Н. Искюлем.

- Альфани Биче 11
 Альфани Джованни 10, 11
 Амбиа д' 65
 Амидеи Джованна ди Томазо 13
 Амирати 7
 Амирати Давидино ди Келе 118, 137
 Анджиолино Анджиолино ди Гьяльельмо д' 181
 Анджольери Чекко 203, 205, 206
 Андреа Лоренцо д' 138
 Андреа Пуччино ди 136
 Ансельми Пьеро ди Джованни 135
 Антелла Джованни ди Мазино дальи 43
 Антелла Мазино ди Пьеро дальи 118, 172
 Анчиза Андреа да 102
 Аньоло Бьяджо д' 136
 Аньоло Лоренцо д' 79
 Ардингелли Томмазо ди Нери 138
 Ардингелли Франческо ди Нери 79
 Аригетти Корсетто ди Якопо 118, 137
 Ариги Берто ди Якопо 145
 Аригуччи Филиппо ди (Арриго) 138
 Арманьяк Бернар д' 75, 78, 79
 Армо Дуччино д' 40
 Арнольфи Баттиста 16
 Арнольфи Джованни ди Нофри 137
 Арнольфи Доффо 16
 Арриги Бернардо ди Якопо 173
 Арриги Джованни ди Франческо 171, 178
 Арриго 118
 Арриго Паоло 118
 Артевельде Филипп д' 45, 47, 223
 Артевельде Яков 194
 Астаи Биндо дальи 117
 Астаи Филиппо дальи 117
 Астаи Якопо дальи 117
 Аччайуоли Адовардо ди Лодовико 138
 Аччайуоли Антонио даль 173
 Аччайуоли Маргерита 179
 Аччайуоли Микеле 112
 Аччайуоли Нери Донато 179
 Аччайуоли Руберто 171
 Аччайуоли Франко ди Донато 173, 179
 Бадесса Брандо делла 130
 Бакки делла Лега Альберто 197, 198, 223
 Бальди Бальдо ди Гвидо 111
 Бальди Бартоломео ди Гвидо 29, 30
 Бальдо Бальдо ди Нофри ди 174
 Бальдовинетти Гвидо дель Пера 16
 Бальдовинетти Гостанца 16
 Бальдовинетти Пера дель Пера 138
 Бальдовинетти Солетто дель Пера 118
 Банко Джованни ди Лодовико ди 104, 115
 Баньезе Риньери ди Бардо 136
 Баньези Джорджо 30
 Баньези Катерина 30
 Барбадоро Джованни 79
 Барбадоро Донато 79
 Барбадоро Никколо ди Донато 128, 137, 146
 Барбиано Альбериго да 98
 Барди 157
 Барди Антония ди 11
 Барди Никколо ди Бетто 38, 39, 41
 Барди Пьеро дель Агинольфо деи 139
 Барди Чезаре ди Джирамонте деи 139
 Барди Якопо ди Ванощо деи 136
 Барончелли Герардо 23
 Барончелли Ингилезе ди Симоне 14, 135
 Барончелли Маргерита 14
 Барончелли Пьеро ди Джованни ди Пьеро 123
 Барончелли Сандро ди Франческо 108
 Барончи Лоренцо ди Томазо 104, 118
 Бартоли Карло ди Томазо 177

- Бартоли Симоне ди Арриго 108
 Бартолини Антонио ди Франческо 144
 Бартолини Бартоломео ди Лионардо 138
 Бартолини Салимбене 171
 Бартоломео Гаспаре ди 20
 Бардулино 103
 Бардулино Кристофано ди 103
 Баткин Л. М. 186, 214
 Бек Кристиан 187, 214, 216
 Беккануджи Москоне деи 42
 Белинчини Андреа 70
 Белинчини Никколо 71
 Белинчони Андреа 13
 Беллави Джованни ди Тивьосино 81
 Беллаччо Никколо ди Джованни дель 172, 181
 Бенвенути Бернардо ди Чино ди Бартолино деи 222
 Бенвенути Никколо ди Марко 104
 Бенедикт XIII 62, 63, 161, 163, 225, 229, 232
 Бенино Аньола 11, 12
 Бевино Никколо д'Андреа дель 11, 12, 172
 Беминци Якопо 182
 Бентакорди Део 79
 Бевтивольо Джованни 98
 Бернабо 23
 Бернардино да Съена 208
 Берначча Аньола ди Биндо 180
 Беррийский, герцог 62, 65, 67, 68
 Берто Андреа ди 108
 Беччи Джованни ди 22
 Бианко Джованни ди Лодовико ди 137
 Бикьелло Лапо ди 21
 Бильоти Бетто 13
 Бильоти Джованоццо 13
 Бильоти Паоло ди Франческо 137
 Бильоти Риньери 13
 Биньоти Джованни 13
 Биньоти Никколоайо 13
 Бискери Бартоло ди Нофри 108
 Бискери Джованни ди Нофри 118, 129, 139, 172
 Биффоли Джованни ди Франческо 177
 Биффоли Симоне 79
 Богоньуоли Герардо 15, 79
 Богоньуоли Доменико 15
 Богоньуоли Маттео ди Доно 15
 Богоньуоли Феличе 15
 Боккаччо 185, 192, 207, 216
 Боконти Франческо 100
 Бонаккорсо Кристофано ди 16
 Бонафедо Бартоло ди Джованоццо ди Бартоло 139
 Бондельмонти Биндо 31
 Бондельмонти Герардо ди Герардо 139
 Бондельмонти Лоренцо ди Герардо 136
 Бонифаций IX 225
 Бонконтни Вани 38
 Боно Таленто ди Филиппо ди 22
 Бонуччо Манно ди 138
 Бончани Пьеро 12
 Боргини Мазо ди Заноби 145
 Боргини Мазо ди Таддео 137
 Боргоньони Андреа ди Заноби 172
 Бордови Паоло ди (Бернардо) 138
 Бостали 42
 Брабантский, герцог 43, 45
 Браччо да Монтоне 116, 144, 145, 174, 178, 231, 233
 Браччолини Поджо 207
 Брунелески 185
 Брунелески Альдеротти 16
 Брунелески Антонио 16
 Брунелески Бернардо 16
 Брунелески Брунелеско 16
 Брунелески Габриэлло 16, 141
 Брунелески Джованни 16
 Брунелески Сальвестро 16
 Брунелески Франческо 16, 232
 Букерелли Якопо 177
 Бульяффа Филиппо ди Кристофано дель 145, 178

- Бурбонский, герцог 50, 62, 65, 67, 69, 161
 Бургундская, герцогиня 46
 Бузини Бетто ди Джованни 122, 136
 Бузини Никколо дель Буоно 118
 Бучелли Джованни ди Франческо 136
 Бучелли Настаджо 79
 Бьяджи Джованни 19

 Валентина Орлеанская 226
 Валори Бартоломео ди Никколо ди Таальдо 114, 124, 139, 145
 Валори Никколо ди Бартоломео 171
 Варадзано Банко да 20
 Варадзано Бернардо ди 45
 Варацано Брунетто ди Презе ди 108
 Варезе 187
 Веккьетти Бернардо ди Ванни 118, 136, 146
 Веккьетти Марсилио 145
 Веллутти Антонио 173
 Веллутти Донато ди Ламберто 186, 202, 211, 212
 Веллутти Донато ди Микеле 108
 Веллутти Донато ди Пьеро 145
 Веллутти Констанца ди Боккаччо 21
 Вердиано Никколо ди 179
 Верначча Аньоло ди Биндо 173
 Веселовский А. Н. 208
 Веспуччи Лапо ди Бьяджо 172
 Веттори Андреа ди Нери 91, 93, 95
 Веттори Джованни ди Джаноццо 135
 Веттори Лоренца (Малютка) 14
 Веттори Нери дель Аньоло 14
 Вивинани Чилле ди Нери 172
 Вивинано Нери ди 171
 Виллани Джованни 211, 223
 Виллани Маттео 223
 Виллани Филиппо 46, 223
 Винка Джованни да 23
 Винья Антонио ди Якопо дель 104
 Висконти Бернабо 225
 Висконти Джан Галеаццо 189, 225, 226
 Виссо Фестино да 22
 Вителла Джованни ди Биндо делла 40
 Владислав 16, 80, 109, 112, 115, 116, 124, 130, 133, 134, 140, 219, 227, 229—231

 Габриеле Мария 105, 106
 Галли Папи 23
 Гамбакорта Пьеро 36, 39, 222
 Гангаланди Лука ди Чино да 145
 Гаскони Якопо ди Франческо 108
 Гваданьи Бернардо ди Вьери 109, 139, 163
 Гваданьи Вьери ди Вьери 104
 Гваскони Бернардо ди Бьяджо 136
 Гваскони Бьяджо ди Якопо 178, 180
 Гвидетти Гвидетто 129
 Гвидетти Якопо ди 22
 Гвиди Доменико ди Пьеро 172
 Гвидотти Томмазо 138
 Гвидотти Якопо 22
 Гвиницелли Гвидо 204
 Гвиччардини Луиджи 32
 Гвиччардини Никколо ди Луиджи 20
 Гвиччардини Паола дель Мачанте 20
 Герарди Бернардо ди Бартоломео 174
 Герардини Аттавиано ди Каччатнио 139
 Герардини Бартоломео ди Джакопоне 104
 Герардини Бартоломео ди Якопо 139
 Герардини Якопо ди Пьеро 135
 Герман 88, 99
 Геруччи Паоло ди Франческо 139
 Гете 186, 187
 Гогенштауфены 218
 Годжо Томазо ди Джакоминно ди 118
 Гонди Алессандра 181
 Грандони Андреа 11
 Грандони Бьянка 11
 Грандони Колино 11

- Грассо Никколо ди Беноццо 137
 Грассолони Томео 117
 Григорий XI 28, 32, 221
 Григорий XII 229, 230, 232
 Гримальди Джорджино дед 142
 Гримальди Онорато дед 142
 Гукровский М. А. 186, 201, 202,
 207—209, 213
 Гуччо Андреа ди 136
- Давици дед 83
 Данте 185, 205, 206, 214
 Дато Джованни ди 136
 Декани Джованни 94, 95
 Джандонати Лодовико ди Якопо 136
 Джандонати Угуччоне 118
 Джанни Асторе ди Никколо ди
 Герардино 130, 137
 Джанни Никколо 108
 Джанни Никколо ди Герардино 108
 Жанфильяцци 125
 Жанфильяцци Джаноццо 182
 Жанфильяцци Папино 128
 Жанфильяцци Ринальдо 95, 104—
 106, 122, 124, 131, 138
 Жанфильяцци Якопо ди Ринальдо
 108, 153
 Джетта Аньола 10
 Джетта Франческо дед 10
 Джиминьяно Никколайо ди Берто
 да Сан 175, 177, 181
 Джини Джулиано ди Бартоло 19
 Джинори Антонио 12
 Джинори Заноби 12, 36
 Джинори Катерина 12
 Джинори Никколо ди Заноби 12
 Джинори Пьеро 12
 Джиральди Джиральдо ди Лоренцо
 108, 118, 135
 Джиролами Джери дель Теста 138
 Джиролами Контессина дед 11
 Джованна 21
 Джованна ди 21
 Джованни Аньола ди Филиппо ди
 107, 109
- Джованни Бартоломео ди Рикардо
 14
 Джованни Лоренцо ди 137
 Джованни Луиджи ди Бартоломео
 59, 61, 111, 142
 Джованни-мельник 20
 Джованни Фореста ди 23
 Джовта Мильоре ди 70
 Джорджо Кристофано ди 112
 Джотто 185
 Джудиче Лапо дель 21
 Джулиано 18
 Джунта Лизабетта 10
 Джунта Маргерита 10
 Джунта Мильоре ди 10
 Джунта Никколо 10
 Джунта Филиппо 10
 Джунта Чоне 10
 Джустини Джулиано 177
 Джуњи Анджелино 181
 Джуњи Андреа ди Никколо 138,
 153
 Джуњи Джованни ди Доменико 146
 Джуњи Никколо ди Доменико 181
 Джуњи Филиппо 144
 Дино Якопо ди 138
 Доменико 104
 Доменико ди 21
 Донателло 185
 Донати Антонио ди Кокко 20
 Донати Апардо д'Апардо 139
 Донати Джованни ди Кокко 145
 Дорде 84
 Дуранте Антонио ди 79, 144
 Дюгеклен Бертрам 47, 224
- Заноби Альберто ди 118
- Изабелла 188, 225
 Иннокентий VII 229
 Инфангати Джованна дельи 9
 Иоанн V Бретовский 45, 53, 223,
 224
 Иоанн Бургундский 51; 62, 63, 75,
 109, 110, 161, 229

- Иоани XXIII (Балтассаре Косса) 114, 121, 134, 141, 219, 229—232
- Кавальканти** Бернардо ди Бернардо 139
- Каверелли Андреа ди Джусто 14
 Каверелли Курадина 13, 14
- Кавиччули Америкго ди Никколо 139
 Кавиччули Джемма 31, 32
 Кавиччули Риньери 31
 Кавиччули Сальвестро ди Филиппо 83
- Кавиччули Спиелло ди Джованнелло 136
- Кавиччули Якопо 31
- Каза Аньоло ди Геццо дадла 153
 Каза Аттавиано ди Тино дадла 79, 80
- Кавасси Мариано 113—115
- Камби Камбио 10
- Камби Катерина 10, 11
- Камби Пьеро 10
- Камби Тесса 10
- Камбио Ариольфо ди 232
- Камбио Камбио 19
- Камбио Франческо ди 10, 11, 19
- Каиаччи Бартоло ди Джованини 136
- Каиаччи Корсо 109
- Каие Бернарда 15
- Каие Бернардо 15
- Каие Липпо ди Чоне дель 15
- Каие Сисмонда 15, 19
- Каниджани Антонио 60
- Каниджани Бардуччо ди Франческо 136
- Каниджани Герардо 59, 79
- Каниджани Луиджи 59
- Каниджани Франческо 55, 57, 129
- Каппони Агостино да Джино 180
- Каппони Джино ди Нери 114, 124
- Каппони Пьеро д'Аньоло 108
- Каратези Бернардо ди Кастелло 137
- Кардуччи Джованини 10, 129
- Кардуччи Лиза 10
- Кареджи Лионардо ди Томазо да 104
- Каркелли Бернардо 108
- Каркелли Джованини 108
- Карл Великий 56
- Карл III Дураццо (Мирный) 41, 42, 156, 222
- Карл V 224
- Карл VI 188, 223, 226, 229
- Карнесекки Кристофано 118
- Карнесекки Паоло ди Берто 138, 174
- Кароччи Кароччо 38, 39
- Кастеллани 125
- Кастеллани Берто 78
- Кастеллани Ванини 72, 76, 108, 123, 141
- Кастеллани Лапо ди Стефано 13
- Кастеллани Маттео ди (Микеле) 137, 144
- Кастеллани Микеле 123, 128
- Кастеллани Стефано ди Ванини 14
- Кастильонкьо Лапо ди 42, 222
- Кафферелли Джаноццо ди (Завоби) 137
- Качча Антонио д'Антонио дель 22
- Качча Ноффри ди Бонди дель 177
- Качча Сальваторе ди Бонди дель 108
- Каччини Джованини ди Франческо 130
- Келло Антонио ди сер 81
- Келло ди 104
- Кельский архиепископ 88
- Керикино Бардуччо ди 140
- Климент VII 225
- Классои Оливье де 223
- Коверелли Андреа ди Джусто 147
- Коккьяра Джузеппе 202
- Колонна 145
- Компаньи Антонио ди Джованини 109
- Компаньи Дино 210
- Контесса Бартоло делла 57
- Коппини Агостино дель 22
- Корбивелли Антонио ди Томазо 177

- Корбинелли Бартоломео ди Томазо 101, 106, 107, 136, 175
 Корбинелла Томазо 180
 Корбицци 57, 224
 Корбицци Антонио ди Джованни 80
 Корбицци Джери ди Джованни 80
 Корбицци Джованни 34
 Корбицци Маттео дель Рикко 224
 Корбицци Маттео дель Рикко да Сан Пьеро Маджоре 37—39
 Корбицци Маттео ди Паоло 81
 Корселяни Бонакcorso ди Паоло 174
 Корси Симоне ди Лапо ди Франческо 174
 Корсини 71
 Корсини Бертольдо ди Филиппо 108
 Корсини Стефано ди Корсини дед 15, 136
 Корсини Тесса 15
 Корсини Филиппо дед 56, 72—76, 95, 106, 131, 226
 Кортиджани Бартоло ди Роберто 139
 Кьянти Брандо да Какьяно ди 127, 128

 Ландо Микеле ди 32
 Ланкастерский, герцог 45
 Ланкрезино Джованни ди 22
 Ланфранки Гвальтерото 38, 40, 222
 Лапини Пьеро 137
 Лапоццо Антонио ди Пьеро ди 181
 Лино Уголино да 20
 Лиони Франческо ди Бьяджо 138
 Липпо Бернардо ди 33, 34, 41, 43
 Лихфельдский, епископ 165
 Лодовико, герцог 69
 Лорино Таддео ди Бартоломео 145
 Луи II Анжуйский 80, 112, 115, 116, 133, 142, 164, 165, 227, 229, 230
 Луи Орлеанский 62—65, 68, 69, 71, 73, 76, 78, 99, 109, 110, 161, 163, 192, 226, 229
 Луйези 7
 Луна Петр де 225
 Луна Франческо ди Франческо делла 176
 Луниджана Джованни да Винка ди 23
 Людвиг Баварский 96

 Магалотти Филиппо дед 104
 Мадзинги Арриго ди (Джованни) 138
 Мадруччо Бонифацио дель 71
 Мази Андреа 9, 175
 Мази Томазо 145
 Мази Франческо 145
 Мазини Никколо ди Франческо 172
 Мазини Пьеро ди Сандро 144
 Мазо 129
 Мазо Ринальдо 129
 Майнцский, архиепископ 88
 Макиавелли 8, 11
 Макиавелли Герардо 177, 181
 Макиавелли Филиппо 19, 168, 172
 Макиавелли Франческо 129
 Малатеста 97, 229
 Малатести Галеаццо дед 144
 Малатести Карло дед 144, 145, 178
 Малегонелле Антонио 22
 Малегонелле Джовакино 11
 Малегонелле Катерина ди Никколо 21
 Малегонелле Леона 11
 Малегонелле Марко 11
 Малегонелле Никколо ди Томмазо 10, 11, 19, 30, 138
 Малегонелле Пьеро 11
 Малегонелле Томазо 11, 19
 Малегонелле Франческо 11
 Мальваджа Кристофано делла 118
 Мальи Пьеро ди (Бернардо) 137

- Манджони Антонио ди Чиприано 138
 Манджони Джованни 11
 Манджони Скьята 11
 Манджони Тиле 11
 Манджони Якопо 11
 Мансали Гвидо дель Грассо 24, 25, 27
 Мансали Никколо дель Грассо 24, 25, 27
 Манни Манно ди Джованни ди Темпераво 174
 Маннини Лунджи 108, 167
 Мановелли Якопо ди Никколо 145
 Мануччи Антонио ди Ванни 130, 137
 Маччини Паоло ди Бардо 137
 Мариньолли Динго ди Гверьянте 135
 Мартеллини Аньоло д'Изау 144
 Мартин V 153, 172, 232
 Мартини Антонио ди Томазо ди Гуччо 174
 Мартини Лапо 108
 Мартини Стефано 20
 Мартини Фаббиано д'Антонио 136
 Маруччи Микеле 28—30
 Марчалло Бартоло ди Берто да 20
 Марчалло Тьери да 19
 Матерасса Доменико ди Леонардо 145
 Маттеи Симоне 21
 Медзола Антонио ди Джованни ди Заноби да 165, 166, 171
 Медзола Заноби да 15
 Медзола Маргерита 15
 Медзола Пьеро 15
 Медзола Ринальдо ди Бернардо да 173, 179
 Медичи Джованни ди Биччи деи 91, 117, 130, 138, 181
 Медичи Россо ди Джованни ди Никколо деи 175, 182
 Менгр (Бусико) Жан де 105—108, 228
 Микельсанджело 206
 Микелас 40
 Микелотти Гвидоне деи 144
 Микелотти Чекколино деи 144
 Микелоцо Джованни ди 137
 Миланский, герцог 56, 61, 70—73, 76, 78, 82, 84, 86, 87, 92, 94, 95, 97, 99, 100, 102, 103, 173, 174, 177, 178, 182
 Мильори Мильоре ди Джунта 129
 Минербетти Джованни д'Андреа 109, 118, 167, 172, 180
 Минербетти Томмазо д'Андреа 138, 179
 Минна Меа делла 21
 Миро 187
 Моне Джованни ди 42
 Монлеви де 65, 66
 Монтекатини Наддо да 215
 Мончоне Гвидо Гверра да Баттифолле 14, 153, 172, 173, 233
 Мончоне Катерина 13, 14, 154, 173
 Мончоне Франческо да Баттифолле 14
 Морелли Джованни ди Паоло 186, 202, 214, 215
 Моротта Мариотто ди Пьеро делла 138
 Моччо Нофри д'Антонио ди 175
 Мучини Доменико д'Ариго ди Пьеро 153, 173
 Мучини Доменико ди Пьеро 154
 Муччерелло Липпо ди 100
 Нази Якопо ди Лутцоцо 136
 Нальдо Фантоне ди 20
 Нарди Бернардо 23
 Нелло (Питти) Примавера 13, 21, 181
 Нелло Стефано ди 182
 Нернио Бартоломея ди Кола 13, 18
 Нернио Никколо ди Джулиано ди Кола ди 172
 Неро Неро ди Филиппо дель 22

- Неро Симоне дель 145
 Ниджи Джованни ди 181
 Ниджи Нерове ди 103, 138, 180, 181
 Никколини Лапо ди Джованни 104, 138, 180
 Нобили Бернардо ди Чоне деи 69
 Нобили Паоло ди Чино деи 108
 Номе Алесандро ди Якопо ди Никколо ди 22
 Номе Риччардо ди Никколо ди 130, 137
 Нофри Андреа ди 172

 Обиди Лодовико дельи 178
 Орланди Никколо ди Нино 135
 Орланди Якопо 108
 Орсини 123
 Орсини Орсо да Монте Ритондо дельи 144
 Орсини Паоло 116, 145, 231
 Оттаванти Доменико ди Бартоло 174

 Паладжо Гвидо ди Томазо ди Нери даль 57
 Паладжо Дианора ди Пьеро ди Нери даль 13
 Паладжо Пьеро ди Джованни даль 173
 Паладжо Пьеро ди Джованни д'Андреа даль 109, 130
 Паладжо Пьеро ди Джованни ди Нери даль 136
 Пальмиери Марко ди Антонио 181
 Пальмиери Франческо д'Антонио 176
 Пандольфини Аньоло ди Филиппо ди Джованни 171
 Панцаио Антонио ди Лука да 136
 Панцаио Лука ди Тотто да 33, 34
 Панча Фиреиде дель 137
 Панчатики Джованни 12
 Панчатики Куррадо 129

 Панчатики Никколоза 12
 Пассаванти Якопо 204
 Пацци Андреа ди Гильельмино деи 135
 Пацци Микеле деи 111
 Педзайо Лука ди Джованни ди Лука 135
 Пекори Гвидаччо 174
 Пекори Лука 13
 Пекори Томмазо ди Якопо 138
 Пекори Франческо ди Якопо 13
 Пекори Якопо 13
 Пери Бернардо ди Пьероцо 108
 Пери Джованни ди Франческино 137
 Перуцци 125
 Перуцци Амидео 118
 Перуцци Андреа ди (Франческо) Съепе 137
 Перуцци Арнольдо 122, 124
 Перуцци Биндаччо 123, 124
 Перуцци Джованни ди Рильери 153
 Перуцци Леонардо 10
 Перуцци Ридольфо ди Бонифацио 122, 123, 171
 Петрарка 185
 Петритони 9
 Петритони Ненте 9
 Петритони Пьеро 9
 Петритони Убальдино 9
 Пина Аньоло ди Джованни да 108
 Писторе Джованни 23
 Питти 7, 11, 18, 80, 224
 Питти Агостино 9
 Питти Антонио 13
 Питти Бартоло 9
 Питти Бартоломео 12
 Питти Бартоломео ди Нери 15, 16, 19, 60, 61, 109, 121, 130, 131, 171, 175, 182, 217; его сын Нери 15, 142, 146, 147
 Питти Бинделла 16
 Питти Бонаккорсо да Маффео деи 5, 6, 8, 9, 12, 18, 175, 176

- Питти Бонаккорсо ди Нери 5, 13, 17, 19, 20, 22, 23, 35, 37, 39, 44, 67, 68, 75, 90, 93, 99, 123, 124, 137, 147, 170, 185, 187—202, 204, 209—217, 221—225, 229, 231, 233; его дети: Камилла 20; Камилла Гайа 21; Куррадина 13, 15, 20; Куррадина 20; Мадалена 13, 21, 175; Нери 13, 131; Нери Чиприано 21; Пьеро Ветторно 21; Ривьери 20; Руберто 13, 20, 22, 23; Франческо 13, 21, 182
- Питти Бонаккорсо ди Рукко деи 26
- Питти Бонсиньоре деи 5, 8
- Питти Буонаккорсо Лионардо 22
- Питти Бьонделла 179
- Питти (Гонди) Джованна ди Сальвестро 23, 181
- Питти Джованни ди Нери 23
- Питти Джованцо ди Франческо деи 14, 117, 175, 181
- Питти Днафора 14
- Питти Доффо ди Лунджи 16, 117, 179, 182
- Питти Катерина 18, 179
- Питти Куррадина 10, 11, 13
- Питти Лапа 16
- Питти Лапо 5, 8
- Питти Лаудомина 173, 179
- Питти Лена 15, 175
- Питти Лиза 15, 109
- Питти Лизабетта 71
- Питти Лизабетта ди Маттео 12
- Питти Лионардо деи Джеппо 26
- Питти Лунджи 25
- Питти Лунджи ди Бонаккорсо ди Рукко деи 15, 18, 70
- Питти Лунджи Джиминьяно 22
- Питти Лунджи ди Нери 16—18, 61—62, 73, 119—121, 124, 130—133, 141, 146; его дети: Бинделла 16, 146; Катерина 16; Катерина 16; Куррадина 16; Маффео 16; Томаво 16
- Питти Лука ди Бонаккорсо 13, 19, 22, 23, 153, 171, 173, 177, 181, 182; его дети: Аньола 23; Дионора 22; Лиза Катерина 23; Пьеро Америко 22; Спинетто 23; Филиппо 23
- Питти Маргерита 10, 24
- Питти Маффео 9
- Питти Маффео ди Бонсиньоре 5, 8
- Питти Нери ди Бонаккорсо 5—9, 12, 22, 176
- Питти Нери ди Нери 9, 10; его дети: Америго 10; Бартоломео 10; Бонаккорсо 10; Джованни 10; Джованни 10, 142; Лунджи 10; Никколоза 10; Пьеро 10; Франческо 10; Франческо 10; Чоне 10, 13, 113
- Питти Нероццо 16, 117, 173, 179
- Питти Никколо ди Чоне 24
- Питти Пьеро ди Нери 11, 25, 83; его дети: Джованни 11; Лоба 11; Нери 11
- Питти Руберто ди Бонаккорсо 23, 181
- Питти Сальвестро 23
- Питти Симонетта 14
- Питти Тесса 9
- Питти Томаво 9
- Питти Франческа (Альбицци) 13, 14, 178, 179, 190
- Питти Франческа (Бьялоти) 10, 15, 18
- Питти (Корбинелли) Франческа 175
- Питти Франческо ди Нери 13—15, 18, 22, 53, 57, 59—61, 71, 113, 121, 132, 153, 154; его дети: Лизабетта 14; Маргерита 14; Нери 14
- Питти Фьоретта 19, 22, 177
- Питти Чайя 9
- Питти Чилея 9
- Питти Чоне 9, 25, 26; его дети: Никколо 10; Чоне 10
- Питти Чоне ди Никколо 24

- Питти Чоре ди Лапо 5, 6, 8, 9, 26
 Полициано Анджело 208
 Поло Марко 205
 Пополески Бартоломео 109, 114, 115, 118, 163
 Пополески Сальвестро ди Томазо 136
 Пополески Филиппо ди Никколо 172
 Порро Антонио 55
 Пранберг ди 94
 Прато Лунджи да 114, 230
 Прато Томазино да Панцано Бартоломео дель 42
 Пуджо Якопо ди Монте ди 138
 Пульезе Джакомино 203
 Пульчи Франческо ди Чоне ден 139
 Пьеро Россо ди 20

 Рабатта Антонио ди Никколо да 18, 118, 138, 171
 Рабатта Гостанца 18
 Рабатта Никколо да 138
 Рагуджи Андреа ди (Сандро) 137
 Рафаккини Стефано 79
 Реддити Карло ди Томазо 138
 Ремена Антонио да 20
 Ремена Бандино да 20
 Рена Никколо ди Корсо дела 15
 Рена Никколоза 15
 Рена Пьеро ди Бернардо дела 136
 Ренуар Ив 213
 Ридольфи Антонина 14
 Ридольфи Бартоло ди Ноффо 137
 Ридольфи Бартоломео ди Якопо 178
 Ридольфи Лоренцо 136
 Ридольфи Скьятта 118
 Ридольфи Уберто ди Скьятта 14
 Ривалити Джерп ди Якопо 137
 Ривалити Убертино 171
 Рикаво Антонио ди Микеле да 174
 Рикасоли 120, 121, 123, 125, 167, 171
 Рикасоли Альбертаччо да 120—122, 125—127
 Рикасоли Биндаччо 121
 Рикасоли Галеотто 121
 Рикасоли Карло 121, 126, 127
 Рикасоли Лапо ди 126—129
 Рикасоли Пандольфо да 121, 123, 168, 174
 Рикко Matteo дель 80, 81
 Ринальдо Папино 123, 127
 Ристоро Джованни ди 17, 125, 126
 Ритафе Бардо 98
 Ритафе Никколо ди Бардо 118, 172
 Ричальбани Джованни 180
 Риччи Сальвестро ди Россо ден 83
 Риччи Самминьято д'Угуччозо ден 83
 Рондинелли Андреа ди Ринальдо 144, 146
 Рондинелли Ринальдо ди (Филиппо) 138
 Росси Бандекка 21, 153
 Росси Джованна 10
 Росси Джованни ди Герверя ден 41, 56, 139
 Росси Морелло ден 10
 Росси Руберто ден 21, 129, 153
 Росси Руберто ди Франческо ден 21
 Росси Трибальдо ден 118
 Рупрехт Баварский 20, 84, 93, 189, 220, 227
 Рустики Бетто ди Джованни 105, 138, 177
 Рустики Франческо ди (Грассо) 21
 Рутенбург В. И. 209, 216
 Ручеллаи Кардинале 13
 Ручеллаи Томазо 118
 Ручеллаи Уголино ди Альбизци 138
 Ручеллаи Франческо д'Уголино 179

 Савойский, граф 54, 57, 142, 174
 Саккетти 10, 192, 207, 208, 211
 Саккетти Никколо ди Франко 19
 Саккетти Томазо ден 95, 106
 Саккетти Ферезе д'Антонио 137

- Салимбене 210
 Сальвестро Лиовардо ди 139
 Сальвестро Микеле ди 118
 Сальвинати Симоне ди Никколо 130, 136
 Сальвинати Фореае 108
 Сальвинати Якопо 115
 Самминьято Перо ди Перо да 84, 93
 Самполо ди 56
 Сандро Банко ди 130
 Санктис Ф. де 204, 205
 Сашти 125—129
 Сапити Филиппо д'Отто 176, 178
 Сассолани Арриго ди Джованни 172
 Серальи Белькаро 112
 Серенелли Бартоломео 182
 Серкамби Джованни 212
 Серра Бернардоне да 98
 Серральи Ванноццо ди Джованни 137
 Сигизмунд Люксембургский 226, 230
 Симинетти Неффри ди Джованни 104
 Сиферваль 65
 Скамбриала Манетто ди Туччо 137
 Скарлатини Антонио ди Скарлатто 179
 Скарлатини (Сапити, Питти) Бартоломеа 13, 153, 176, 179
 Скарперна Антонио дала 10, 219
 Скарперна Аньола 10
 Скоделлаи Лива ди . . . дельи 15
 Скотти (Ланчанти) Андреа ди Салимбене дельи 166—171
 Скьяттези Якопо ди Джильо 108
 Скьяттези Якопо ди Циано 117
 Содерини Джованни ди Никколо 137, 153
 Содерини Томазо 43
 Солосмен Маттео ди Нуччо 136
 Сольдато Пьеро ди (Франческо) дель 137
 Сонмайя Гуччо да 130
 Спинелли Фруозиньо ди Франческо 104
 Спини Кристофано д'Анфроне 17, 56, 129, 138
 Стефан Баварский 225
 Стефани Ванни 71
 Стефано Кименто ди 20
 Стикко 187
 Страда Пьеро ди Заноби да Медзола Бартоло ди Пьеро 137
 Стренато Никколо делло 22
 Строцци Антонио ди Леонардо дельи 108
 Строцци Бенедетто ди Кароччо дельи 136
 Строцци Бонаккорсо 18
 Строцци Джованни ди Луиджи дельи 10, 11, 18; его дети: Лоренцо 11; Луиджи 11; Сельваджа 11; Филиппо 11; Франческо 11
 Строцци Карло дельи 13
 Строцци Контессино 11
 Строцци Луиджи дельи 11, 18
 Строцци Марко ди Горо дельи 104, 108, 118, 130
 Строцци Никколова 18
 Строцци Ноффри ди Палла дельи 112
 Строцци Палла дельи 144, 153
 Строцци Пиначчо дельи 18
 Строцци Пьеро ди Лионардо дельи 180
 Строцци Сандра 18
 Строцци Смеральдо дельи 13
 Строцци Убертино дельи 10
 Строцци Франческо ди Палла дельи 173
 Стуфа Андреа, ж. 15
 Стуфа Андреа, м. 79
 Стуфа Джованни д'Андреа 15
 Стуфа Никколо 15
 Стуфа Уго д'Андреа делла 15, 79, 138
 Сфорца да Кутиньола 115, 116, 164, 230

- Тадео Карло 181
 Тадео Маркотто 181
 Тадео Симоне 181
 Тадео Филиппо ди 181
 Тадео Филиппо ди Филиппо 131
 Тальдо Бартоломео ди 144
 Танаалья Маттео Антонио 20
 Тарталя да Лавелло 144, 145, 231
 Тебальдини Джованни 31
 Тинги Маттео делло Шельто 27, 28, 215
 Тога Биндо далла 19
 Тога Никколо ди Бернардо Саффи делла 138
 Тозетто Феличе ди Бартоломео дель 16
 Тозиньяно Пьеро ди 87, 88
 Тозо Лоренцо дель 118
 Томазо 128
 Торелло Никколоза ди Саламоне ди 14
 Торнабуони Симоне 19
 Торнаквинчи Гиригоро 34, 36
 Торнаквинчи Кирико ди Перо 136
 Торнаквинчи Никколо ди Паньово 15
 Торнаквинчи Теста ди Джованни 139
 Торнаквинчи Тьери ди Франческо 139
 Точчо Филиппо дель 143
 Тринчи Куррадо деи 144
 Тринчи Танча 144
 Тринчи Уголино 144
 Тура Якопо ди Франческо ди 118
 Убертини 120
 Убертини Андренно дельи 120
 Убертини Бартоломео ди Гиригоро ди Фетто 153, 176
 Убертини Гиригоро ди Фетто 153
 Урбан VI 221
 Урбино 97
 Уццаво Аньоло ди Джованни 136
 Уццаво Никколо да 98, 113—115, 124, 229
 Фалькони Никколо ди Франческо 171
 Фантони Антонио 22
 Фантони Лионардо ди Марко ди Джотто 138
 Фантони Фантоне ди Нальдо 104
 Фаньи Никколайо 117, 118
 Фаньи Филиппо 181
 Федериги Пьера 15
 Федериги Франческо 15
 Ферантини Маркотто 56
 Фибиндаччи 173, 174
 Фигини Стефано 176
 Филадельфия Антонио ди Лука да 179
 Филадельфия Лука ди Манетто да 139, 145
 Филиппо Гоставца ди Марко ди 21
 Филиппо Рустико ди 203, 206
 Филиппо Филиппо ди Сальви ди 139
 Фичини Стефано 9
 Фландрский, граф 46
 Фольгоре ди Сан Джиминьяно 203, 206
 Фонте Берто делла 53, 54
 Форабоски Бальдассаре ди Бартоломео 139
 Форабоски Герардо д'Османно 136
 Форезе Джованни ди 171
 Фортини Джованни ди Ландо 72
 Франциск Ассизский 204, 205
 Франческо 24
 Франческо Амброджо ди 22
 Франческо Бенино ди 171
 Фрегозо Томазо да Кампо 174
 Фреско Нери ди 104
 Фрескобальди Америго ди Джованни 139
 Фрескобальди Джиромонте ди Гвидо 136
 Фрескобальди Лиза 11
 Фрескобальди Томазо ди Леонардо 11
 Фроште Антонио ди Пьеро ди 108, 137, 146, 167, 173

- Чаи Джулиано ди Франческо 172
 Чекино Бартоло 20
 Чекино Рикино 20
 Челлини Бенвенуто 186, 187, 202
 Чено Бернардо 215
 Ченчо Кола 32
 Чертальдо Лапо ди Пьеро да 19,
 21, 153
 Чешфини Сальвестро ди Лодовико
 136
 Чиконья Джулиано дела 21, 121,
 125, 127, 128
 Чиконья Франческо дала 125, 127,
 128
 Чино Бартоло ди Бернардо ди 111
 Чино Бернардо ди 43, 45, 50, 51, 69
 Чино Чино 50
 Читерна Джусто дель 37
 Чофи Андреа 104
 Чукко Пьеро дель 21
- Шанкато Франческа ди Пьеро 23**
Шельто Америго ди Matteo делло
181
 Шельто Джованни делло 33, 34
 Шельто Лена 181
 Шельто Matteo делло 33, 36, 38
 Шишмарев В. Ф. 207
- Эгано 90
 Эдуард III 223
 Эггерман де Куси 62, 69, 161, 225
- Юнипер 205**
- Vacchi della Lega Alberto 197**
Ves Chr. 187, 214, 216
Bonfigli L. 213
- Cecchi E. 203, 210**
Cellini Benvenuto 187
Cocchiara G. 202, 205, 208
Compagni D. 210
- Dante 206**
- Flora F. 205**
- Goethe W. 187**
Garzoni Ancarani G. degli 186
Guzzoni Ancaran C. degli 212
- Manni Giuseppe 197**
Mirot L. 188, 212
Montecatini Naddo da 215
Morelli Giovanni di Pagolo 186
Muratori L. A. 211
- Otrange M. L. d' 192**
- Pitti Bonaccorso 197**
Pratolini V. 207
- Renouard Y. 213**
Renucci P. 206
Rodocanachi E. 212
- Sacchetti Franco 207**
Saitta G. 208
Sapegno N. 203, 210
Sercambi G. 212
Sticco M. 188
- Vallone A. 206**
Varese Cl. 187
Velluti Donato 186, 211
Villani Filippo 223
Villani Giovanni 223
Villani Matteo 223

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ХРОНИКА	
(Перевод Э. В. Гуковской под редакцией М. А. Гуковского)	5
Приложения	
«Хроника» Бонакcorso Питти. М. А. Гуковский	185
Автобиография Питти и итальянская литература. В. И. Ругенбург	201
Примечания (Составил М. А. Гуковский) . . .	218
Указатель имен (Составил С. Н. Искюль) . . .	234

Бонакcorso Питти ХРОНИКА

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии «Литературные памятники»*

Редактор издательства *И. Б. Марморштейн*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректор *Г. А. Мошкина*

Сдано в набор 18/VII 1972 г. Подписано к печати 14/XI 1972 г.
Формат 70×90³/₃₂. Печ. л. 7³/₄+1 вкл. (1¹/₁₆ п. л.) = 9,13 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 10.04. Изд. № 4842. Тип. вак. № 1232. Тираж 50 000.
Л. мага № 2. Цена в переплете 78 коп., в обложке 58 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
100	6 сверху	каковых	каковом
130	5 "	де Никколо	ди Никколо
136	2 снизу	Франческо, дельи	Франческо дельи
148	9 "	Ароццо	Ареццо
"	1—2 "	Подесто Сан Джи- миньяна	Подеста Сан Джи- миньяно
155	14 "	Риж	Рим
160	1 сверху	(Ман)гую, Фер- вару	(Ман)тую, Фер- рару
186	6 снизу	ed. 1370	ed il 1370
188	3 "	Буонацcorso	Буонацcorso

Буонакcorso Питти

78 X 55.